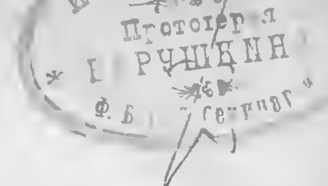
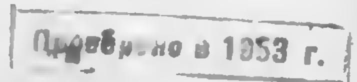
Все хорошее, узнавъ, вы должны помнить. Владиміръ Мономахъ въ завѣщаніи дѣтямъ.

ИСТОРІЯ

ФИЛОСОФІИ

Архимандрита Гавріила.

ЧАСТЬ VI.

Вся испытующе, доброе держите.

КАЗАНЬ,

въ Университетской Типографіи.

1840.

(1р.)

Печатано съ одобренія Издательнаго Комитета, учрежденнаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.

ИСТОРІЯ

ФИЛОСОФІИ.

Часть VI.

Прибавленіе второе.

РУССКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

§ 138. Каждый народъ имѣетъ свой особенный характеръ, отличающій его отъ прочихъ народовъ и свою философію, болѣе или менѣе наукообразную, или покрайней мѣрѣ разсѣянную въ преданіяхъ, повѣстяхъ, нравоученіяхъ, стихотвореніяхъ и религіи. Провидѣніе изліяло богатство даровъ своихъ въ различной мѣрѣ, въ разнообразныхъ, неисчисленныхъ степеняхъ по всѣмъ мѣстамъ, по всѣмъ существамъ, наполняющимъ вселенную. Если древній благочестивый Израиль, внимательный ко гласу своего Господа, представляетъ намъ символъ совѣсти, изрѣкающей нравственныя начала для нашей дѣятельности; то нынѣшній Израиль, поражаемый проклятіемъ закона,

скитающійся и трясущійся, есть представитель совѣсти смущенной, рабскаго страха къ закону. Востокъ, благоденствующій подъ безоблачнымъ небомъ, роскошествующій богатствомъ видимой природы, кипитъ внѣшней жизнію, изобиленъ огненной фантазіей, истаеваетъ въ мечтательности и нѣгѣ, гніетъ умственнымъ и гражданственнымъ застоемъ. Грекъ создавшій Олимпъ съ многочисленными пирами, распрями боговъ и человѣковъ, проводившій всю жизнь въ школахъ, циркахъ, торжищахъ, театрахъ и различныхъ собраніяхъ, возведшій на высшій степень совершенства науки и художества, есть какъ бы самая воплощенная изящная людскость. Римъ чрезъ насиліе стремящійся къ всемірному владычеству, обоготворившій избіенныхъ героевъ, допускавшій самоубійство при отчаяніи, есть эгоизмъ, изображенный въ лицахъ. Скандинавъ задумчивъ, угрюмъ. Германецъ идеалистъ, чувствителенъ, неутомимъ въ изысканіяхъ и часто одностороненъ въ построеніи умственныхъ теорій, какъ напр. Бемъ; Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель. Французъ любезенъ, веселонравенъ, переимчивъ, склоненъ къ удовольствіямъ и поверхностной изящности. Италіанецъ облекаетъ религіозность въ роскошныя формы, ищетъ чувственныхъ наслажденій, благоговѣетъ къ туфлямъ Папы. Испанецъ фанатикъ въ религіи, рыцарь въ народности, лѣнивъ отъ злата американскаго. Португалецъ запечатлѣнъ меланхоліею. Англичанинъ, еще по направленію Бекона, во всей дѣятельности ищетъ пользы одинаково къ тому употребляя и скептицизмъ какъ у Юма, и матеріализмъ какъ у Мальтона. Россіянинъ богобоязливъ, до безконечности приверженъ къ вѣрѣ, престолу и отечеству, послушенъ, нерѣшителенъ и даже недѣятеленъ тамъ, гдѣ подозрѣваетъ какое либо зло отъ поспѣшности, трудолюбивъ, хитръ, непобѣдимъ въ терпѣніи, разсудителенъ; по отношенію жъ къ любомудрію отличительный характеръ его мышленія есть раціонализмъ, соображаемый съ опытомъ. Докажемъ это послѣднее положеніе, какъ принадлежащее къ нашей наукѣ.

§ 139. Вліяніе ума на всю человѣческую дѣятельность русской народъ выражаетъ любимыми присловіями: свой умъ царь въ головѣ. Хорошо умъ; а два лучше. Безъ ума торговать, лишь деньги терять. Въ большомъ мѣстѣ сидѣть, много ума имѣть. Впрочемъ русскій требуетъ, чтобы всякая теорія совершенно была согласна съ опытомъ, приговаривая въ дружескихъ бесѣдахъ: чего не видишъ, о томъ и не бредишъ. Философъ со всей силою краснорѣчія расказывающій какое либо умственное построеніе, недоступное, или сколько нибудь противорѣчащее опыту, всегда услышитъ поговорку: хорошо говорить, а послушать нечего. Мы люди темные; мы ничего тутъ невидимъ. Поретъ высоко, а ничего непоймешъ; сущая эрмолафія! Никогда русскій, подобно Декарту, не принималъ сомнѣнія за начало философіи; онъ допускаетъ одно испытаніе истины, внушая осторожность при затрудненіяхъ: опасенье половина спасенья! Вотъ яма, стой прямо! Семь разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжъ! Хотя

совершенно неоспоримо то, что всякая поговорка народа выражаетъ его жизнь и дѣятельность; впрочемъ не безъ основанія можно здѣсь спросить: дѣйствительно ли приведенныя поговорки оправдываются исторіей русскаго народа? Посмотримъ!

§ 140. Древнее русское языческое Богоученіе совсѣмъ чуждо тѣхъ между богами пировъ, тѣхъ распрей, тѣхъ пороковъ, тѣхъ отвратительныхъ картинъ, каковыми наприм. преисполнена миѳологія Грековъ и каковыя безобразятъ самое человѣчество. Создавъ энергическій сообразный съ природой нарицаемыхъ предметовъ языкъ болѣе сильный нежели новѣйшее нарѣчіе, Славяне признавали единаго верховнаго и истиннаго Бога, коему небеса, украшенныя лучезарными свѣтилами, служатъ достойнымъ храмомъ, и коего они называли Бѣлымъ-богомъ. Они не строили ему храмовъ, воображая, что смертные не могутъ имѣть съ нимъ сообщенія; они не приносили ему жертвъ, почитая его выше всякой жертвы. Сей Богъ не имѣлъ жрецовъ; ему служили одни только добрые духи, отъ него сотворенные, защитники невинности, гостепріимства, милосердія, храбрости и прочихъ добродѣтелей. Дабы верховному Бѣлому-богу неприписать нещастій, болѣзней и зла, Славяне измыслили особенное враждебное людямъ существо, сотворенное отъ Бѣлаго-бога добрымъ, но отпавшее отъ него и содѣлавшееся злымъ, и назвали это существо — Чернобогомъ; они представляли сего злаго духа подъ символомъ льва съ тою цѣлію, что бы изобразить его силу предъ человѣками. Чернобогъ, развративъ многихъ добрыхъ геніевъ и человѣковъ, содѣлалъ ихъ своими помощниками — въ водахъ, на землѣ, въ домахъ, въ лѣсахъ, въ воздухѣ и во всемъ мірѣ, отъ чего произошли водовики, русалки, кикиморы, вѣдьмы, домовые, лѣшіе, дитки, бабы яги, кудесники, ворожеи, имѣющіе сообщеніе съ злымъ богомъ, чудовища ненавистныя для народа, но чтимыя подарками, честію, ласками, жертвоприношеніями, во избѣжаніе зла, наносимаго отъ нихъ людямъ. Славяне думали, что Бѣлый-богъ являетъ свою силу въ различныхъ достопримѣчательныхъ дѣйствіяхъ природы. Поразительное зрѣлище грозы, когда съ пылающаго неба, при раскатѣ громовъ потрясающихъ землю, невидимая рука мещетъ всюду огни, наполнило сердца ихъ священнымъ ужасомъ къ существу невидимому и высшему, и они нарѣкли его *Перуномъ*. Нельзя величественнѣе изобразить громовержца!

Страшенъ Перунъ.

Ужасъ наводитъ тяжела стопа;
Какъ онъ въ предшествіи молній своихъ,
Мракомъ одѣянъ вихрями повитъ,
Грозныя тучи ведетъ за собой!
Ступитъ на облакъ — огни изъ подъ пятъ;
Ризой махнетъ — побагровѣетъ твердь;
Взглянетъ на землю — трепещетъ земля;
Взглянетъ на море — котломъ закипитъ;
Клонятся горы — былинкой предъ нимъ.
Страшно! свой гнѣвъ ты отъ насъ отврати.

Они имѣли истуканъ Перуна; но истуканъ не имѣлъ храмовъ и жрецовъ, отличаемъ былъ отъ самой грозы и громовержца — и потому Русскіе привязали его къ конскому хвосту при введеніи Христіанства, били палками, бросили его въ Днѣпръ, и никогда не возставали противъ Евангелія, подобно просвѣщеннымъ Грекамъ и Римлянамъ. Прочія славянскія второстепенныя и сотворенныя божества также были ни что иное, какъ вредныя или благотворныя естественныя дѣйствія, имѣющія вліяніе на судьбу людей.

Въ чемъ Сѣверъ признавалъ священны божества,
То были дѣйствія и свойства естества.

Такъ Славяне почитали жизненное теплотворное начало или солнце; благополучіе какъ даръ неба, или Даже Бога; зарю — или Мерцану; удовольствіе или Услада; любовь или Леля; бракъ или Полеля; супружество или Дида; генія ясныхъ дней или Погоду; покровителя стадъ или Волоса; блюстителя мудрости или Родомысла; хранителя плодовъ или Сѣву; бога страннопріимства или Радегаста; начальника вѣтровъ и бурь, или Позвизта; зиму или Зимерзлу. Подобная энергія замѣтна и въ наименованіи мѣсяцевъ. Скажемъ ли: *Листопадъ*! Какъ точно симъ именемъ изображается сентябрь! Слогъ *Ли* есть точный отголосокъ сотрясенія древесныхъ листьевъ отъ вѣтра происходящаго; а слогъ *падъ* есть подражательное эхо листа упадшаго на землю. Наречемъ

ли слово: *студенъ*? Оно весьма чувствительно говоритъ намъ о холодномъ декабрѣ! Припомнимъ ли древнія наименованія *травень*, *цвѣтенъ*? Это воспоминаніе освѣжаетъ насъ, какъ зелень апрѣля, какъ цвѣты мая? Наконецъ замѣтимъ, что Славяне имѣли понятіе о будущей жизни, въ которой добрые будутъ въ общеніи съ Бѣлымъ богомъ и его служителями, а злые будутъ жить съ Чернобогомъ и его товарищами, почему и самую смерть называли *изроненіемъ души* и *вѣяніемъ души отъ тѣла* (*). Они молили Бѣлъ-бога о счастливомъ успокоеніи усопшаго, погребали его съ плачемъ, женщины облекались при семъ въ бѣлыя одежды, устрояли тризны и пиршества, въ честь усопшихъ воздвигали памятники, великолѣпно украшали могилы дикими камнями и столпами, имѣли обыкновеніе вмѣстѣ съ тѣломъ зарывать въ землю сплетенныя изъ рѣмней лѣсницы и коней, какъ символъ упованія о воскресеніи самаго тѣла. Таковыя изобрѣтенія, согласныя съ существомъ видимой и невидимой природы, не занятыя изъ чуждыхъ странъ суть лучшіе памятники ума и долговременной опытности народа. И нельзя думать, чтобы подобная изобрѣтательность въ большей или въ меньшей мѣрѣ не принадлежала прочимъ народамъ входящимъ въ составъ Россійскаго государства. Это тотчасъ покажетъ опытъ.

(*) Что мы ронимъ, то не погибаетъ; а поступаетъ на другое мѣсто: Что мы вѣемъ, то въ большей чистотѣ и отдѣленіи отъ плевелъ является на другомъ мѣстѣ.

§ 141. Донынѣ существуетъ въ Россіи необразованный народъ: *Чуваши.* По вѣрѣ въ могущество русскаго ума богатѣйшій Чувашанинъ почитаетъ за счастіе сочетаться бракомъ съ бѣднѣйшею Россіянкою, а богатѣйшая Чувашанинка вступитъ въ супружество съ бѣднѣйшимъ Россіяниномъ. И этотъ народъ измыслилъ собственное богоученіе по затѣйливой изобрѣтательности неуступающее персидскому. Населяя цѣлые уѣзды отдѣльно отъ русскихъ селеній, Чуваши не могутъ отстать отъ суевѣрныхъ обрядовъ поддерживаемыхъ предсказателями или Іомсями, коихъ велѣнія они почитаютъ божественными. Почти каждая деревня имѣетъ своего Іомсю, а въ иныхъ ихъ находится и больше, смотря по количеству жителей. Іомсями по большей части бываютъ женщины, (*пивіи*), которыя, пользуясь слѣпымъ повиновеніемъ народа, объявляютъ о себѣ, что онѣ въ сновидѣніяхъ получили даръ быть истолкователями божіей воли. Народное довѣріе къ симъ внушеніямъ и вообще мнѣніе, что сопротивленіе приказаніямъ Іомсей влечетъ гнѣвъ карающаго Божества, доселѣ удерживаютъ Чувашъ въ заблужденіяхъ, изъ коихъ больше извѣстныя суть слѣдующія: Вообще всѣ Чуваши принимаютъ два первоначальныя существа, первое *Тора* богъ, существо сотворившее міръ, благое милующее; второе *Шойтанъ* или діаволъ существо низшее злое и карающее, сотворенное отъ Торы, но по зависти отъ него отпавшее. Увѣрясь въ милосердіи перваго, въ длинныхъ молитвахъ они хотя и воспоминаютъ имя его съ благоговѣніемъ, но кромѣ восковыхъ

свѣчь, ни какихъ жертвоприношеній ему не приносятъ;— а послѣднему шойтану, подъ именемъ кремети, какъ области его дѣйствій, приносятъ многочисленныя жертвы, изъ животныхъ. Къ таковымъ жертвамъ прибѣгаютъ они въ болѣзняхъ и другихъ бѣдствіяхъ по внушенію предсказателей. Если кто нибудь въ семействѣ Чувашъ подвергнется непріятнымъ обстоятельствамъ, то одинъ изъ семейныхъ отправляется къ Іомсѣ съ какимъ нибудь подаркомъ, для испрошенія совѣта, какую именно и гдѣ должно приносить жертву, для освобожденія страждущаго отъ болѣзни. Іомся приказываетъ цѣлому семейству принесть жертвоприношеніе, назначаетъ количество скота и наименовываетъ духа, коему должна быть принесена жертва. Сіи жертвы приносятся большею частію въ домахъ, а иногда въ рощахъ, какъ мѣстахъ угодныхъ духамъ и способнѣйшихъ къ жертвоприношеніямъ. Скотъ, употребляемый на жертву состоитъ изъ лошадей, молодыхъ жеребятъ, быковъ, барановъ, ягнятъ и разнаго рода птицъ. Сіи животныя, по внушенію Іомсей, непремѣнно должны быть покупаемы по цѣнѣ, какую объявятъ продавцы, съ коими предсказатели имѣютъ корыстолюбивыя связи. Въ противномъ случаѣ если покупатель будетъ договариваться о цѣнѣ съ продавцемъ, то жертва его будетъ безполезна. Жертвоприношенія отправляются слѣдующимъ образомъ: Іомся приказываетъ испрашивающему пособія сварить пиво съ таковымъ замѣчаніемъ, что бы во время сего дѣйствія не креститься и отнюдь не воспоминать имя Божіе. Злой духъ якобы потребитъ

смертію того, кто при семъ произнесетъ имя Божіе. По окончаніи сего дѣйствія надлежитъ непремѣнно купить пива, меду и приготовить разнаго рода животныхъ отъ 1-го до 20 и больше, вообще такое количество, какое назначено будетъ Іомсею, смотря по важности дѣла. Какъ скоро изготовлены будутъ животныя, то ищущій пособія долженъ собрать къ себѣ своихъ родственниковъ въ домъ, гдѣ надъ животными, опредѣленными въ жертву каждый льетъ воду и молится, а когда всѣ животныя стряхнутъ съ себя воду, тогда Іомся читаетъ общую заключительную молитву кремети. Потомъ животныя закалаются и кровь ихъ весьма бережливо выпускается въ маленькую кадочку, *чирясъ*, такъ чтобы ни одна капля не пала на полъ; съ сею кровію смѣшавъ потребное количество ячменной муки, составляютъ шарики, кои варятъ и съѣдаютъ; мяса самыхъ животныхъ также варятъ въ большихъ котлахъ и во время сего дѣйствія не только не крестятся, но и крестъ съ себя снимаютъ. По свареніи мясъ, тотчасъ употребляютъ ихъ въ пищу, а кости истребивъ огнемъ, начинаютъ пить пиво. Въ самой рощѣ или кремети, за кору деревьевъ кладутъ деньги, и вѣшаютъ на сучьяхъ небольшія лоскутья холста. Если во время сего обряда кто нибудь изъ присутствующихъ изобразитъ на себѣ знаменіе креста, или только произнесетъ имя Божіе хотя по неосторожности; то уже жертва, по мнѣнію ихъ, духомъ не пріемлется; а что бы снискать его благоволеніе и не подпасть гнѣву, необходимо вторично приготовлять какъ животныхъ, такъ

и пиво противъ прежняго въ двойномъ количествѣ, какъ скажетъ Іомся. Въ противномъ случаѣ злой духъ, за таковое преступленіе якобы всѣхъ поразитъ смертію, и если онъ осердится, то самъ Богъ, по мнѣнію ихъ, не въ состояніи уже воспрепятствовать ему въ изліяніи своей злобы. По совершеніи сего обряда они возвращаются въ домъ больнаго и оканчиваютъ мольбу свою испрашиваніемъ болящему милости Господней. Если больному не будетъ облегченія отъ нѣсколькихъ повтореній таковыхъ жертвъ, и если ищущій пособія объдняетъ: то Іомся окончательно совѣтуетъ кому нибудь ѣхать космодаміанскаго уѣзда въ село Ишаки, молиться тамъ Святителю Николаю и поставить столько свѣчь сколько назначитъ Іомся. Чуваши вѣрятъ еще двумъ духамъ злобы, коихъ почитаютъ они, какъ бы домашними пенатами: перваго они называютъ *Касхи-Лопканъ-Эсрэль*. Подъ сими наименованіями они разумѣютъ духа свирѣпаго, духа черной немочи, который по толкованію Іомсей, можетъ разлучить душу съ тѣломъ, безъ воли Божіей, мучительнѣйшимъ образомъ, и поразить скотъ въ одно мгновеніе, если хозяинъ дома не принесетъ ему жертвы. Ему приносятъ жертву такимъ образомъ: купивши безъ торга назначенное Іомсей количество барановъ, и заплативъ за нихъ такую цѣну, какая потребуется продавцемъ, отвозятъ ихъ въ лѣсъ, гдѣ не закалая и не снимая шкуръ, перерубаютъ ихъ въ трехъ мѣстахъ и оставляютъ въ пользу духа. Вторый *Ирихъ* — есть ни что другое, какъ хранимый въ клѣтяхъ кузовъ, съ накладенными въ него

рябиновыми листьями, частію олова и разныхъ цвѣтовъ шелка. Ему жертвуютъ ягнятами, гороховымъ киселемъ, въ такихъ только случаяхъ, когда бываетъ на тѣлѣ сыпь, корь, оспа, чирьи и тому подобное. Жертва сія производится такъ: покупаютъ нѣсколько барановъ, и заколовъ ихъ отнимаютъ у одного голову и кладутъ ее въ кузовъ, въ жертву духу; прочее же мясо варятъ и съѣдаютъ, а кости сожигаютъ.

Нѣкоторые Чуваши имѣютъ еще слѣдующія обыкновенія: 1. Каждогодно въ вечеръ субботы страстной недѣли во всякомъ домѣ варятъ ячменную кашу и съѣвши оной по немногу, пьютъ пиво, а послѣ малыя дѣти собравшись вмѣстѣ съ ужасным крикомъ бѣгаютъ по всѣмъ дворамъ съ липовыми палками; обѣгавъ дворы выходятъ изъ деревень до какой нибудь рѣчки или оврага, гдѣ оставивъ палки возвращаются домой, вѣря, что симъ дѣйствіемъ изгоняютъ они какъ изъ домовъ, такъ и изъ деревень своихъ шойтана: 2. Если кто помретъ отъ начала ноября до троицкой недѣли; то поминовеніе его отправляется въ вознесенье, и въ четвертки послѣдующихъ седмицъ до недѣли всѣхъ Святыхъ и позже. Если же кому случится смерть послѣ пятидесятницы; то поминовеніе исправляютъ въ исходѣ октября и въ началѣ ноября мѣсяца. Обрядъ поминовенія совершается такъ: семейные варятъ пиво, колятъ по завѣщанію умершаго корову, теленка, овцу, козу, или какую либо дворную птицу, покупаютъ вина, созываютъ родственниковъ умершаго, отправляются на могилу его, и прежде всего каждый изъ присутствующихъ при семъ обрядѣ, взявъ часть пріуготовленной пищи полагаетъ ее на могилу поминаемаго, а другую съѣдаетъ самъ. Потомъ наливаетъ въ ковшъ вина, коего половину выливаетъ на могилу,

а другую выпиваетъ самъ, также поступаетъ и съ пивомъ. При семъ дѣйствіи просятъ умершаго, чтобы онъ молилъ о ихъ здоровьи, счастіи и хранилъ бы ихъ отъ бѣдственныхъ приключеній. Съ умершими Чуваши кладутъ нѣсколько денегъ, дабы они даромъ не занимали могилы и могли откупиться отъ шойтана. Кончивъ сей обрядъ возвращаются въ домъ умершаго, зажигаютъ восковую свѣчу и ставятъ ее у окошка близь двери. Потомъ наливъ пива въ ковши обращаются на полдень, умоляютъ креметь о ниспосланіи на домы ихъ счастія, и при концѣ молитвы, сказавъ троекратно: помилуй! поклоняются въ поясъ, подходятъ къ двери, льютъ изъ ковшей до половины на полъ у порога, а остальное выпиваютъ сами. Въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ Чуваши симъ обрядомъ уже гнушаются. 3. Когда требуется клятва для увѣренія въ истинѣ, то, вмѣсто присяги, Чуваши заставляютъ того, кто не признается, переступить чрезъ сухую и очищенную отъ коры липу или соломинку. Эта клятва почитается у нихъ важнѣйшей, виновный никакъ не рѣшится исполнить оную, опасаясь изсохнуть подобно липѣ или соломинкѣ, употребляемой при семъ случаѣ. Есть еще у нихъ и другой образъ клятвы; наприм. когда состоитъ на комъ чей нибудь изъ Чувашъ долгъ, а должникъ въ ономъ запирается: то въ семъ случаѣ заимодавецъ покупаетъ не много вина и заставляетъ взглянуть на крестъ церковный, или на образъ и сказать, что онъ не долженъ ему, и потомъ выпить пріуготовленное вино. Если должникъ все сіе исполнитъ, то заимодавецъ довольный этой клятвою оставляетъ уже искъ свой. 4. Чуваши по уборкѣ съ полей хлѣба мелютъ его, но не употребляютъ въ пищу дотолѣ, пока не сдѣлаютъ мольбы, которую отправляютъ такъ: пріуготовляютъ изъ новаго жита пиво и испекши изъ новой же муки хлѣбы, варятъ еще кашу, собираютъ въ домъ родственниковъ и сосѣдей, приносятъ въ

небольшой кадочкѣ пиво, ставятъ его на столъ и даютъ каждому по ковшу; выпивъ всѣ вмѣстѣ обращаются лицемъ къ двери, которая при семъ случаѣ бываетъ отворена и ожидаютъ пока старшій изъ нихъ прочтетъ молитву къ Богу съ благодареніемъ, что онъ благословилъ труды ихъ обиліемъ, и съ испрашиваніемъ, чтобы онъ въ будущій годъ послалъ имъ еще большій урожай. умножилъ ихъ имѣніе и скотъ, и какъ имъ самимъ, такъ и скоту даровалъ бы здоровье. Потомъ отливши изъ ковшей понѣскольку пива въ чирясъ, изъ коего оно было налито, оставшееся въ ковшахъ выпиваютъ. Одинъ изъ присутствующихъ беретъ горшокъ съ кашей и повторяетъ тѣже прошенія. По окончаніи оныхъ каждый долженъ взять ложку сей каши и съѣсть. Надъ хлѣбомъ и такъ называемыми сырцами, пріуготовляемыми изъ молока, совершаютъ тотъ же обрядъ, съ тѣмъ только различіемъ, что отъ нихъ отдѣляютъ маленькіе кусочки и бросаютъ ихъ на печь. 5. Чуваши на перекресткахъ бросаютъ деньги, въ избѣжаніе золъ отъ шойтана. 6. Черемисы, Мордва и Вотяки, хотя имѣютъ свой собственный языкъ, но въ языческихъ обрядахъ или такъ называемой у нихъ старой вѣрѣ, почти ничѣмъ между собою не розвятся. Они удерживаются въ заблужденіяхъ долговременною привычкою, невѣжествомъ, а болѣе страхомъ, чтобы злой духъ, называемый ими креметью не покаралъ ихъ всякаго рода бѣдствіями, если они перестанутъ приносить ему жертву. По 7-й ревизіи необращенныхъ въ Христіанство по казанской губерніи находилось Вотяковъ 533. Черемисъ 1007. Чувашъ 1816. Въ симбирской: Мордвы 60; Чувашъ 2437. Изъ того числа 1830 года въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ крещено Филаретомъ архіепископомъ казанскимъ 2268 идолопоклонниковъ. А нынѣ число ихъ весьма малозначительно. Если нельзя думать, что богоученіе Чувашъ занято отъ Персовъ; то еще меньше можно воображать, что Богоученіе древнихъ Россіянъ принято отъ Грековъ или Римлянъ. Миѳологія Грековъ примѣрно человѣкообразна; миѳологія Чувашъ болѣе уклоняется къ спиритуализму.

§ 142. Особенное вниманіе ко гласу разума и опыта показала Россія при избраніи вѣры. Царь и народъ недовольные язычествомъ, такъ гласно желали принять лучшее Богоученіе, что мудрѣйшіе послы отъ всѣхъ народовъ являясь въ Кіевъ, и восхваляя предъ царемъ, каждый свой законъ, заставили Владиміра отыскивать истину въ вѣрахъ. Вино есть веселіе для Руских, отвѣчалъ Царь, магометанамъ; не можемъ быть безъ него. Царь не оскорбилъ нужныхъ и сильныхъ сосѣдовъ причиною коренной и для нихъ обидною, а легко напомнилъ о предметѣ тайныхъ мусульманскихъ воздыханій, винѣ, которое, по безразсудному уставу, воспрещено пить имъ посламъ нѣмецкихъ католиковъ, Владиміръ говорилъ: идите обратно; отцы наши не пріимали вѣры отъ папы. Значитъ, что Владиміръ не почиталъ папу, какъ представителя особой вѣры, а смотрѣлъ на него, какъ на раскольника, отпадшаго отъ древней христіанской церкви. Выслушавъ Іудеевъ онъ спросилъ: гдѣ ихъ отечество? Во Іерусалимѣ, сказали проповѣдники, но Богъ во гнѣвѣ своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ. И вы наказываемые Богомъ дерзаете учить другихъ, рекъ царь; мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества, и отдалъ предпочтеніе Грекамъ. Доселѣ говорилъ умъ; посмотримъ, что скажетъ опытъ. Царь тре-

бовалъ совѣта бояръ; Государь, сказали бояра и старцы, всякой человѣкъ хвалитъ свою вѣру: если хочешь избрать лучшую; то пошли умныхъ людей въ разныя земли испытать, который народъ достойнѣе покланяется Божеству, и Великій князь отправилъ 10 благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли у мусульманъ храмы скудные, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ нѣмецкихъ католиковъ богослуженіе съ обрядами, но безъ всякаго величія и красоты; а когда Русскіе стояли въ софійскомъ цареградскомъ храмѣ при священнослуженіи патріаршескомъ, то казалось имъ что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется. Возвратясь въ Кіевъ послы говорили князю съ презрѣніемъ о богослуженіи Магометанъ, съ неуваженіемъ о Католикахъ, и съ восторгомъ о Грекахъ, заключивъ словами: всякой человѣкъ вкусивъ сладкое, имѣетъ отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы узнавъ вѣру Грековъ, не хотимъ иной. Владиміръ еще желалъ слышать мнѣніе бояръ и старцевъ. Когда бы законъ греческій, сказали они, не былъ лучше другихъ: то бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, не вздумала бы принять его. Этотъ примѣръ все кончилъ. Кумиры были изрублены, или сожжены, или разбиты или свергнуты въ рѣки. Народъ стремился толпами на берегъ Почайны для крещенія, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрой и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ. Русскій умъ до того покорился уму безпредѣльному, что его

изреченія, начертанныя въ св. книгахъ, содѣлались въ послѣдствіи наилучшимъ украшеніемъ бѣсѣдъ дружескихъ и семейственныхъ (*). Съ сихъ поръ любомудріе поставило для себя новый законъ: раціонализмъ, соображаемый съ опытомъ, повѣрять чрезъ откровеніе; и никогда оно отъ сего закона не отступало. Докажемъ это послѣднее положеніе.

§ 143. Что коренныя основанія русскаго мышленія и въ наши времена неизмѣнились, сему доказательства представляетъ 1812 годъ. Мы видѣли какъ съ паденіемъ европейскихъ столицъ предъ лицемъ Корсиканца, падали къ стопамъ его по очереди и всѣ европейскія государства... Властолюбецъ мечталъ обременить игомъ рабства и самую россію. Державный Русскій умъ про-

(*) Юродивый въ обличеніе боярина Кручины спросилъ Замятню, гдѣ говорится: сѣявый злая, пожнетъ злая? у Соломона, отвѣчалъ Замятня, и онъ же премудрый говоритъ: не сѣй на браздахъ неправды. Дочь моя, сказалъ Кручина Тишкевичу, очень слаба, но надѣюсь, что скоро.... заалѣетъ какъ маковъ цвѣтъ, когда будетъ супругою. Жена доблія веселитъ мужа своего, примолвилъ Замятня, и лѣта его исполнитъ миромъ. Да будетъ по глаголу твоему, сказалъ съ улыбкою Кручина. При наказаніи слуги, когда Юрій хотѣлъ умилостивить Кручину, Замятня закричалъ: не мѣшайся молодецъ не въ свои дѣла: писано есть не покоривому рабу сокруши ребра, и Сирахъ говоритъ: пища и жезліе и бремя ослу; хлѣбъ и наказаніе и дѣло рабу. Но онъ же премудрый Сирахъ вѣщаетъ, прервалъ Лесута радуясь, что можетъ также похвастаться своею ученостію; небуди излишенъ надъ всякою плотію и безъ суда не сотвори ни чесоже. Юрій Милославскій, М. 1832. Ч. I. стр. 251 — 258.

рекъ: не положу оружія, доколѣ хотя одинъ непріятель съ оружіемъ въ рукахъ останется на землѣ Русской; буду отступать до отдаленнѣйшей Сибири. Умъ вельможъ предсказалъ: потеря Москвы не есть потеря отечества. Россія въ сердцахъ Русскихъ! Умъ народа воспѣлъ:

Зима союзникъ нашъ гряди!
Имъ запертъ путь возвратный!
Пустыни въ непгѣ позади!
Предъ ними совмы ратвы.

За симъ слѣдуютъ *опыты*: 1. богатая Москва со всѣми плодоносными окрестностями, къ столу Наполеона и воеводъ его, могла доставить однихъ галокъ, воронъ, воробьевъ, собакъ и кошекъ, а хлѣба безъ пролитія крови, враги не могли добывать. 2. Обратный путь отъ Москвы до Нѣмана утучѣнъ трупами непріятелей. Враги Александра содѣлались его союзниками; короны возвращены царямъ, цари народамъ; взятъ безъ кровопролитія Парижъ; Франція спасена отъ разрушенія; Москва возродилась изъ своего пепла въ новомъ велелѣпіи; разрушенные Наполеономъ грады и селенія воздвигнуты и процвѣтаютъ въ новой силѣ. 3. Чѣмъ Александръ преимущественно пріуготовлялся къ геройскимъ подвигамъ? Частою, продолжительною, иногда всенощною молитвою, соединенною съ постомъ, колѣнопреклоненіями и земными поклонами. Какое пріялъ Монархъ воздаяніе за многотрудные, неописанные подвиги? Онъ воздалъ всю славу Единому Богу и согласился принять одно титло, Благословеннаго, свойственное Его смиренномудрію.

§ 111. Новое доказательство тойже истины представляется въ уставѣ Духовныхъ академій утвержденномъ Императоромъ Александромъ 30 августа 1814 года. Тамъ въ § 160 — 163 сказано: въ толпѣ разнообразныхъ человѣческихъ мнѣній есть нить, коей профессоръ необходимо долженъ держаться. Сія нить есть истина Евангельская. Онъ долженъ быть внутренно увѣренъ, что ни онъ ни ученики его, никогда не узрятъ свѣта вышней философіи, единой, истинной, если не будутъ его искать въ ученіи христіанскомъ; что тѣ только ѳеоріи суть основательны и справедливы, кои укоренены, такъ сказать, на истинѣ евангельской: ибо истина есть едина, а заблужденія безчисленны. Между древними Платонъ есть первый столпъ истинной философіи. Въ писаніяхъ его и въ писаніяхъ лучшихъ его послѣдователей, профессоръ долженъ искать основательнаго философскаго ученія; но при семъ должно примѣтить, что никогда не найдетъ онъ сего ученія въ отрывкахъ и краткихъ извлеченіяхъ, на разныя его мысли изданныхъ: въ нихъ, страннымъ образомъ, невѣжествомъ толкователей все обезображено. Истинной его системы должно искать прилежнымъ и долговременнымъ испытаніемъ и упражненіемъ въ подлинныхъ его сочиненіяхъ. Изъ новѣйшихъ философовъ, тѣхъ должно предпочтительно держаться кои ближе его держались. Но вообще да не будетъ

идея о Богѣ такъ одушевляетъ русскаго, что и высшій изъ вельможъ и низшій изъ простолюдиновъ не приступитъ даже и къ самомалѣйшему дѣлу, не призвавъ Божественнаго имени, не сказавъ: *Господи благослови!* не освятивъ ума, сердца и всей дѣятельности знаменіемъ крестнымъ. Сію истину доказываетъ выше приведенный отрывокъ изъ стихотвореній Жуковскаго, гдѣ на каждый кубокъ меду, на каждую чару вина призывается Божіе благословеніе; это подтверждается пословицами народными: Богъ пристанетъ и пастырей достанетъ; если бы не Богъ, кто бы намъ помогъ; Богъ видитъ, кто кого обидитъ; Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ; голенькій охъ, за голенькимъ Богъ; гдѣ любовь, тутъ и Богъ; кто хорошо живетъ, тому Богъ подаетъ. Наипаче же сей характеръ русскаго мышленія откроется изъ избранныхъ мѣстъ русскихъ философовъ, которыя мы приведемъ въ послѣдствіи.

§ 146. Если справедливо, что схоластика западной Европы произошла отъ изученія греческой и римской литературы, особенно распространенной бѣглецами Греками по взятіи Константинополя отъ Турковъ: то еще справедливѣе, что русская философія одолжена своимъ развитіемъ духовенству русскому и частію Грекамъ, первоначально занимавшимъ высшія мѣста въ русской іерархіи. Римъ многократно поражавшій единоутробную Византію, св. мощами, золотомъ и книгами греческими по праву насилія изъ Царь-града на цѣлыхъ корабляхъ вывозимыми, наполнилъ алчную утробу Ватикана. Россія пріобрѣтала сокровища Грековъ, какъ дѣти пріобрѣтаютъ сокровища отцовъ, и имѣетъ на своей сторонѣ то преимущество, что эти отцы и просвѣщеннѣйшіе и даже святые, сами были отцами русскаго любомудрія. Оттого, какое произошло различіе между философіею Запада и Сѣвера? Аристотель воцарился во всѣхъ школахъ папистическихъ и своей сухостію обезобразилъ наилучшихъ геніевъ Запада какъ напр. Ѳому Аквината, Ѳому кемпійскаго; напротивъ Россія, не отвергая логики Аристотеля, преимущественно любила Платона. Діалектическія тонкости Аристотеля способствовали къ распространенію вольномыслія по всему западу. Любомудріе русскихъ непоколебимо, непреложно, живо и дѣйственно, какъ основанное на изреченіяхъ, ума божескаго и человѣческаго, на опытѣ русскихъ философовъ и греческихъ мудрыхъ іерарховъ управлявшихъ въ Россіи дѣлами церковными, а иногда и гражданскими. Греки, предпочитавшіе философію дѣламъ государственнымъ, не могли воздержаться, чтобы не сообщить завѣтныхъ помысловъ своимъ ученикамъ Россіянамъ, какъ тотчасъ докажетъ послѣдующее изложеніе философовъ россійскихъ.

Здѣсь возразилъ нѣкто: направленіе философскаго духа — не есть система. Гдѣжъ системы философіи? Безъ системъ нѣтъ науки! *Отвѣтъ:* система не есть философія; система есть частная оболочка или одежда философіи въ своемъ устройствѣ совершенно зависящая отъ личности мыслителя философа, являющаяся и мгновенно исчезающая, столько же мало и шатко выражающая духъ философіи, сколь мало Иванъ, Петръ,

Федоръ изображаютъ идею человѣчества. И однакожъ построеніе всяка рода системъ зависитъ единственно отъ царицы всѣхъ наукъ — фил софіи. Гг. математики, юристы, медики! какія у васъ системы? *Нѣ колько голосовъ:* геометрія Гурьева, — ужасъ строгости философск Алгебра Лобачевскаго! Анатомія Мухина! Ода Богъ Державина испещре познаніемъ философскихъ системъ! Сперанскій обнаружилъ высоту лю бомудрія, въ составѣ, раздѣлахъ и связи государственныхъ узаконені *Отвѣтъ.* Всѣ наши великіе просвѣтители народа почерпнули свое вели изъ источника всякаго вѣдѣнія — философіи; и самый Ломоносовъ н могъ быть столь великимъ, если бы не прошелъ всѣхъ односторонни философскихъ системъ и нестяжалъ духъ любомудрія въ высшемъ разви тія. Чтобы создать систему философіи, для генія потребно имѣть врем благопріятныя обстоятельства — и особенно терпѣніе. Геній какъ птенец оперившись въ системѣ, какъ скорлупѣ, воспаряетъ къ солнцу мышлені и за тѣмъ о темной жизни въ скорлупѣ уже невоспоминаетъ. — Фило софія, состоящая преимущественно во внутренней жизни человѣчества самые философы могутъ существовать во всякомъ народѣ, хотя бы и н было системъ философскихъ. Впрочемъ прочитаемъ лучшія мѣста из русскихъ философскихъ системъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы видѣть ка кое вліяніе имѣетъ эта наука на всю внутреннюю и внѣшнюю — жизн человѣчества, и опустимъ напр. категоріи раздѣленія, подраздѣлені умозрительныя и нравственныя, такъ какъ этотъ философскій буква уже извѣстенъ изъ системы вамъ преподаваемой, изъ западныхъ и во точныхъ философовъ, въ сей исторіи помѣщенныхъ. Согласны ли госпо да! избѣжать сихъ не нужныхъ повтореній? *Нѣсколько голосовъ: с* ласны! слушаемъ!

§ 147. Въ 9 и 10 вѣкахъ, когда Славяне едва на чинаютъ пользоваться благодѣтельнымъ изобрѣтеніем письменъ, уже является литтература — удѣлъ народ образованнаго. Въ слѣдъ за безсмертными наставника вѣры, Кирилломъ и Меѳодіемъ, выходитъ на среду отлич

ныхъ философовъ, Іоаннъ сначала пресвитеръ, а потомъ Экзархъ Болгарскій. Стремясь успѣшно по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, въ своемъ шестодневѣ онъ ссылается на мнѣнія Ѳалеса, Парменида, Демокрита, Діогена; уподобляетъ аристотелеву философію воздымающейся и упадающей морской пѣнѣ, обличаетъ Платона въ невѣдѣніи о началѣ міра и согласно съ Св. писаніемъ, Василіемъ Великимъ, Іоанномъ Златоустомъ и Северіаномъ епископомъ гевальскимъ опровергаетъ философовъ, не озаренныхъ свѣтомъ откровенія. Его слово на Вознесеніе Господне блеститъ чистымъ и великолѣпнымъ краснорѣчіемъ; его переводъ Богословія Дамаскина, не оцѣненъ для насъ потому, что онъ совершенъ по истеченіи 150 лѣтъ послѣ оригинала и что въ концѣ онаго на славянскомъ нарѣчіи помѣщены 6 главъ о вѣрѣ, о внѣшнихъ свидѣтельствахъ воскресенія изъ мертвыхъ, о необходимости воскресенія, о возможности совокупленія истлѣвшихъ тѣлесныхъ составовъ, отвѣтъ невѣрующему и примѣры воскресенія, которыхъ нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ. Постигая нужду письменныхъ правилъ для языка сильнаго и плодовитаго, Іоаннъ перевелъ сочиненіе Іоанна Дамаскина о 8 частяхъ слова, напечатанное въ послѣдствіи въ Вильнѣ 1586 октября 8 дня. Философія Дамаскина, переведенная Экзархомъ, по списку Даніила всероссійскаго митрополита, начинается посланіемъ сочинителя къ Козмѣ епископу маіумскому; — потомъ предлагается о разумѣ; о мысли; о томъ, что есть философія, наставница нашей жизни, и какъ она раздѣляется; о ея пользѣ; и нако-

нецъ при соединеніи логическихъ умствованій съ филоло
гіей, все сочиненіе заключается краткимъ обозрѣніем
величественныхъ явленій природы. Къ славѣ сочинител
и вѣка, въ семъ твореніи блистаютъ мысли возвышенны
выходящія изъ круга обыкновенности. Экзархъ Болгар
скій сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ расположеніи свое
го перевода о философіи. Мы здѣсь приведемъ такое мѣс
то изъ твореній Экзарха, которое собственно ему при
надлежитъ, или котораго по крайней мѣрѣ нѣтъ въ грече
кихъ подлинникахъ, соблюдая это правило и въ по
слѣдствіи.

Предложимъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ исти
ну воскресенія изъ мертвыхъ. Посмотри на ласточку; что она
такъ ласково около тебя увивается, что во все лѣто так
красно щебещетъ? Придетъ зима, она отъ тебя улѣтаетъ и
спрятавшись за кору древесную, совлекается перьевъ, а съ
пришествіемъ весны, паки оперяется, какъ бы вновь исходитъ
изъ своего гроба, возвращается къ тебѣ, много около тебя
воркуетъ и щебещетъ, и едва не скажетъ тѣбѣ: человѣкъ
отъ моего примѣра повѣрь воскресенію. Погляди на шелко
вичнаго червя: онъ самъ изъ себя источаетъ куколку, пеле
вается своими нитьми, творитъ себѣ изъ нихъ домъ и гробъ
замираетъ въ своемь сплетеніи, а вовремя весны опять пріем
летъ тотъ же видъ и въ ту же жизнь паки возвращается. Жу
ки приближаясь къ смерти, закапываются въ навозѣ, погре
баются въ немъ, землей покрываютъ гробъ свой, а въ весен
нее время отъ сѣмени своего при посредствѣ влаги оживаютъ
Орѣшникъ звѣрокъ 6 мѣсяцовъ лежитъ мертвъ, а вихорь, ди
кій голубь 40 дней, и оба въ свое время оживаютъ. Говорит

ли мнѣ о сѣмени житномъ, когда ты самъ хорошо исторію
его знаешь? Если зерна не падутъ въ браздѣ, и не погребут-
ся какъ въ гробѣ, не разрѣшатся по своимъ составамъ и не
сгніютъ: то не прозябнутъ и не породятъ классовъ. Ска-
жемъ и еще: какъ ископанная золотая руда, смѣшанная съ
водою въ сосудѣ бываетъ бреніемъ, а поверженная въ огонь
содѣлывается златомъ, которое послѣ того хотя бы и броше-
но было въ воду, яко уже утвержденное огнемъ, бреніемъ не
содѣлается: такъ и плоть вошедъ въ безсмертіе и въ безтѣле-
сіе, никакого истлѣнія и смерти не пріиметъ.

Примѣч. 1. Ласточки, кромѣ примѣра представляемаго Іоанномъ, зацѣпляясь ноготками одна за другую, а первая за вѣтки, при берегахъ рѣчныхъ, почти въ водѣ вереницами зимою замираютъ, а весною оживаютъ. 2. Жуки, на языкѣ Экзарха и малороссійскомъ, *жупельци* въ навозѣ зимою кладутъ яица, изъ яицъ родятся черви, черви обращаются въ куколки, изъ куколокъ опять выползаютъ жуки. 3. Орѣшникачи, по Экзарху moокосъ, а сокращенно мокосъ — называются хомяки, кроты и хорьки, потому что они заготовляютъ въ своихъ норахъ значительное количество орѣховъ. Подобнымъ образомъ обмираютъ зимою и оживаютъ весною тушканчики, горные кролики, свистунчики, суслики, 4. Вихорь дикій голубь у Экзарха называется *Фаса птица.* А о миріадахъ насѣкомыхъ между зимней и лѣтней рамами вовремя стужи засыпающихъ, и при тепломъ комнатномъ воздухѣ, особенно же весною оживающихъ, кто незнаетъ?

§ 148. Никифоръ митрополитъ кіевскій и всея Рос-
сіи, родомъ Грекъ; присланъ въ Россію отъ констан-
тинопольскаго патріарха 1104 а по другимъ 1106 года,
прибылъ въ Кіевъ 6, вступилъ въ должность 18 декабря,
умеръ въ апрѣлѣ 1821 года, архипастырь кроткій, уче-

ный, неоплатоникъ. Онъ написалъ: 1. посланіе ко Влад
міру Князю всея Руси о латинахъ, какъ они отвергли
отъ восточной церкви; 2. о постѣ и воздержаніи чувствъ
3. поученіе въ недѣлю сыропустную въ церкви къ игу
менамъ и ко всему іерейскому и діаконскому чину и мі
скимъ людямъ, съ изъясненіемъ какъ должно проходит
постъ. Никифоръ въ подражаніе Св. отцамъ и въ пр
мѣръ всѣмъ послѣдующимъ русскимъ писателямъ духо
наго чина, снискавъ обширныя познанія во всѣхъ изящ
ныхъ наукахъ, повергъ ихъ въ сокровищницу церкв
Желая преподать Мономаху полезныя наставленія, Святи
тель излагаетъ сущность христіанской нравственност
и между прочимъ входитъ въ метафизическія изслѣ
дованія.

Мы сугубы, говоритъ онъ, словесны и безсловесны; ду
ховны и тѣлесны; духовное въ насъ чудное нѣчто, касаетс
Божественнаго; а тѣлесное грубо, сластолюбиво, страст
Отъ сего между ими всегда брань многая, и положенъ Богом
постъ, укрощающій тѣлесныя страсти и доставляющій вы
шему началу побѣду. Если бы Адамъ постился, то не согрѣ
шилъ бы, а Богъ не требовалъ бы поста отъ насъ; но нево
держностію погубленное, воздержностію возставляется. В
дишь-ли Князь благовѣрный и кроткій, что постъ есть осн
ваніе добродѣтели, и по сему-то онъ возсіялъ въ мірѣ как
солнце. — Въ человѣкѣ, продолжаетъ Никифоръ, смѣша
зло и благо, какъ плевелы съ пшеницей. По сему долж
намъ имѣть великое вниманіе, чтобы не принять зла за благ
и благо за зло. Красенъ и добръ на видъ былъ плодъ погу
бившій нашего праотца; но внутри его была злая ловитв

т. е. преслушаніе. Душа, объясняетъ Никифоръ, изъ трехъ началъ: словеснаго, яростнаго, желаннаго. Словесное весьма важно; но возвышая насъ къ Богу, какъ Авраама и Эноха, словесное и губитъ насъ, какъ погубило древнихъ Эллиновъ и діавола. Яростное, значитъ ревность къ Богу и месть къ врагамъ его: здѣсь является злоба и зависть, благовѣріе и зловѣріе. Примѣръ неправильнаго употребленія яростнаго есть Каинъ, устремившій яростное на брата; примѣры правильнаго употребленія: Моисей поразившій египтянина, который билъ Еврея; Финеесъ, убившій преступника; Илія, заклавшій жрецовъ вааловыхъ. Но разбойникъ, который убьетъ поганаго идолослужителя, будетъ не правъ; ибо яростное употребитъ онъ по злобѣ и корыстолюбію. Желанное есть высшее стремленіе къ Богу, и забвеніе всего для Бога, есть такое состояніе, когда все человѣческое раздирается какъ вретище, но человѣкъ говоритъ тогда къ Богу: Ты обратилъ плачь мой на радость, разодралъ одежду мою и одѣлъ меня веселіемъ. Сіе веселіе раждается отъ золъ и страданій Бога-ради принятыхъ; тогда человѣкъ произрастаетъ, какъ сѣмя животное, творитъ чудеса, прорицаетъ будущее, приближается къ Богу и дѣлается святымъ подобнымъ Богу, на землѣ. Повѣдавъ тебѣ Князь о тричастномъ составѣ души человѣческой, пишетъ Никифоръ, повѣдаю о слугахъ ея, воеводахъ, вспомогателяхъ, которыми она тѣлесно дѣйствуетъ, будучи сама безплотна, и между тѣмъ принимая воспоминанія. Душа сидитъ въ головѣ; умъ у нея какъ свѣтлое око; она исполняетъ все тѣло своей силою. Такъ, ты Князь! сидишь въ своей землѣ, слугами и воеводами наполняешь землю и дѣйствуешь, будучи самъ властителемъ. Никифоръ объясняетъ, что слуги души суть пять чувствъ: зрѣніе, если только человѣкъ въ умѣ, всегда вѣрно; слухъ, напротивъ бываетъ иногда обманчивъ. Отъ чего? Недоумѣваю; но толкуютъ, что видѣніе, пе-

реднюю часть только, слѣд. одну сторону видитъ, слухъ ощу-щаетъ и переднее и заднее, внимаетъ спереди глаголющему сзади вопіющему, и отъ сего развлекается. Никифоръ закл-чаетъ, что Мономахъ по словесному великъ, не малъ и яростному, но малъ по желанному. Карамзинъ видѣлъ въ сем сочиненіи примѣръ только того, какъ древніе учители наш церкви бесѣдовали съ государями, соединяя усердвую хва съ наставленіемъ христіанскимъ: но оно драгоцѣнно д нас и по расположенію, и по чистому слогу, и по описа душевныхъ качествъ кроткаго Владиміра, и по своему ф софскому направленію.

§ 149. Современникъ Никифора Владиміръ Мономах по тринадцатилѣтнемъ княженіи въ Кіевѣ на 73 году о рожденія въ живѣйшихъ чувствованіяхъ утѣшитель вѣры, 1125 года, предалъ духъ свой Богу. Слезы обы новенно текли изъ глазъ сего князя когда онъ въ хр махъ молился Вседержителю за отечество и народъ е любезный. Но всего яснѣе изображаетъ его прекрасн душу поученіе къ дѣтямъ, на которое можно взир какъ на символъ общенароднаго русскаго любому Вотъ оно:

Страхъ Божій и любовь къ отечеству есть основаніе д родѣтели; Великъ Господь! Чудесны дѣла Его! О дѣти м Хвалите Бога, любите человѣчество. Не постъ, ни уедине не монашество спасетъ васъ, но благодѣянія. Не забыва бѣдныхъ, кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе Божіе, и поручено вамъ только на время. Не скрывайте гатства въ нѣдрахъ земли: это противно Христіанству. Бу-те отцами сиротъ: судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго ни виноватаго: жизнь и душа Христіанина священны. Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не прес-тупайте оной. Не оставляйте больныхъ; не страшитесь видѣть мертвыхъ; ибо всѣ умремъ. Принимайте съ любовію благосло-веніе духовныхъ; не удаляйтесь отъ нихъ; творите имъ доб-ро, да молятся за васъ Всевышнему. — Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы тлѣнны, нынѣ жи-вы, а завтра во гробѣ. — Бойтесь всякой лжи, пьянства и любострастія, равно гибельнаго для тѣла и души. — Чтите старыхъ людей какъ отцевъ, любите юныхъ какъ братьевъ. Въ хозяйствѣ сами прилѣжно за всѣмъ смотрите, не полагаясь на отроковъ и тіуновъ, да гости не осудятъ ни дому, ни обѣ-да вашего. На войнѣ будьте дѣятельны, служите примѣромъ для воеводъ. Не время тогда думать о пиршествахъ и нѣгѣ. Разставивъ ночную стражу отдохните. Человѣкъ погибаетъ внезапу: для того не слагайте съ себя оружія, гдѣ можетъ встрѣтиться опасность, и рано садитесь на коней. — Путе-шествуя въ своихъ областяхъ, не давайте жителей въ обиду княжескимъ отрокамъ; а гдѣ остановитесь, напойте, накор-мите хозяина. Всего же болѣе чтите гостя и знаменитаго, и простаго, и купца, и посла; если не можете одарить его, то хотя брашномъ и питіемъ удовольствуйте: ибо гости распус-каютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую объ насъ славу. Привѣтствуйте всякаго человѣка, когда идете мимо. Любите женъ своихъ, но не давайте имъ власти надъ собою. Все хо-рошее, узнавъ, вы должны помнить: чего незнаете, тому учитесь. Лѣность мать пороковъ: берегитесь ея. Человѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла; вмѣсто суетныхъ мыслей читайте наизусть молитвы, или пов-торяйте хотя самую краткую, но лучшую: Господи помилуй!

Незасыпайте никогда безъ земнаго поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь въ землю три раза. Да незастанетъ васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ церковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой, такъ дѣлали всѣ добрые мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славили Господа. Потомъ садились думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту и проч.

§ 150. Даніилъ затворникъ или Заточникъ, неизвѣстный по происхожденію и жизни въ 12 вѣкѣ былъ сосланъ въ олонецкую губернію, на озеро Лаче. Находясь въ уединеніи онъ написалъ посланіе къ князю Долгорукому, который приказалъ освободить его. Его философія носитъ на себѣ видимую печать опытной солоновой премудрости. Послушаемъ нѣсколько заточника:

Братцы!
Вострубимъ въ златокованныя трубы;
Въ разумъ ума своего.
Начнемъ бить въ сребренные органы;
Возвѣемъ свою мудрость.
Князь; Государь мой!
Я трава блекнущая,
Растущая за стѣною,
Не озаряемая солнцемъ,
Не орошаемая дождемъ.
Князь, Государь мой!
Я обидимъ отъ всѣхъ,
Огражденъ страхомъ — грозы твоей,

Какъ твердымъ оплотомъ.
Не воззри на меня, Государь мой!
Какъ волкъ на агнца.
Воззри на меня Государь мой!
Какъ мать на младенца.
Птицы небесныя,
Ни орютъ ни сѣютъ,
Ни въ житницу собираютъ;
Но уповають на милость Божію.
Такъ и мы князь Государь нашъ!
Желаемъ твоей милости.
Увы, князь Государь мой!
Кому любовь;
Мнѣ лютое горе.
Кому Бѣло озеро;
Мнѣ чернѣе смолы.
Кому Лачь;
Мнѣ горькой плачь.
Кому Новгородъ;
Мнѣ опалые углы.
Не цвѣтетъ моя участь.
Князь Государь мой!
Ты веселишься многими брашнами;
Я вкушаю хлѣбъ сухой.
Ты пьешъ сладкое питье;
Я едва имѣю теплую воду.
Ты почиваешъ на мягкихъ постеляхъ;
Подъ собольими одѣялами;
Я лежу подъ единымъ платомъ;
Зимою умираю;
А капли дождевыя,
Какъ стрѣлы,

Сердце произаютъ.
Великъ звѣрь,
А главы неимѣетъ;
Добры полки;
А безъ князя погибаютъ.
Гусли строятся перстами;
Тѣло свуется жилами;
Дубъ крѣпится множествомъ корней,
Такъ крѣпится градъ нашъ
Твоею державою.
Князь щедръ, отецъ всѣмъ.
Многіе слуги лишась отцовъ и матерей
Къ нему прибѣгаютъ.
Служа доброму господину,
Дослужишся свободы.
Служа злому господину,
Дослужишся большей работы.
Князь щедръ,
Какъ рѣка безъ бреговъ,
Текущая сквозь дубравы,
Напаяющая не токмо человѣковъ,
Но и скотовъ и всѣхъ звѣрей.
Князь скупъ
Какъ рѣка съ большими каменными берегами;
Нельзя изъ ней людямъ пить;
Нельзя въ ней и коней поить.
Щедрый Бояринъ,
Сладкій колодезь;
Скупый Бояринъ,
Соленый колодезь.
Государь, Князь мой!
Не зри на мою внѣшность,

Зри на внутреппость.
Я скуденъ одеждой,
Обиленъ разумомъ.
Юнъ возрастомъ,
Старъ смысломъ,
Какъ орелъ парю мыслію по воздуху.
Пошлешь ли куда мудраго;
Ему мало потребно наставленій.
Пошлешь ли куда безумнаго;
Самъ иди за нимъ.
Очи мудрыхъ ищутъ благаго;
Безумные стремятся въ домъ пира.
Лучше слушать споръ умныхъ,
Нежели наставленіе безумныхъ.
Не сѣй на браздахъ жита;
Не сѣй мудрости на сердцѣ безумнаго.
Безумныхъ,
Ни сѣютъ, ни пашутъ,
Ни въ житницы собираютъ;
Они сами родятся.
Тотъ льетъ воду въ утлой мѣхъ,
Кто учитъ безумнаго.
Псамъ и свиньямъ ненадобно злата и сребра,
Безумнымъ не нужны слова мудрыхъ.
Не разсмѣшишь мертвеца;
Не научишь и безумнаго.
Дѣти бѣгаютъ урода;
Господъ пьяницы.
Когда пожретъ синица орла;
Когда камни поплывутъ по водѣ;
Когда свинья будетъ лаять на бѣлку,
Тогда безумный научится разуму.

Князь Государь мой!
Не море топитъ корабли, но вѣтры;
Не огонь разжигаетъ желѣзо, но воздыманіе мѣха;
Не самъ князь впадаетъ въ злое
Но льстецы его вводятъ.
Съ добрымъ совѣтникомъ Князь,
Высокаго стола додумается.
Съ худымъ совѣтникомъ,
Малаго стола лишенъ будетъ.
Не скотъ въ скотахъ коза;
Не звѣрь въ звѣряхъ ежъ;
Не птица въ птицахъ нетопырь;
Не мужъ въ мужьяхъ,
Кѣмъ жена владѣетъ;
Не жена въ женахъ,
Гуляющая отъ своего мужа.
Лучше ввесть вола въ домъ свой,
Чѣмъ взять жену злую.
Волъ не скажетъ
И не помыслитъ злаго:
А злая жена,
Наказуемая бѣсится,
Укрощаемая чванится,
Богатая, гордится,
Убогая другихъ осуждаетъ.
Что есть жена злая?
Гостья не усыпаемая,
Купно жительница бѣсовская,
Мірскій мятежъ,
Ослѣпленіе уму,
Начальница всякой злобѣ,
Поборница грѣху,

Засада спасенію.
Тому изъ мужей,
Кто смотритъ на красоту жены своей,
На ея ласковыя слова,
Безъ испытанія дѣлъ ея,
Подай Господи!
Въ болѣзнь лихорадку.
Знай, что зла жена та,
Которая говоритъ своему мужу:
Сударикъ мой! свѣтъ очей моихъ!
Я не могу равнодушно зрѣть на тебя!
Когда говоришь ты ко мнѣ,
Тогда я обмираю;
Тогда дрожатъ члены моего тѣла.
Вы мужи по закону держите женъ своихъ,
Благо обрѣсть женъ добрыхъ!
Жена добрая вѣнецъ мужу и безпечаліе,
Жена злая лютая печаль, истощаніе дому.
Червь точитъ древо,
Злая жена теряетъ домъ мужа.
Лучше плавать въ утлой лодкѣ;
Нежели злой женѣ повѣдать тайны.
Утлая лодка обмочитъ нижнее платье,
Злая жена погубитъ всю жизнь своего мужа.
Лучше долотить камень,
Чѣмъ учить жену злую.
Лучше варить желѣзо,
И скорѣй уваришь его;
А злую жену не научишь.
Злая жена неслушаетъ наставленій,
Не боится Бога, не стыдится людей;
Но все укоряетъ, все осуждаетъ.

Что льва злѣе въ четвероногихъ?
Что лютѣе змія изъ пресмыкающихся?
А злая жена всего злѣе.
Князь Государь мой!
Я не ходилъ за море,
Не научился отъ философовъ;
Но какъ пчела,
Припадая къ различнымъ цвѣтамъ,
Совокупляетъ изъ нихъ сладкій сотъ:
Такъ и я изъ многихъ книгъ,
Собирая сладость словесную и разумъ,
Совокупилъ, какъ мѣхъ воды морской,
Не отъ своего разума,
Но отъ Божія промысла.
Я Даніилъ писалъ слова сіи,
Въ заточеніи на Бѣлѣ-озерѣ,
И запечатавъ въ воскъ,
Пустилъ ихъ въ озеро,
А рыба пожрала ихъ,
Рыбакъ поймалъ рыбу
И принесъ ко князю.
Начали потрошить рыбу
И обрѣли писаніе.
Писаніе узрѣлъ князь
И велѣлъ освободить Даніила,
Отъ горькаго заточенія.
Господи! дай князю нашему
Силу Самсонову,
Храбрость Александрову,
Іосифовъ разумъ,
Мудрость Соломонову,
Крѣпость Давидову.

Умножи Господи! народъ
Подъ его правленіемъ.

§ 151. Нилъ сорскій, мистикъ высшаго разряда, постриженникъ Кириллова бѣлозерскаго монастыря, съ ученикомъ своимъ монахомъ Иннокентіемъ, нѣсколько лѣтъ странствовалъ въ Палестинѣ, долго жилъ въ аѳонскихъ и константинопольскихъ монастыряхъ и возвратясь въ отечество, на рѣкѣ Сорѣ первый основалъ пустынное общество по скитскимъ правиламъ и по особому написанному для своей братіи уставу. Онъ скончался въ своей обители 1508 года мая 7 дня и тамъ же погребенъ. Движимый чувствомъ глубочайшаго смиренія Нилъ испрашивалъ молитвъ о душѣ своей, а тѣло завѣщалъ повергнуть въ пустынѣ, въ снѣдь звѣрямъ и птицамъ, или покрайней мѣрѣ похоронить съ безчестіемъ. Послѣ кончины его, когда Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, хотѣлъ украсить Ниловъ скитъ каменнымъ строеніемъ, преподобный явился во снѣ Царю и воспретилъ это предпріятіе. Почерпнемъ нѣкоторыя мысли изъ святаго отшельника.

Питайся отъ рукодѣлія, и если по немощи не можешь снискать потребнаго къ пропитанію, то пользуйся благодѣяніями, но неизлишними, опасаясь всуе поядать труды ближняго. Впрочемъ одно рукодѣліе и вообще всякое тѣлесное упражненіе безъ умственнаго занятія, подобны не плоднымъ ложеснамъ и сосцамъ иссохшимъ. Совершенство духовной жизни можно представить въ слѣдующемъ порядкѣ: 1. Прилогъ

или простый помыслъ, есть образъ какого либо предмета, но-
вoявленно въ сердце вносимаго и уму представляющагося. Это
есть всякая мысль на умъ человѣку приходящая, всякое на-
поминовеніе отъ врага, сотвори то, или другое, худо. Прилогъ
еще въ насъ несуществуетъ, онъ чуждъ похвалы и укоризны
и слѣд. безгрѣшенъ; онъ неможетъ поколебать совершенныхъ.
Сочетаніе съ прилогомъ, есть страстное или безстрастное со-
бесѣдованіе съ явившимся помысломъ, принятіе и произволь-
ное поученіе тому, что врагъ внушаетъ, размышленіе о той
мысли, которая къ вамъ на умъ приходитъ. Это дѣйствіе дос-
тойно похвалы, когда мы страстныя помышленія отсѣкаемъ
и на благое прелагаемъ. Напротивъ сложеніе съ помысломъ
или приклоненіе души къ явившемуся образу съ услажде-
ніемъ, рѣшимость привесть вражескую мысль въ исполненіе
не есть уже безъ грѣха, хотя бы человѣкъ по обстоятель-
ствамъ и несовершилъ того, на что мысленно рѣшился. Плѣ-
неніе есть невольное отведеніе сердца во власть лукавыхъ
помысловъ, постоянное совокупленіе съ явившимся предме-
томъ, бурное увлеченіе къ худымъ мыслямъ, происходящее
отъ разсѣянности и вредныхъ бесѣдъ и погубляющее все въ
насъ благое и изящное. Страсть чрезъ продолжительное время
свиваетъ гнѣздо въ душѣ, обращается въ нравъ и обычай че-
ловѣка, самопроизвольно и самоусвоенно обуревается вражес-
кими помыслами, утверждается сочетаніемъ, сложеніемъ, плѣ-
номъ и любовію лукавыхъ мыслей, оканчивается торжествомъ
зла, разгарается въ сердцѣ какъ пещь, расхищаетъ душу
какъ звѣрь дикій. 2. Кто побѣждаетъ страсть и лукавые по-
мыслы, тотъ достоинъ вѣнцевъ, кто не сопротивляется вра-
гамъ симъ, тотъ повиненъ наказанію. Борьба есть отсѣченіе
пришедшаго помысла, особенно посредствомъ молитвы и кто
воспротивился сему первому прилогу, тотъ за одинъ разъ все
остальное отрѣзалъ, тотъ побѣдилъ мать всякаго зла — при-

логъ лукавыхъ мыслей. Да будетъ умъ глухъ и нѣмъ къ лукавымъ помысламъ, сердце глубоко безмолвствующее при всякомъ страстномъ движеніи, дыханіе рѣдкое, призываніе имени Божественнаго частое, иногда пѣніе или чтеніе; — но когда, по благодати Божіей дѣйствуетъ молитва въ твоемъ сердцѣ, то не оставляй ее для пѣнія, чтенія или рукодѣлія. Не нужно на кораблѣ дѣйствовать веслами тогда, когда при благопріятномъ вѣтрѣ, ударяющемъ прямо въ паруса, онъ благополучно разсѣкаетъ страстное море. Собесѣдованіе съ Богомъ производитъ въ человѣкѣ неизреченную радость, отсѣкаетъ молитву отъ устъ, приводитъ въ безмолвіе сердце — хранилище помысловъ, и умъ — управляющій чувствами. Тогда молитва чужда собственной мысли, движенія и самовластія: тогда совершается она силою постороннею и человѣкъ въ изступленіи бываетъ. Въ семъ состояніи умъ предчувствуетъ будущее блаженство, забываетъ самъ себя и весь міръ, восхищается въ міръ безплотныхъ, непостижимый для чувствъ; самое тѣло неизреченно радуется. Страшно и ужасно! Я зрю Творца міра, я бесѣдую съ Нимъ, я соединяюсь съ Богомъ, и превосхожу небеса! И все это для меня извѣстно и истинно! А гдѣ находится тогда мое тѣло, я незнаю. 3. Дабы укрѣпиться въ борьбѣ противъ помысловъ и страстей, ненадобно малодушествовать, унывать при ихъ сильномъ нападеніи и безпрестанно противъ сихъ враговъ вооружаться покаяніемъ и молитвою. Не обратимъ хребта нашимъ врагамъ, хотя бы каждый день мы принимали отъ нихъ тысящи ранъ; рѣшимся сражаться до смерти. И послѣ мысленнаго паденія приходятъ кроткіе, смиренные, цѣломудренные помыслы, миръ и утѣшеніе. 4. Какъ живущіе въ мірѣ всемъ умомъ и чувствами порабощаются прелести грѣховной: такъ намъ всемъ умомъ и чувствами должно работать Богу живому и истинному. 5. Стужаетъ ли кому помыслъ чревообъядѣнія, воспоминая о

различныхъ сладчайшихъ брашнахъ? Должно помышлять, что эта страсть, есть корень всякому злу, начало паденія; должно помнить, что всякая пища вскорѣ превращается въ гной злосмрадный. Старается ли врагъ осквернить насъ нечистотою тѣлесною? Тогда представимъ, что отъ Бога неможетъ утаиться и сокровеннѣйшее помышленіе. Кто страдаетъ сребролюбіемъ, тотъ маловѣренъ и неразуменъ. Если духъ гнѣва поощряетъ насъ къ ярости, то да подражаемъ Іисусу Христу, молящемуся за враговъ своихъ. Благодушно да переносимъ печаль и уныніе, вѣдая, что не безъ промысла Божія все съ нами случается. Если смущаетъ насъ тщеславіе и гордость, то вспомнимъ о нашихъ паденіяхъ и мы признаемъ себя недостойными похвалъ человѣческихъ. 6. Вообще же на всѣ злые помыслы мы должны призывать Божію помощь; поелику мы не всегда имѣемъ силу противиться имъ. 7. Для усовершенствованія въ жизни духовной, необходимо всегда воспоминать о смерти. Невозможно алчущему не поминать о хлѣбѣ: невозможно и хотящему спастись не поминать о своей кончинѣ. 8. Душа размышляющая о смерти и о грядущемъ страшномъ судѣ Господнемъ да проливаетъ слезы покаянія и умиленія. Сей плачь можетъ утушить геенну, зажженную нашими грѣхами. 9. Дабы соблюсти плоды молитвы и слезъ, нужно удаляться отъ всякой лѣности, всякаго лукаваго помысла, всякой страсти, всякаго веселія, всякой разсѣянности житейской. 10. Наипаче же нужно хранить безмолвіе, умереть всему міру и жить единому Богу. 11. Наконецъ всѣми средствами къ усовершенствованію въ жизни духовной мы должны пользоваться благоразумно, благовременно, въ надлежащей мѣрѣ. Есть время безмолвію, есть время бесѣдѣ. Есть время молитвы безпрестанной; есть время службы нелицемѣрной. Есть время сѣять труды, есть время пожинать плоды благодати.

§ 152. Θеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новогородскій, род. 1681 года іюня 8 въ Кіевѣ, — одинъ изъ славнѣйшихъ пастырей и проповѣдниковъ греко-россійской церкви; онъ пользовался отличнымъ благоволеніемъ и довѣренностію Петра Великаго, который возлагалъ на него много важныхъ порученій и между прочимъ по упраздненіи патріаршескаго званія, сочиненіе духовнаго регламента, который и былъ написанъ имъ въ 1719 году. Изъ многочисленныхъ его сочиненій замѣчательны: О правдѣ воли Монаршей въ избраніи по себѣ наслѣдника, а изъ превосходныхъ его рѣчей и проповѣдей наиболѣе славится панегирикъ на полтавскую побѣду; похвальное слово Фельдмаршалу Меньшикову и исполненное высокаго краснорѣчія, надгробное слово Петру Великому. Онъ скончался въ Новѣ-городѣ и погребенъ въ новогородскомъ софійскомъ соборѣ, въ ризничной палатѣ. Его рукописная аристотелико-схоластическая философія сочиненная на латинскомъ языкѣ, для кіевскихъ учениковъ въ 1708 году, находится во многихъ библіотекахъ. Самуилъ митрополитъ кіевскій имѣлъ намѣреніе выдать сію систему; но Евгеній Булгаръ, архіепископъ славенскій и херсонскій, признавъ оную по тогдашнему времени недостаточною, остановилъ предпріятіе Самуила. Поелику Бантышъ-Каменскій, уже нѣсколько разъ, при философіи Бавмейстера, печаталъ Θеофановъ трактатъ о правилахъ состязанія и о раздѣленіяхъ философскихъ: то мы оставляя его систему, выписываемъ мѣсто изъ его разсужденія о безбожіи, напечатаннаго при московскомъ университетѣ

въ 1774 году, въ которомъ довольно обнаруживается характеръ его философіи.

1. Душа человѣческая есть невещественная, т. е. безтѣлесная и безсмертная. Невещественная по сему, яко движеніе оныя не что иное есть, какъ только единое помышленіе, которымъ душа безчисленные объекты, то есть, представляемыя себѣ вещи многоразличныя, постигаетъ, и будто написуетъ, и написанное хранитъ, яко въ неисчерпаемыхъ какихъ сокровищахъ, и когда похощетъ, произноситъ оныя въ неудобовѣрительной скорости съ чудесным и неизрѣченнымъ благочиніемъ, безъ всякаго замѣшательства. И такое оныя написаніе не всегда бываетъ простое, но отъ многихъ сложенное: ибо однихъ вещей идеи, или образы, съ другимижъ разными образами соединяетъ; а отъ соединенія сего, новые и странные образы написуетъ: и сіе у философовъ аргументаціею называется. Что же всего чуднѣе есть, о таковыхъ всѣхъ своихъ помышленіяхъ другимъ глубочайшимъ, и весьма отмѣннымъ помышленіемъ, то есть, обратнымъ онаго дѣйствіемъ извѣстною бываетъ, и не только тое, но и оные еще испытуетъ, и по такому испытанію утверждаетъ или опровергаетъ. Еще же и тое испытаніе свое, безъ всякихъ доводовъ вѣдаетъ, другимъ множае внутреннѣйшимъ помышленіемъ, то есть сама въ себѣ тому свидѣтель есть, паче всякаго свидѣтельства достовѣрнѣйшій. Въ мозгъ же человѣка, хотя сколько нибудь присматриваться станемъ, и разныхъ прилѣжанія и испытанія образовъ употребимъ къ раздѣленію онаго, и къ другимъ анатомическимъ и химическимъ хиромантіямъ; то не сыщемъ въ немъ и малѣйшаго слѣда толь дивныхъ дѣйствій, которыя бы могли отъ него произойти. Ибо не только мозгъ, но и все тѣло человѣческое мало и мелко есть. Душа же въ толь тѣсномъ мѣстѣ съ нимъ сопряженная, всю подсолнечную во своихъ акибы нѣдрахъ содержитъ. Таяжъ душа имѣетъ другую составительную свою часть, то есть, волю, которая имѣетъ дивную нѣкоторую власть, власть же повелительную не только надъ всѣми ума онаго дѣйствіями, но и надъ самимъ тѣломъ ко всякому, яко же ей похощется, обращенію, и отъ таковой власти нашей обратнымъ онымъ помышленія нашего дѣйствіемъ, мы сами бываемъ извѣстны, кромѣ всякаго сомнѣнія. Но и таковой верховной власти воли нашей иногда разумъ, первѣйшая души часть, предѣлы и мѣры уставляетъ, иногда случится оной волѣ тѣ предѣлы преступить, тогда сицевымъ ума нашего обращеніемъ, тое ея безмѣріе усматривается, и се-то есть совѣсть. А усмотрѣвши тѣмже дѣйствіемъ увѣщеваемъ оную волю къ сокращенію той власти или къ премѣненію: и таковымъ увѣщаніемъ тогда многократно исправляемы бываемъ по всему человѣку, когда со властію худымъ обычаямъ противимся и оныя весьма не навидимъ. Сими и симъ подобными безчисленными дѣйствіями непрестанно упражняющаяся душа человѣческая никогда же можетъ утрудиться и изнемощи; что всякъ присмотрѣвшійся себѣ, безъ всякихъ трудовъ можетъ познати. И сія вся оныя дѣйствія не иное что суть, какъ только единое помышленіе, т. е. мысли нашея природное нѣкоторое существенное движеніе, матерія же всякая, въ разсужденіи своего существа, постизаемая бываетъ нами, яко всячески протяженная, сирѣчь имѣющая широту, долготу, глубину, высоту и прочія фигуры. А съ таковыми свойствами, всякой матеріи, невозможно никоею же мѣрою свойствъ ума нашего измѣрити: ибо одни отъ другихъ всецѣлымъ, да тако реку, небомъ отстоятъ. Ктобо скажетъ, что въ матеріи оной внѣшнимъ чувствамъ подлежащей, и въ тѣлесныхъ ея фигурахъ, усматривается подобное нѣчто, чуднымъ онымъ ума нашего постизательствомъ, развѣ

безстудіемъ сицевымъ последнее свое похощетъ открыти невѣжество? И отсюду по истинѣ душа наша покажется въ своемъ существѣ быти невещественная. 2. Безсмертная же душа по сему познавается, когда она животъ свой имѣетъ въ движеніи; и чрезъ движеніе помышленіе разумѣется. Помышленіе же такое у нея непрестанное есть; то и движеніе ея перестати не можетъ; ибо сама себе никогда же можетъ оставити. Движеніе же души, не яко тѣлесныя всегда движенія, но яко живоносное оное и не престающее, паче же самое существенное ея дѣйствіе здѣ разумѣется. И такъ крѣпкое и само собою всякому ясное происходитъ отъ рѣченныхъ слѣдствіе. Ибо когда душа, какъ показано, есть невещественная и безтѣлесная, то оная есть и не раждаемая и не умирающая. Существо бо безтѣлесное никакого сѣмене въ себѣ не имѣетъ, и отъ тѣлесной вещи бытія своего получить не можетъ; понеже, по универсальному всѣхъ философовъ знанію, вина вещественная всегда себѣ подобный плодъ вещественный же производитъ. И такъ душа начинаетъ быти чрезъ единое Божіе всемогущее твореніе, которое, когда въ разсужденіи намъ предстоитъ, яко вещи изъ ничего въ бытіе произведеніе: то показуетъ разстояніе не кончаемое, между ничѣмъ, и между вещію, имѣющееся. Ко одолѣнію же таковаго не кончаемаго разстоянія, ни какая сила можетъ быть довольна, кромѣ всемогущества Божіяго. А когда душа начинаетъ бытіе свое имѣти чрезъ твореніе Божіе а не чрезъ рожденіе, то она не можетъ не быти и чрезъ смертное раздѣленіе. Смерть бо не что иное есть, какъ точное раздѣленіе частей во взаимномъ совокупленіи бывшихъ. Душа же безтѣлесная, и не изъ какихъ частей сложенная, но вся въ себѣ совокупно сущая, коему бы могла подпасти раздѣленію, невозможно сего и постигнути. Когда бо есть вся въ себѣ цѣла и существенно не раздѣльна, то слѣд. тѣмъ самымъ есть и безсмертна. Способствуетъ къ томужъ

безсмертію души чувственнымъ доказательствомъ гласъ совѣсти человѣческой, грѣшниковъ всегда снѣдающій, хотя бы оные выше всякаго страха человѣческаго, въ самомъ превысочайшемъ градусѣ, обрѣтались. Такожде нѣкоторое природное безсмертія вожделѣніе, обще всѣмъ людямъ врожденное, которое и въ самыхъ грубѣйшихъ народахъ видимо есть. И хотя душа иногда въ немощи, тѣлесной аки бы спящая или сонемоществующая многажды видится, однакожъ сіе ея тѣлу соболѣзнованіе, свойственнѣе же рещи сожалѣніе, бываетъ для самаго пріискрепняго и тѣснѣйшаго съ тѣломъ своимъ сопряженія. И часто то видно бываетъ, яко во многихъ тягчайшихъ болѣзняхъ и при послѣднемъ издыханіи, совершенное свое имѣетъ дѣйствіе въ здравомъ помышленіи, познаніи, и разсужденіи, когда и всѣ члены тѣлесные въ послѣднее пріидутъ безсиліе и въ натуральной конечно оскудѣваютъ теплотѣ. стр. 20. 3. Бытіе Бога Ѳеофанъ доказываетъ обыкновенными доказательствами 1. Врожденнымъ позпаніемъ о Богѣ, и согласіемъ всѣхъ народовъ. 2. Разсужденіемъ о началѣ движенія т. е. случайности вещей. 3. Разсматриваніемъ величества и благочинія вселенной, во особливости же земнаго круга, и воономъ премногихъ сокровенныхъ, явленныхъ и вновь являющихся сокровищъ, различія минералловъ, и животныхъ 4. Разсужденіемъ о человѣкѣ, и въ особенности расположеніемъ членовъ тѣла, мѣрою, приличіемъ и связью души съ тѣломъ. 5. Непрерывно сохраняющимся одинаковымъ различіемъ половъ, какъ въ животныхъ такъ и въ растеніяхъ. стр. 8.

§ 153. Георгій Кописскій, архіепископъ бѣлорусскій, родился въ Нѣжинѣ отъ дворянской фамиліи 20 ноября 1717 года, знаменитый духовный витія. Кромѣ много-

численныхъ проповѣдей, изъ сочиненій его заслуживаютъ особенное вниманіе: 1. Рѣчь, говоренная имъ 27 іюля 1765 года въ Варшавѣ предъ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ и 2. Права и вольности жителей греко-восточную въ Польшѣ и Литвѣ исповѣдающихъ вѣру. Всякому извѣстно прекрасное привѣтственное слово, говоренное имъ Императрицѣ Екатеринѣ II, при проѣздѣ ея въ 1787 году чрезъ могилевскую губернію. Митрополитъ Тимоѳей Щербацкій заботясь о лучшемъ устройствѣ кіевской академіи въ 1747 году поручилъ Георгію философскую каѳедру, возложивъ на него вмѣстѣ съ тѣмъ и должность академіи префекта. Въ семъ званіи служилъ онъ около 5 лѣтъ съ отмѣнною похвалой и пользою для воспитанниковъ. Особеннымъ характеромъ методы его въ преподаваніи философіи было то, что онъ изъясняя слушателямъ своимъ истины разума, подкрѣплялъ оныя весьма прилично мнѣніями св. отцовъ, чтобы надежнѣе предохранить юныхъ, неопытныхъ мыслителей отъ лжеумствованій суетныхъ и опасныхъ. Любопытнымъ памятникомъ философскихъ трудовъ его, есть полная система любомудрія подъ заглавіемъ: Philosophia iuxta numerum IV facultatum quadripartita, complectens Logicam, Metaphisicam, Phisicam et Ethicam, anno 1749 in Academia Kiioviensi per digniss. Academiae Praefectum, patrem munificentissimum, Doctoremqve ad cineres colendissimum Georgium Konisky. Сочиненіе сіе доселѣ неиздано. Экземпляръ онаго находится въ библіотекѣ санктпетербургской духовной академіи подъ N° 205. Рукопись содержитъ около

500 лист. мелкаго письма. Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ Георгія:

Utrum existentia Dei naturaliter potest demonstrari?

Quaestio hic procedit contra Atheos Deum negantes atque omnia hoc in universo casu fieri affirmantes. Demonstratio hic non intelligitur illa, quae est a priori sive ex causis, cum Deus, utpote, causa prima nullam habet causam priorem; sed a posteriori, sev ex effectibus, nempe creaturis. Itaque DICO: existentiam Dei naturaliter posse demonstrari. Prob. 1. vel omnia omnino entia contingentia, sive possibilia esse et non esse; cuiusmodi sunt coelum et terra; vel datur aliquod ens absolute necessarium; atqui omnia entia dici non possunt contingentia, sive possibilia esse et non esse; quoniam entia contingentia a se ipsis existentiam habere nequeunt, cum sint imperfecta, nec potuerint nisi ab ente summe perfecto in rerum natura collocari: quodcirca si entia contingentia fingerentur, non existerent, iam non amplius essent entia contingentia, siue possibilia esse et non esse, sed omnino forent impossibilia, nisi concedatur ens necessarium existere, a quo tanquam ab omnis entis plenitudine existentiam suam acciperent. Ergo non omnia entia contingentia sunt, sed unum debet esse absolute necessarium, non dependens, non factum, id est Deus. DICES: fieri non potest hypothesis, qua omnia possibilia dicantur actu existere, ergo a pari fieri non potest hypothesis, qua omnia contingentia existentia ponantur non esse. Resp. Non pariter: etenim omnia possibilia potestate tantum existunt, non actu, nec proinde sumi possunt; quia quaecunque necessario existere fingantur, plura sc. in infinitum existere concipiuntur. Sed hic contingentia ut actu existentia spectantur, ideoque simul sumi queunt, et proinde tanquam non existentia spectari, in eoque utriusque hypotheseos apparet disparitas Prob. 2. Quaecunqve causae operari et effectus producere aliquos observantur in rerum aspectabilium natura, ut homo hominem, leo leonem et coet. ab aliqua causa debent adiuvari, cum fieri omnino non possit, ut homo homini, vel leo leoni, cuius fabricam, vires et organorum conformationem ignorat, existentiam largiatur. Ergo hae causae ab alia pendent, ut quaeqve

operentur, iam illa, a qua pendent, vel a se ipsa est et operatur, vel rursus operandi vim ab alia recipit, tumque vel progressus dabitur in infinitum, cum non infinitum nullum est primum: at ubi nullum est primum nullum 2 dum, 3 um, nullum ultimum, atque sic nullus effectus fieret, nec homo generet hominem, nec leo leonem; sistendum ergo est in aliqua prima virium omnium causa, quae Deus est. DICES: Quidni progressus in infinitum admittatur, cum Aristoleles et plerique philosophi mundum crediderunt extitisse ab aeterno, infinitos homines fuisse progenitos et infinitas alias substantias productas, infinitum quoque tempus et motum fuisse elapsum. Resp. Progressum hunc in infinitum penitus esse impossibilem, tam secundum Epicureos, qui nullum Deum, praeter hunc universum, vel materiam agnoscebant, quam secundum Aristotelem, qui licet mundum ab aeterno asseruit, primum tamen motorem eius confessus est. Et quidem primo secundum Epicureos non potuerunt homines, aut leones alii ab aliis in infinitum generari ab aeterno absque Deo, cum neunus homo quidem, vel leo sit solius hominis vel leonis opus. Etenim quomodo fieri potest, ut stupenda illa creaturae animatae praesertim hominis fabrica, tanto artificio elaborata, tot delicatissimis organis concinnata, solo materiae concursu sine Omnipotentis artificis opera conformetur? Ut omittam humanam mentem, quae rationis est particeps, a materia, sev corporibus non esse expressam, sed a solo summo Deo procreatam. . . . Prob. 3. Quaecunque in hoc universo cernimus, ea in fines aliquos certos et constantes perpetuo niti observamus: atqui ea, quae nulla cognitone praedita sunt, in fines certos et constantes sapienter agi nequeant, nisi ab aliquo sapientissimo Rectore moveantur et gubernentur; Ergo existit ille Rector et Gubernator mundi, quem Deum nominamus. Unde perfectum fluit argumentum, quo sacri et profani auctores usi sunt, ut Dei cognitionem in omnium mentibus excitarent. Prob. 4. Quidam non tam sententiam Atheorum, quam eorum dementiam directe oppugnant hunc in modum: Qui Deum existere inficiantur, vel in dubium revocant, illi salutem suam absqve ulla emolumenti spe in apertissimum discrimen coniiciunt: nam si nullus Deus existat, viri probi et fideles, qui Deum confitentur, nihil habent, quod timeant; quod illa confessio ipsis post mortem nocere non potest, at si existat Deus, quam horrendum supplicium Atheos manet, qui veritati tam manifestae perfidum pectus mentemque obstruxerunt.

§ 154. Григорій Савичь Сковорода, родился отъ благочестиваго священника кіевскаго намѣстничества лубенскаго округа въ селѣ Чернухахъ, въ началѣ XVIII вѣка. Богомольный съ самыхъ пеленъ, первое образованіе получилъ онъ отъ причетниковъ и особенно на клиросѣ церковномъ. Въ кіевской академіи отличные успѣхи Григорія обратили на него вниманіе митрополита Самуила Миславскаго, а способность къ музыкѣ была причиною выбора его въ придворную пѣвческую при возшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы; но страсть къ познанію превозмогла въ немъ любовь къ искуству. Когда Императрица посѣтила Кіевъ, Григорій прибылъ также въ числѣ придворныхъ пѣвчихъ; но возвратиться въ Петербургъ не хотѣлъ: получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, онъ началъ снова учиться. Генералъ-маіоръ Вишневскій, отправленный отъ Двора въ Венгрію къ токайскимъ садамъ желалъ имѣть, для находившейся тамъ грекороссійской церкви, человѣка знающаго церковное пѣніе. Сковорода, извѣстный уже по искуству своему въ музыкѣ и познаніи нѣмецкаго, латинскаго и греческаго языковъ, былъ представленъ Вишневскому, и пламенное желаніе Григорія исполнилось: онъ поѣхалъ въ Венгрію. Вишневскій оцѣнивъ его достоинства и умъ, далъ ему средства совершить путешествіе въ Вѣну, Пресбургъ и другія мѣста Австріи. Но ему не мѣста любопытны были, а ученые люди Германіи; ихъ только хотѣлъ онъ видѣть и слышать. Знаніемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ, ему легко было исполнить

свое желаніе, а умомъ снискать пріязнь извѣстнѣйшихъ въ то время людей. Сочетавъ религіозность свою съ идеями германской философіи, онъ возвратился въ отечество. Переяславскій епископъ пригласилъ его въ учителя поэзіи, и здѣсь Сковорода написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ оной. Онъ воспитывалъ сына Тамары, но не умѣлъ угодить госпожѣ и слугамъ ея. Опредѣлившись, по приглашенію намѣстника сергіевской лавры, въ послѣдствіи извѣстнаго ученостію епископа черниговскаго Кирилла, учителемъ въ лаврѣ, сгрустнулся Григорій по родинѣ, и оставилъ семинарію: онъ былъ рожденъ не дѣтскимъ учителемъ. Добродушный, ясный душей, снова сталъ онъ гостить тамъ и сямъ. Въ 1759 году опредѣлился Сковорода учителемъ въ харьковскій коллегіумъ; прошелъ годъ, епископъ Іосафатъ Миткевичь, полюбившій его за познанія, тишину души и самоотверженіе отъ суетъ жизни, свойственное только посвятившимъ себя на служеніе Богу, предложилъ ему вступить въ монашество. Сковорода вознамѣрился испытать себя и для сего отправился въ пустынную деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода къ одному изъ друзей своихъ. Въ Харьковѣ онъ познакомился съ М. И. Ковалевскимъ, молодымъ человѣкомъ съ свѣтлой душой, способной понимать его. Въ немъ нашелъ онъ и друга себѣ и послѣдователя его наставленіямъ. Ковалевскаго прежде учили, что счастіе состоитъ въ удовлетвореніи желаній, въ беззаботности и роскоши жизни; а Сковорода говорилъ, что истинно счастливое состояніе человѣка, состоитъ въ ограниченіи

желаній, въ отверженіи всякаго излишества, въ обузданіи прихотливой воли, въ трудолюбіи, не по страху, но по совѣсти. Ковалевскому говорили, что одно состояніе людей лучше другаго; а Сковорода вѣщалъ, что каждое состояніе есть добро, и Богъ раздѣливъ общество людей на различныя состоянія, соединилъ ихъ взаимными потребностями и ни одного не обидѣлъ. Только сыны противные, говорилъ наставникъ, не внимающіе ни закону Промысла, ни закону природы, вступая въ состоянія по страстямъ, обманчивымъ видамъ и прихотямъ прокляты отъ Бога, верховнаго раздаятеля дарованій. Ковалевскій сначала любилъ внимать Сковородѣ и боялся слушать его; любилъ сердце его и дичился разума, почиталъ его правила жизни, и не могъ согласить ихъ съ своими понятіями; уважалъ добродѣтели его и устранялся мнѣній, видѣлъ чистоту нравовъ его и не узнавалъ правоты ихъ; желалъ быть другомъ, но не ученикомъ. Трудно изгладить первыя впечатлѣнія, говорилъ самъ Ковалевскій, но они изгладились въ немъ. Томимый боренiемъ понятій онъ увидѣлъ сонъ, въ которомъ на ясномъ небѣ представлялись ему золотыя начертанія именъ трехъ отроковъ, вверженныхъ въ пещъ огненную, Ананія, Азарія и Мисаила; отъ этихъ трехъ словъ на Сковороду стоящаго съ воздѣтыми руками къ небу, сыпались искры, а нѣкоторыя упадая и на Ковалевскаго производили въ немъ легкость, спокойствіе, бодрость и довольство духа. Ковалевскій расказалъ этотъ сонъ добродѣтельному старцу Троицкому священнику Б., у котораго онъ жилъ. Молодой чело-

вѣкъ, сказалъ ему старецъ, слушайся этаго мужа; онъ данъ тебѣ отъ Бога въ руководителя и наставника. Съ этой поры Ковалевскій предался вполнѣ дружбѣ и наставленіямъ Сковороды. Три отрока, говорилъ ему Григорій, вверженные въ пещь огненную, суть три великія способности человѣка: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіеся злому духу міра, не сгарающіе отъ огня любострастія, но хранимыя духомъ въ непорочности сердца и души. Въ 1764 году, Сковорода пріѣхалъ съ другомъ своимъ въ Кіевъ; многіе изъ родственниковъ и знакомыхъ, бывшіе монахами въ печерской лаврѣ, склоняли Сковороду вступить въ монашество: полно бродить по міру, св. лавра пріиметъ тебя какъ мать чадо, ты будешь столпъ и укрѣпленіе обители. Нѣтъ, возразилъ Сковорода, не мнѣ грѣшному скрывать сердце въ ризѣ. Въ Харьковѣ, губернаторъ Е. А. Щербининъ наслышавшись о Сковородѣ, призвалъ его къ себѣ и въ разговорахъ съ нимъ спросилъ: добрый человѣкъ, для чего не изберешъ ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія? — Міръ подобенъ театру, — отвѣчалъ Сковорода; — чтобъ представлять на немъ съ успѣхомъ и похвалою, должно брать роли по способностямъ; ибо дѣйствующее лице пріобрѣтаетъ похвалу не познатности роли, но за удачную игру; не способный представлять удачно никакого лица, кромѣ простоты и смиренія, я самъ избралъ эту роль и доволенъ собою; трудъ при врожденной склонности есть удовольствіе. Увлекаемый любовію къ уединенію, Сковорода поселился на пасекѣ Гужвинской, близъ Харькова, при-

надлежавшей помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ онъ любилъ за добродушіе. Посреди лѣса, въ уединенной хижинѣ, онъ оградилъ духъ свой безмолвіемъ и предался на свободѣ размышленію. Здѣсь онъ написалъ первое полное свое сочиненіе *Наркизъ*, познай себя, и *Асханъ*, познай самаго себя. Потомъ приглашенный Сошальскими въ деревню ихъ Гусинку, онъ полюбилъ и мѣсто и хозяевъ, и поселился у нихъ также на уѣдиненной пасекѣ. Въ 1770 году поѣхалъ онъ съ ними въ Кіевъ и остановился у родственника ихъ Іустина, начальника китаевской пустыни; прошли три мѣсяца, проведенные имъ съ удовольствіемъ. Вдругъ, однажды спускаясь по горѣ на подолъ, почувствовалъ онъ запахъ мертвыхъ труповъ, не могъ далѣе идти, воротился домой, и изгоняемый какимъ-то безпокойствомъ изъ Кіева, не смотря на убѣдительныя прозьбы О. Іустина, отправился на другой же день въ Ахтырку, гдѣ и остановился по пріязни у архимандрита Венедикта. Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ получили извѣстіе объ открывшейся въ Кіевѣ чумѣ. Чудна рука Провидѣнія, выведшая Сковороду заблаговременно изъ Кіева! Сковороду можно было назвать украинскимъ странствующимъ философомъ; повсюду онъ былъ гостемъ и ни гдѣ хозяиномъ; ничего въ мірѣ не называлъ своимъ, кромѣ пріобрѣтеннаго познанія, и какъ Стильпонъ Мегарскій, земнымъ богатствомъ считалъ только мудрость. Онъ гостилъ у Тевяшева, у Захаржевскаго, у Щербинина, у Ковалевскаго, гостилъ въ монастыряхъ: старохарьковскомъ, харьковскомъ училищномъ, ах-

тырскомъ, сумскомъ, святогорскомъ, сешпяпскомъ; но преимущественно любилъ Харьковъ и часто посѣщалъ этотъ городъ. Повсюду, выбиралъ уединенный уголъ, жилъ просто, самъ себѣ слугой; повсюду любилъ людей и не навидѣлъ ихъ пороки. Подъ конецъ жизни, отправился онъ въ село Хотетово, въ 25 верстахъ отъ Орла, къ другу своему, который предлагалъ ему домъ свой, какъ мирную пристань послѣ долгаго странствованія; но не прошло трехъ недѣль и Сковорода пожелалъ любимицы своей Украйны; въ ея сырой землѣ, какъ въ объятіяхъ хотѣлъ онъ кончить жизнь, и, не смотря на убѣжденія, на погоду, на болѣзнь, на трудъ пути, поѣхалъ. Останься! умолялъ его К. Духъ мой велитъ мнѣ ѣхать, отвѣчалъ Сковорода. А духу своему онъ никогда не противился. Пріѣхавъ въ Курскъ, остановился онъ отдохнуть отъ пути у благочестиваго архимандрита Амвросія; отсюда отправился далѣе, въ Гусинку, любимое свое пустынножительство; но въ концѣ пути почувствовалъ побужденіе ѣхать въ Ивановку, слободу Г. Ковалевскаго. Здѣсь и кончилъ онъ свой путь въ 1794 году. Предъ кончиною завѣщалъ предать себя землѣ на возвышенномъ мѣстѣ, близъ рощи и гумна и начертать на могильномъ камнѣ: міръ ловилъ меня, но не поймалъ. Онъ оставилъ послѣ себя много сочиненій нравственно-философическихъ, и писемъ на русскомъ, латинскомъ и еллинскомъ языкахъ; нѣкоторыя изданы, другія хранятся у Г. К. 1795 г. въ селѣ Хотетовѣ сочинена ему слѣдующая Эпитафія;

Ревнитель истины духовный, богочтецъ,
И словомъ и умомъ и жизнію мудрецъ,
Любитель простоты, и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда:
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода.

Характеръ и ученіе Сковороды можно представить въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ:

1. Всегда въ простонародномъ свиткѣ, съ видлогою и торбою за плечами, съ дудкою за поясомъ, съ палицею въ рукахъ, ходилъ по селеніямъ, просвѣщалъ народъ стариннымъ малороссійскимъ слогомъ, не льстилъ временщикамъ, и при богатствѣ внутренняго самодовольствія почитая всякую почесть мышеловкою для души своей, часто говаривалъ: я все пока ничто; какъ стану что, то съ меня ничто. Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду дастъ ему земля безъ платы; лишнее не нужно. Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ, какъ будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою также всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу, и шелковую матерію и рядишу. Прошу Господъ не заказывать мнѣ своихъ вощаныхъ чучелъ, я ваяю не изъ воску, а изъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступаю въ море не для прогулки, что бы вилять изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю и для открытія новаго свѣта. Дѣйствительно обстоятельства жизни Сковороды и Ломоносова довольно противоположны. Ломоносовъ родился въ бѣдной рыбачей хижинѣ на берегахъ Ледовитаго моря: Сковорода увидѣлъ свѣтъ въ курной хатѣ земледѣльца священника подъ благорастворен-

нымъ небомъ Малороссіи. Ломоносовъ образовался для просвѣщеннѣйшихъ европейскихъ обществъ: Сковорода преимущественно обращалъ свое знаніе въ нѣдрахъ низшей части малороссійскаго и бѣлорусскаго народа. Лучи Ломоносова блистательны для Россіи; лучи Сковороды теплотворны для Украйны. Ломоносовъ есть русскій Пиндаръ и Цицеронъ. Сковорода есть русской Сократъ.

2. И Сократъ и Сковорода чувствовали въ себѣ призваніе свыше быть наставниками народа. Внявъ оному, они стали народными учителями, въ собственномъ и высокомъ разумѣніи сего слова. Живое чувство долга, какъ требованіе совѣсти развитое въ бытіе и силу, составляло у Сократа его Демоніона, а у Сковороды Рафаила его сердца, родимица и кормилица его новой славы, который примирялъ поступки и цѣлую жизнь его съ высшимъ чиномъ вещей, или духовнымъ откровеніемъ природы. Жизнь Сократа и Сковороды развивалась изъ тѣхъ же самыхъ началъ, ентузіазма и ироніи; равнымъ образомъ у обоихъ ентузіазмъ былъ положительный елементъ жизни, погружавшій конечное сознаніе въ одушевленное ясновидѣніе безконечнаго; а иронія — отрицательный, представлявшій конечное какъ шутку и игру. По ученію Сковороды, какъ и по ученію Сократа, основное начало и условіе вѣдѣнія есть самопознаніе. Подобно Сократу, толковавшему для греческаго народа текстъ человѣческой природы по гаданіямъ здраваго смысла, Сковорода изъяснилъ русскому простонародію тотъ же самый текстъ, но по откровеніямъ небеснаго разума; и также какъ Сократъ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ училъ па распутіяхъ, на торжищахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда по его острому словцу, скачетъ пьяная воля, и во дни страды, когда въ бездождіи потъ поливаетъ землю. Онъ вездѣ находилъ идею: ибо кто дѣйствительно имѣетъ идею и занимается ею отъ сердца, отъ души, тотъ вездѣ съ нею встрѣчается.

3. Сковорода и самъ избралъ, но свободно, въ задачу и образецъ своей дѣятельности Сократа, какъ очевидно изъ слѣдующаго мѣста: „Какъ мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ есть... Въ Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, до толѣ не быть, ни своему Платону, ни другому философу... Отче нашъ иже еси на небесѣхъ! Скоро ли ниспослешъ къ намъ Сократа, который бы научилъ насъ найпервѣе познанію себя, а когда мы себя познаемъ, тогда мы сами изъ себя вывьемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная... Да святится имя Твое въ мысли и помыслѣ раба твоего, который замыслилъ умомъ и пожелалъ волею быть Сократомъ въ Руси; но земля русская обширнѣе греческой, и не такъ-то легко будетъ ему скоро обхватить Русь проповѣдію своею. Да прійдетъ царствіе Твое, и тогда зерно по слову Твоему сѣемое взойдетъ яко кринъ, и тогда я выпилъ-бы стаканъ цикуты, какъ соты медовыя. Non fugio mortem, si famam assequar... Да будетъ воля Твоя святая на мнѣ во всѣхъ путяхъ моихъ и начинаніяхъ моихъ, ибо я разсуждаю, что знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и обжираются, но должно переходить на весь народъ, войти въ народъ, и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ право сказать: и я человѣкъ, и мнѣ что человѣческое, то не чуждо! Избави отъ лукаваго; ибо много прежде предлежитъ развалить, разломать и искрошить, чѣмъ прійдетъ

время строить на старомъ грунтѣ новую храмину! И кто будетъ по нашемъ Сократѣ нашимъ Платономъ? Что будетъ, то будетъ; а кто будетъ? Богъ вѣсть. Мое дѣло теперешнее, а оное — grata superveniet, quae non sperabitur hora — само прійдетъ, когда прійдетъ пора. Оное уже трепещется во чревѣ матери своей: но только Анна слышитъ, какъ взыгрался младенецъ во чревѣ Маріиномъ. Что мнѣ есть любезнѣе на небеси или на земли: точію поучати святынѣ? Обучатися и купно обучати братію добродѣтели: яко же свыше заповѣдано мнѣ: сей мой санъ есть и жребій и конецъ и цвѣтъ и плодъ жизни и трудовъ моихъ упокоеніе. Согрѣлось сердце мое, и въ поученіи моемъ разгарается огонь; что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца, а не для того только, что бы говорить, или чтобы не молчать. Энтузіазмъ Сковороды часто простирался до такой степени, что, по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни, можно бы почесть его за Теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія. Сковородѣ въ энтузіазмѣ казалось, что духъ его носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности, слышитъ со стороны вѣчности, видитъ въ соединеніи обѣихъ: но *вселенною* для него была *Русь святая*, *человѣчествомъ* народъ русскій. Когда умъ мой и сердце мое водворяется въ домѣ, который Премудрость создала себѣ во Святой Руси, говоритъ Вирсава, когда я упиваюсь отъ тука дому сего, я блаженъ, какъ тотъ, который имѣетъ племя въ Сіонѣ; въ горней Руси я вижу все новое, новыхъ людей, новую тварь, новое твореніе, новую славу. О, какъ мнѣ тогда и легко и весело, и мило и любо и вольно! Мысль моя летаетъ безпредѣльно, въ высоту въ глубину, въ широту; не мѣшаютъ ей ни горы, ни моря, ни степи: она провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядываетъ въ прежде бывшее, объемлетъ сущее, проникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу

океана, входитъ сквозь двери затворенныя: глаза ея голубые, крылья орлиныя, проворность оленья, дерзость львиная, вѣрность горлицына, благодарность Пеларгова, агнцово незлобіе быстрота соколья, бодрость журавляя: ведетъ же ее духъ вкуса, духъ вѣры, духъ надежды, духъ милосердія духъ свѣта, духъ прозрѣнія, духъ чистосердечія: облекается она въ гласъ грома, въ слово нечаянное какъ молнія. О, какъ тяжко и грустно изъ сей горней страны обращаться долу, гдѣ мудрецы очами бочутъ (*), устами гогочутъ, что мнится бѣсы ихъ мучатъ, и шевелятся и красуются, какъ обезьяны, болтаютъ и велерѣчатъ, какъ Римская Цитерія, чувствуютъ какъ кумиръ, мудрствуютъ какъ идолъ, осязаютъ какъ преисподній кротъ, щупаютъ какъ бевокой, у котораго слѣпыя очи, гордятся какъ безумный, измѣняются какъ луна, безпокоятся какъ сатана, паучаются какъ паучина, алчны какъ песъ, жадны какъ водная болѣзнь, лукавы какъ змѣй, ласковы какъ крокодилъ, постоянны какъ море, вѣрны какъ вѣтеръ, надежны какъ ледъ, разсыпчивы какъ прахъ, изчезаютъ какъ сонъ. И они люди? Люди! но сколько есть Гловацкихъ, у нихъ же нѣтъ головы. Энтузіазмъ Сковороды преимущественно отразился въ его драмахъ, или, по его надписанію, видѣніяхъ, въ коихъ онъ представилъ борьбу стараго и новаго образованія какъ прю благихъ и злыхъ духовъ, о человѣчествѣ и народности. Видѣнія сіи можно назвать тьмосвѣтомъ не поддѣльнаго русскаго патоса, и они достойны особаго историко-критическаго, изученія въ сравненіи съ Прометеемъ-Эсхила, съ Аяксомъ-Софокла, съ Бакхами-Эврипида, кои всѣ были извѣстны Сковородѣ въ подлинникѣ; и съ чуждыми для него:

(*) Бочить, значитъ косить въ бокъ и вытаращивать глаза, какъ выпуклыя бочки; гоготать, значитъ смѣяться по лошадиному; подобіе взято отъ конскаго ржанья, въ коемъ часто повторяется слогъ *го*.

съ благоговѣніемъ ко кресту, и съ чудодѣйнымъ Магомъ Кальдерона, съ Фаустомъ Клингера и Гете, съ Каиномъ и Манфредомъ Байрона.

4. Иронія Сковороды была большею частью прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всего чаще тогда отражалась, когда преломляла высшую степень восторга. Слѣдующій отрывокъ раскрываетъ духъ и образъ его ироніи, которая уронила достоинство сего мыслителя въ обществѣ, бывъ принята за положительное начало жизни. Отеческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость, а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу. Глупую важность встрѣчаютъ по виду, провожаютъ по смѣху, а разумную шутку важный нечатлѣетъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ, и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лице съ утаенною дѣльностію. Не по кошельку суди сокровище: праведенъ судъ суди. Иногда во вретищѣ дражайшій кроется камень. Вспомните нашу родимую пословицу: красна хата не углами, но пирогами. Я и самъ не люблю превратной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать Малороссійскую пословицу: стучитъ, шумитъ, гремитъ... А что тамъ? Кобылья мертва голова бѣжитъ. Говорятъ и Великороссійцы: летала высоко, а сѣла не далеко, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечего слушать. Нелюба мнѣ сія пустая надменность и пышная пустошь, а любо то, по нашей пословицѣ, что сверху ни что, но въ середкѣ что; снаружи ложь, но внутрь истина. Истина есть, коль разумѣемъ оное такъ, какъ оно есть, а не какъ тебѣ въ мечтѣ сложилось, а мечта ложь есть, и ея сословіе: нѣсть. Хочешь ли поучать народъ, погулиайся съ нимъ за одно въ премудрости. — Иронія Сковороды до того роскошествовала, что онъ обращалъ даже въ

шутку свое собственное имя, называя мысли свои блиномъ бѣлымъ, спеченнымъ на черной сковородкѣ.

5. О самопознаніи, какъ объ основномъ началѣ своего ученія, Сковорода кромѣ Наркиза и Асквя, написалъ 6 разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ, съ коими соединена Симфонія о народѣ. Что бы представить хотя въ крайнихъ чертахъ, процессъ народнаго ученія Сковороды о семъ предметѣ, выпишемъ главную мысль его въ сводѣ: „Троякое есть познаніе себя, и кто не позналъ себя трояко, тотъ не знаетъ себя, ибо кто знаетъ себя съ одной стороны, а не знаетъ себя съ прочихъ сторонъ, тотъ все равно, что ничего не знаетъ про себя, за себя и о себѣ, словно: самаго себя и свое. Первое познаніе есть познаніе себя какъ бытія самоличнаго, самоособнаго, самосущаго, т. е. какъ человѣка одинокаго, отъ всѣхъ людей отличнаго, только на самаго себя похожаго... Вспомни пословицу: всякъ Еремѣй про себя разумѣй. Всякъ долженъ узнать себя, именно свою природу; чего она ищетъ? Куда ведетъ? И какъ ведетъ? И ей послѣдовать безъ всякаго отнюдь насилія, но и съ глубочайшимъ покореніемъ. Конь ли ты? Вози сѣдока. Волъ ли ты? Носи яремъ. Песъ ли борзой? Лови зайцы. Дацкой ли? Дави медвѣдя... Другое познаніе есть познаніе себя какъ бытія общежительнаго, гражданскаго, народнаго, Государственнаго, т. е. какъ человѣка, сличеннаго съ другими *истою* вѣры, закона, обычая, и языка, и похожаго на другихъ людей вкупѣ живущихъ въ одной землѣ, которой имя, родина, отчизна, рѣчь общи. Всякъ долженъ узнать свой народъ, и въ народѣ себя. Русь ли ты? будь имъ: вѣрь православно, служи Царицѣ правно, люби братію нравно. Ляхъ ли ты? Ляхъ будь. Нѣмецъ ли ты? Нѣмечествуй. Французъ ли? Французуй. Татаринъ ли? Татарствуй. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, и все красно,

что чисто природно, т. е. не поддѣлано, не подмѣшано, но по своему роду. Не будь ни теплъ, ни холоденъ, да не изблюютъ тебя. Русь не Русская видится мнѣ диковинкою, какъ если бы родился человѣкъ съ рыбьимъ хвостомъ или съ собачьею головою... Третіе познаніе есть познаніе себя, какъ бытія сотвореннаго по образу и по подобію Божію, общаго со всякимъ бытіемъ человѣческимъ... Посреди насъ живетъ то, что превыше всего есть... По первому познанію ты узнаешъ свое собство, почему ты Еремѣй и какой ты Еремѣй. По второму ты узнаешь свою стать: почему ты Русь? И какова Русь? По третьему узнаешь ты свою общность, почему ты человѣкъ? И что есть человѣчество? По всему ты узнаешь себя и отлично и слично, и не слитно и слитно... О Боже, коль не слична мусикія безъ Св. Духа Твоего! И коль смѣхотворна премудрость, не сличившая и не познавшая себя! Сковорода досадуетъ на тѣхъ народоучителей, которые проповѣдывали одностороннее познаніе себя, и въ семъ отношеніи, упрекаетъ даже и Сократа. У Грековъ онъ находитъ трехъ апостоловъ самопознанія: великаго незнакомца, написавшаго на дельфійскомъ храмѣ мудрое: узнай себя самаго, Соломона и Сократа; но дельфійская надпись относилась къ познанію себя, какъ особи individuum, Соломонъ училъ познанію себя какъ гражданина in statu, Сократъ имѣлъ въ виду познаніе себя какъ человѣка вообще, in genere. Что есть человѣкъ одинокій, уединяющій себя отъ другихъ людей, погружающійся въ думу о себѣ одномъ? Круглый сирота, дитя безродное, родитель безчадный. Что есть гражданинъ въ народѣ, отчуждающемъ себя отъ другихъ народовъ, закатывающемся только въ свою наличность? То, что и народъ его т. е. бытіе раждающееся, существующее и раждающее только въ пространствѣ, а не во времени, объемлющее собою мѣста, но не вѣка; опредѣленнѣе: подлежащее географіи, но не исторіи. Что

же тотъ, кто отожаетъ себя въ познаніе съ цѣлымъ человѣчествомъ, космополитъ? Собака въ езоповой баснѣ, которая нарочно упустила наличный кусокъ мяса, и кинула въ рѣку чтобы уловить тѣнь онаго. Спаситель, по заключенію Сковороды, первый училъ полному, т. е. троякому познанію себя, какъ познанію одному, и онъ доказываетъ свое заключеніе текстами новаго завѣта.

6. Съ раскрытіемъ въ Сковородѣ внутренняго побужденія какъ народнаго мыслителя и наставника раскрылась вмѣстѣ и потребность пріобрѣсть сознаніе простонародности. Потому Сковорода, оставивъ учительство въ школѣ, проводилъ жизнь какъ старецъ, преимущественно въ селеніяхъ, кои называлъ онъ пустынями, въ тихой и смиренной долѣ, и, обращаясь въ кругу простаго народа, старался изучить его природу, его волю, его языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, учитель не учитель, а только служитель природы. Мысль сію относилъ Сковорода и къ званію законодателя, и она прекрасно развита имъ чрезъ уподобленія. Сокола вскорѣ научишь летать, но не черепаху. Орла въ мгновеніе научишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко направишь на кавказскія горы и привлечешь пить безъ труда изъ чистѣйшихъ нагорныхъ водоточей: но не верблюда и не вепря. Всякое дѣло спѣетъ собою, и наука спѣетъ собою. Клубокъ самъ собою покатится съ горы, отними только препятствующій ему претыканія камень. Не учи его катиться, а только пособляй. Къ объясненію сихъ понятій прибавимъ еще выраженіе Сковороды, что учителю надлежитъ быть вездѣ-сущимъ въ народѣ: ибо изводъ образованія долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ же учителя есть познать нужду, мѣру, примѣръ и свойство исты образованія, и сочетать себя съ народомъ, то есть изводъ съ истою, или форму съ идеей.

Коликое идолопоклонство восписывать выписнымъ мудрецамъ и покупнымъ учителямъ изъ Нѣмецъ и Французъ, силу воспириносить и вопричитать чуждому воспитанію! Свое воспитаніе утаевается въ природѣ всякаго народа, какъ огнь и свѣтъ невидимкою утаился въ кремешкѣ. Приставь же губку либо трутъ, не пожалѣй же руки и ударь кресаломъ, и выкресешь огнъ у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ трепетицею, кланяться и просить: пожичь мнѣ огню! — Таково было педагогическое искуство Сковороды въ образованіи простаго народа; и отъ того жизнь и всѣ созданія Сковороды цѣломудренны и свободны, какъ библія и наши предки.

7. Сковорода самъ называлъ ученіе свое ткавкою и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, кои такъ горды, что не хотятъ и говорить съ поселяниномъ, и онъ гордился именемъ народоучителя, презирая кривые толки, и насмѣшки педантовъ своего времени. Надо мною позоруются, говорилъ онъ, пускай позоруются; о мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа: пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу: пускай острятъ; они знаютъ свое, а я знаю мое, и дѣлаю мое какъ я знаю, и моя тяга мнѣ упокоеніе. Барская умность, пишетъ Сковорода, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери раждать живыхъ дѣтищъ? И какъ изъ утробы чернаго народа вылонились бѣлые господа? Смѣхотворно и мудрованіе, якобы сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка, я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что такое живая смерть и мертвая жизнь? О докторы и философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести внѣшняго міра и отворяются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе свыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ, пускай спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится, и забодрствуетъ. Таковое сознаніе было первое, новое, образцовое на Руси; оно не было ни подражаніе инородному, ни продолженіе своему прежде-данному, и потому Сковорода называлъ ученіе свое, изъ его самороднаго сознанія въ познаніе построившееся, новою славою. Въ одномъ видѣніи, въ коемъ душа его извергла кипучею лавою энтузіазма и ироніи, онъ представилъ состязаніе свое съ бѣсомъ, враждовавшимъ его новой славѣ. Даймонъ, слышь Вирсива! Младенькій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучины, не поучающая, но паучающая! Ты ли творецъ новыя славы? Варсава: Мы то, Божіею милостію, рабы Господни, и дерзаемъ благовѣстить новую славу. — Даймонъ: нынѣ, не обинуяся провѣщай вину, отъ чего мое ветхое жилище въ міріаду кратъ многолюднѣе твоего новаго? Варсава: темнорѣчишь! открой, если можешь, откровеннѣе сердца твоего бездну. — Даймонъ: о апокалипта! странность въ словѣ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ: вотъ троеродный источникъ пустыни новыя. Варсава: и лжешь, и темнорѣчишь! Кто можетъ поднять на пути злато или бисеръ, мнящій быти нѣчто безполезное? Кій тетервакъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть или западню, почитая ее рогомъ изобилія. Кій агнецъ не устрашится матери творящейся волкомъ, и не прильнетъ къ волку, представляя его матерью? Не виню міра, не вини и славы новыя! Когда что любятъ и желаютъ мысли, тогда и сердце внутрь распространяется, раздувается,

радуется; во время же огнушенія, стѣсняется, жмется, тужитъ, подобно недужному, который отвращается отъ пищи, и уста сжимаетъ. Певинна слава новая. Нѣтъ любви къ воспріятію ея; сердце туго связано тугою, оглохло какъ аспидъ, студено какъ ледъ сотворилось къ матери своей согрѣвавшей его въ нѣдрѣ своемъ, и улюливавшей его пѣсенкою колыбельною: сынъ мой! если поспишь, сладко поспишь, если пойдешь, безбоязненъ будешь и радость будетъ на всѣхъ путяхъ твоихъ. Кто же винenъ? Ты враже! ты, украшенная гробница!

§ 155. Платонъ Левшинъ митрополитъ московскій, сергіевской лавры архимандритъ, род. 29 іюня 1737 года въ подмосковскомъ селѣ Чашниковѣ, архипастырь знаменитый обширнымъ умомъ, ученостью и краснорѣчіемъ. Изъ многочисленныхъ его сочиненій, сверхъ превосходныхъ проповѣдей наиболѣе отличается краткое богословіе, инструкція благочиннымъ, увѣщаніе роскольникамъ и краткій катихизисъ. Онъ скончался 11 ноября 1812 года и похороненъ въ спасовиѳанскомъ монастырѣ. Подышемъ сколько нибудь воздухомъ русскаго Платона:

Міръ сей есть на подобіе театра славу Божію намъ представляющаго, на подобіе книги, Создателя своего проповѣдающей, на подобіе зеркала, въ которомъ усматриваемъ ясныя премудрости Божія изображенія. Вездѣ во всѣхъ народахъ самыхъ дикихъ видимы были олтари, вездѣ курилися жертвенники, и чувствіе быть Божеству, въ человѣкѣ столь было сильно, что лучше захотѣлъ онъ камень, или другую тлѣнную вещь почитать за Бога; нежели думать, что нѣтъ Бога. — Совѣсть всякаго по содѣланіи добра живую внутрь

себя чувствуетъ радость: а по содѣланіи зла смущается и терзается. Но сіе чувствіе должно происходить отъ нѣкоей врожденной намъ силы, которая убѣдительно увѣряетъ, что есть нѣкто всевѣдущій и всемогущій Судія, добрыхъ наградитель щедрый, а злыхъ строжайшій наказатель. Сколькобъ человѣкъ въ жизни сей счастливъ нибылъ и сколькобъ всякими вещами ни изобиловалъ, однакожъ не можетъ столь желаніе свое удовольствовать, чтобы веселости мірскія нѣкогда ему не наскучили, и чтобъ желаніе его къ большему чему не устремлялось. Соломонъ испытавъ всѣ роды веселостей, принужденъ напослѣдокъ сказать: суета суетствъ и всяческая суета. Сіе врожденное желаніе, какъ не можетъ быть напрасное, должно оно удовольствовано быть нѣкимъ совершеннѣйшимъ и неизмѣняемымъ добромъ: а оно есть Богъ. Сіи столь убѣдительныя разсуждая доказательства, нельзя довольно понять ослѣпленія нечестивыхъ безбожниковъ. Почему не безъ причины нѣкоторые сомнѣваются, чтобъ были такіе люди, которыебъ отмѣтая бытіе Божіе, отъ совѣсти своей притомъ обличаемы не были.

Прим. Любовь Русскихъ, говаривалъ Платонъ, какъ къ единовѣрцамъ, такъ и къ иновѣрцамъ, какъ къ роднымъ, такъ и къ дальнимъ особенно выражается: 1. въ привѣтствіяхъ, когда мы испрашиваемъ другъ другу помощи Божественной: *Богъ въ помощь*! и въ изъявленіи благодарности, которая есть выраженіе желанія о вѣчномъ спасеніи душъ нашихъ: *спаси Богъ*! 2. въ изобиліи уменьшительныхъ именъ, коихъ ни какой лексиконъ изчислить не можетъ, и коихъ въ подобномъ количествѣ ни одинъ языкъ не имѣетъ наприм. Александръ, алексаша, александрушка, алексашинька, александрикъ, алексаха, аліокса, саша, саха, сашинька, сашонокъ, сашурка, сашка, сашичка и проч. 3. во всенародномъ обычаѣ называть другъ друга родственными именами; такъ младшій называетъ старшаго дѣдушкой, равнаго — братцемъ, младшаго — сын-

комъ; такъ подчиненные начальника именуютъ батюшкою, а начальники подчиненныхъ нарицаютъ дѣтушками, ребятами, братцами и пр. Русскій обыкновенно и самаго Бога называетъ Батюшкою; Батюшка послалъ дожжечка... хлѣбушка. 4. въ расположеніи ихъ къ общей совокупной молитвѣ, при которой всѣ земныя распри и несогласія утихаютъ: любопытно видѣть, какъ русскіе ямщики на лейпцигской, или другой какой либо ярманкѣ, какъ въ необъятныхъ толпахъ, — волжскіе бурлаки, какъ русскіе воины на бивакахъ собравшись во едино и обратясь къ востоку, встрѣчаютъ день, начинаютъ обѣдъ и ужинъ, пріуготовляются ко сну, общею торжественною молитвою; 5. въ пословицахъ, которые ясно показываютъ всенародное стремленіе, начинать и оканчивать всякое дѣло по волѣ и благословенію Божію, каковы суть: тишъ да гладь, да Божья благодать; за сиротою Богъ съ калитою; никто таковъ какъ не Богъ; Богу молиться всегда пригодится; 6. изъ многихъ народныхъ выраженій, свойственныхъ токмо генію русскаго языка: напр. богадѣльня, т. е. мѣсто въ которомъ посредствомъ милостыни мы дѣлимся съ Богомъ и для Бога; убогій, т. е. близкій и доступный къ Богу; нива Божія, т. е. кладбище.

§ 156. Дмитрій Сергѣевичъ Аничковъ, — надворный совѣтникъ, профессоръ логики, метафизики и чистой математики, обѣихъ гимназій въ московскомъ университетѣ инспекторъ и членъ вольнаго россійскаго собранія московскаго — обучался сперва въ сергіево-лаврской семинаріи, потомъ во вновь открытомъ тогда московскомъ университетѣ, гдѣ по окончаніи курса наукъ подъ руководствомъ профессоровъ Фроммана, Щадена, Дильтея и Барсова произведенъ магистромъ философіи и свободныхъ наукъ: 1760 г. въ семъ званіи читалъ лекціи о метафизикѣ по Винклеру, о геометріи и тригонометріи по Вейдлеру; ординарнымъ профессоромъ наименованъ

1771 г. апрѣля 9. Изъ сочиненій его извѣстенъ: 1. курсъ чистой математики, который онъ сперва въ 1765 г. перевелъ и издалъ изъ Вейдлеровыхъ сочиненій, а послѣ многократно поправляя, перемѣняя и прибавляя, составилъ изъ онаго свой собственный, который началъ издавать въ Москвѣ съ 1780 по 1787 годъ въ 4 частяхъ, заключающихъ въ себѣ: ариѳметику, геометрію, теоретическую и практическую тригонометрію и алгебру. Къ нимъ особой книгой напечатана еще фортификація и артиллерія. Ариѳметика его по методѣ Волфіевой издана была въ первый разъ еще въ 1764 г., потомъ съ пополненіемъ въ 1775 г. а до нынѣ ее уже вышло 6 изданій; эта книга тогда была почти единственнымъ учебникомъ для преподаванія математики. Онъ сочинилъ и напечаталъ въ Москвѣ 1782 г. на латинскомъ языкѣ въ 3 книжкахъ для философскихъ лекцій своихъ, дополненія къ Бауместеровой логикѣ, метафизикѣ и космологіи, подъ названіемъ: Annotationes in Logicam, Metaphysicam et Cosmologiam. Сверхъ сего есть нѣсколько торжественныхъ словъ и ученыхъ разсужденій, читанныхъ имъ въ собраніяхъ московскаго университета и въ Москвѣ тогда же печатанныхъ, а именно: 1. *Рѣчь на Россійскомъ языкѣ о мудромъ изреченіи греч. философа: разсматривай всякое дѣло съ разсужденіемъ*, ноября 26 1762 года; 2. *Слово о томъ, что міръ есть яснымъ доказательствомъ премудрости Божіей и что въ немъ ничего не бываетъ по случаю*, іюня 30, 1767 г.; 3. *Dissertatio philosophica de ortu et progressu religionis apud*

diversas maximeque rudes gentes, т. е. философское разсужденіе о началѣ и происхожденіи богопочитанія у разныхъ, особенно невѣжественныхъ народовъ; августа 25, 1769 г. на обоихъ языкахъ порознь напечатана. Сочинитель извѣстный своимъ благочестіемъ, изданіе разсужденія, писаннаго имъ для полученія званія орд. проф. поручилъ одному своему товарищу, тогда прибывшему изъ Англіи профессору, который включилъ въ оное много вольнодумныхъ мыслей; по донесенію протоіерея Петра Алексѣева экземпляры сего сочиненія были отобраны и по распоряженію начальства, публично сожжены палачемъ на лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ, а разсужденіе съ исправленіями вновь напечатано; 4. Слово о свойствахъ познанія человѣческаго и средствахъ предохраняющихъ умъ смертнаго отъ разныхъ заблужденій; іюня 30, 1770 г. 5. Слово о разныхъ причинахъ, не малое препятствіе причиняющихъ въ познаніи человѣческомъ, іюля 30, 1774 г. 6. Слово о невещественности души человѣческой и изъ оной происходящемъ ея безсмертіи, апр. 22, 1777 года; 7. Слово о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ различнаго упованія возлагаемаго на чувства, іюн. 30, 1779 г. 8. Слово о разныхъ способахъ тѣснѣйшій союзъ души съ тѣломъ изъясняющихъ, апр. 22, 1783 г. Въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ помѣщены разныя его сочиненія и переводы. Умеръ въ Москвѣ 1788 г. мая 1 дня.

§ 157. Андрей Михайловичь Брянцевъ, статскій

совѣтникъ, ордена св. Владиміра 4 степени кавалеръ, ординарный профессоръ философіи въ московскомъ университетѣ, родился 1719 года, въ вологодской губерніи, обучался сперва въ тамошней семинаріи, потомъ въ московской славено-греко-латинской академіи. Съ 1770 г. вступилъ въ московскій университетъ студентомъ по факультету философскихъ и словенскихъ наукъ. Въ 1779 г. опредѣленъ былъ въ университетскую гимназію учителемъ латинскаго синтаксиса и греческой этимологіи: потомъ преподавалъ начала латинской риторики, греческаго синтаксиса и россійскаго слога, сверхъ того, былъ съ 1784 г. ефоромъ надъ казенными студентами и учениками. Въ 1785 г. произведенъ въ магистры философіи и свободныхъ наукъ; въ 1788 г. экстраординарнымъ, а въ 1795 г. ноября 22, ординарнымъ профессоромъ логики и метафизики, съ 1791 по 1795 г. былъ цензоромъ, а съ 1804 по 1806 г. членомъ училищнаго комитета, и пять разъ деканомъ этикополитическаго отдѣленія. Изъ сочиненій его извѣстны: одно латинское De criterio veritatis, при производствѣ въ магистры 1787 г. имъ читанное, но не изданное въ свѣтъ, и два россійскія торжественныя слова, говоренныя въ публичныхъ университетскихъ собраніяхъ и тогда же напечатанныя: 1. *О связи вещей во вселенной*, 1790 г. іюня 30; 2. *О всеобщихъ и главныхъ законахъ природы*, 1799 г. іюля 30. Изъ переводовъ его съ нѣмецкаго языка изданы: 1. *Шеллера сокращенное латинское языкоученіе, или грамматика новѣйшая и изъ всѣхъ до нынѣ*

изданныхъ грамматикъ во всей Германіи самою лучшею и къ обученію юношества удобнѣйшею признаваемая, съ нѣмецкаго, Москва, 1787 г. въ 8; 2. Начальныя основанія нравственной философіи, сочин. Адама Фергусона, съ нѣмец. Моск. 1804 г. въ 8. Сей ученый мужъ и по самой жизни практическій философъ издалъ еще книжку: *Antiquitatum Graecarum, praecipue Atticarum, descriptio brevis*, Vladimir 1796 г. въ 12. Онъ скончался въ Москвѣ 1821 г. января 26, на 73 году жизни. Переводы его *курсовъ философіи Снелля*, *Матерна, Рейса*, коими руководствовался онъ въ лекціяхъ своихъ, утратились вмѣстѣ съ многочисленною его библіотекой въ пожаръ московскій 1812 г.

§ 158. Михаилъ Никитичь Муравьевъ, тайный совѣтникъ, родился въ Смоленскѣ въ 1757 г. умеръ 1807 г. Онъ написалъ три тома прекрасныхъ прозаическихъ статей въ пользу Великихъ князей Александра Павловича и Михаила Павловича, коимъ преподавалъ нравственность, русскую словесность и исторію Россіи. Сочиненія Муравьева представляютъ изящный примѣръ слога историческаго и дидактическаго. Разсуждая о блаженствѣ, любомудрый говоритъ: если бы мнѣ надобно было представить очевидное изображеніе благополучнаго человѣка, я сказалъ бы, блаженъ обитатель спокойной сѣни, на уединенномъ лугу, близь источника и прозрачной рѣчки, подъ деревомъ, имъ самимъ насажденнымъ, и котораго благотворный листъ защищаетъ его отъ свирѣпости вѣтра! Уединеніе и бѣдность ограждаютъ его отъ нападенія нечестивыхъ. Путь жизни его есть тайная тропинка которую любитъ находить пріятная задумчивость чувствительнаго человѣка. Никогда не сіялъ онъ на сѣдалищѣ чести и власти, и прахъ военной не покрывалъ легкой одежды его; но часто отиралъ онъ слезы праведника, утѣсняемаго жестокосердымъ губителемъ, и возвращалъ добродѣтель и раскаяніе въ сердца грѣшныхъ. День и ночь поучается онъ въ великой книгѣ природы, и душа его возвышается неизмѣримостію твореній Господнихъ. Съ благодарностію вкушаетъ онъ благодѣяніе жизни, и воображаетъ безъ трепета, что долженъ нѣкогда сокрыться отъ лица земли. Онъ имѣетъ сладостное увѣреніе, что душа его не погибнетъ, и надѣется воскреснуть въ странахъ несравненно прекраснѣйшихъ. Сіи величественныя размышленія дѣлаютъ нравъ его, важнымъ, но не угрюмымъ; онъ не отметаетъ отъ себя нѣжнаго человѣчества, и никогда строгій судъ не исходитъ изъ устъ его. Человѣкъ слабый любитъ слушать совѣты его за тѣмъ, что они пользуютъ, не оскорбляя, и бремя угрызеній совѣсти отпадаетъ по его утѣшительному гласу.

§ 159. Іоаннъ Ѳеофилъ, Буле, коллежскій совѣтникъ, профессоръ исторіи и изящнихъ искуствъ въ московскомъ университетѣ, родился въ нижней Саксоніи въ Браунвейгѣ, 1767 г. сентября 29. Отецъ его гофъхирургъ, отдалъ его учиться въ екатерининскую гимназію, а потомъ въ каролинскую коллегію: по оконча-

ніи съ похвалою курса наукъ, 1783 г. юный Буле, вступилъ въ геттингенскій университетъ для продолженія богословскихъ, философскихъ и филологическихъ наукъ, принятъ былъ въ филологическую семинарію, гдѣ знаменитый филологъ Гейне былъ его руководителемъ. Въ 1785 г. онъ получилъ отъ философскаго отдѣленія въ награду золотую медаль въ 25 червонныхъ за сочиненіе свое: Buhle Braunsvicensis Seminarii Philologici Sodalis, Calendarium Palaestinae oeconomicum, commentatio in concertatione civium Academiae Georgiae Augustae, IV iunii, 1785, ab ordine philosophorum praemio Regio ornata, Gottingae in 4. Въ 1786 г. при производствѣ въ докторы философіи, онъ съ успѣхомъ защищалъ тогда же напечатанную диссертацію свою: de distributione librorum Aristotelis in exotericos et acroamaticos, eiusaqve rationibus et causis. Между тѣмъ въ продолженіе этаго времени онъ давалъ частные уроки нѣмецкому князю Карлу Фирстенбергскому и французскимъ принцамъ люксамбургскому и Монтморанси, жившимъ тогда въ Гёттингенѣ для продолженія наукъ, и въ теченіе пяти лѣтъ былъ наставникомъ великобританскихъ принцевъ герцоговъ кумберландскаго, сусекскаго и кембриджскаго. Въ 1797 г. бывши опредѣленъ въ геттитенгенскій университетъ екстраординарнымъ, а потомъ вскорѣ ординарнымъ профессоромъ по философскому факультету, занималъ мѣсто сіе до 1804 г., въ коемъ тогда попечитель московскаго университета М. Н. Муравьевъ вызвалъ его на каѳедру естественнаго *права и изящныхъ искуствъ*;

этотъ приверженецъ Канта преподавалъ также миѳологію, исторію философіи, критику чистаго разума. Въ 1808 г. послѣ Баузе, онъ заступилъ мѣсто директора педагогическаго института. Въ 1811 г. оставивъ московскій университетъ, Буле поступилъ въ штатъ Его Императорскаго Высочества покойнаго принца ольденбургскаго Георга библіотекаремъ, а по кончинѣ его, оставилъ Россію и жилъ въ Брауншвейгѣ, гдѣ и умеръ 11 август. 1821 г. Кромѣ критическихъ изданій Аристотеля, Арата, Горація и другихъ классиковъ, сочиненія Буле слѣдующія: 1) Abhandlung über die Heiterkeit der Seele u. die Mittel sie zu erhalten u. zu befoerden: in den Braunsch. gelehrten Beyträgen 1872; 2) Leben der Anna Boleyn, Gemahlin Konigs Heinrich VIII von England: ebendaselbst im J. 1783. 3) Programma de fabula satyrica Graecorum, ad indicendam orationem aditialem muneris. Prof. extraordinarii Goettingensis. Goettingae, 1787. in 4; 4) Ueber die Gesetzgebung Minos des iungern in Creta: in dem humanistischen Magazine, herausgeg. von prof. Wideburg, zu Helmstadt. St. 11; 5) Bemerkungen über den historischen Gebrauch der Quellen zur Geschichte der Cultur der ältesten celtischen u. sandinavischen Voelker. Göttingèn 1787, in 8; 6) Ueber die Fortdauer u. den Zustand der Seele nach dem Tode; in Moritz's magazine für die Erfahrungs — Seelenkunde 1788; 7) De Simplicio, philosopho peripatetico saeculi VI. post chr. nat. eiusque ingenio et scriptis commentatio societati Regiae scientiarum Goettingensi oblata; 8) Grundzüge einer allgemeinen En-

cyclopaedie der Wissenschaften. Lemgo, 1790, in 8; 9) Geschichte des philosophirenden menschlichen Verstandes. Lemgo. 1791, in 8; 10) Einleitung in die allgemeine Logik u. die Kritik der reinen Vernunft, Götting. 1891 in 8; 11) Lehrbuch des Naturrechts. Götting. 1794. in 8; 12) Lehrbuch der Geschichte der Philosophie u. einer kritischen Litteratur derselben. Getting. 1796 VIII. Th. in 8. 13) Ankudigung u. Empfehlung oeffentlicher logisch-practischer Uebungen u. philosophischer Disputationen Götting. 1797 in 8; 14) Ueber die Aechtheit der Metaphisik des Aristoteles: in der Bibliothek der alten Litteratur u. Kunst. st. 11; 15) Entwurf der Transscendental philosophie. Götting. 1798, in 8; 16) Sextus Empiricus. oder der Scepticismus der Griechen. Lemgo, 1799. in 8; 17) Geschichte der neueren Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften. Götting 1800 VI. th. in 8; 18) Ueber den Ursprung u. die vornehmsten Schicksale der orden der Rosenkreuzer u. Freymauer. Eine historich kritische Untersuchung, Goetting. 1804 in 8. Въ комментаріяхъ гёттингенскихъ помѣщены слѣдующія разсужденія Буле: 19) de pantheismo veterum philosophorum ante Spinozam (Comm. Gott. t. XI); 20) de fontibus, unde Albertus magnus in libris de animalibus materiam hauserit (ibid t. XII;) 21) de conaminibus philosophorum Graecorum ante Aristotelem in arte logica invenienda et perficienda (ibid t. XIII); 22) de libris Aristotelis vulgo in deperditis habitis (ibid t. XV). Сверхъ того помѣщены его рецензіи на многія книги въ göttingischen gelehrten

Anzeigen, въ ienaische allgemeine litteratur zeitung. въ Annales litterarii Helmstädienses и проч. Въ Москвѣ изданы имъ слѣдующія сочиненія показывающія обширность и разнообразіе его познаній и великую дѣятельность 1) Prospectus d'un cours des leçons sur l'Archeologie, 1805; 2) Memoria H. M. G. Grellmanni 1805, in. 4; 3) Programma indicens solemnia anniversaria semisaecularia Univ. Lit. Caes. Mosquensis; 4) Programma ad catalogum lectionum Univ. Mosq. de diis penatibus quos Aeneas in Latium intulisse ferebatur 1806, in 4; 5) Programma de antiquissima pictura Russica, (о Капшоніевыхъ картинахъ) 1807, съ русскимъ переводомъ, въ 4; 6) Oratio de optima ratione, qua historia populorum qui ante seculum IX terras nunc Imperio Russico subiectas praesertim meridionales in habitasse aut pertransisse feruntur, condi posse videatur, 1806 in 4, съ русскимъ переводомъ Н. Кошанскаго подъ заглавіемъ. „Рѣчь о лучшемъ способѣ какъ писать можно „исторію тѣхъ народовъ, кои по общему мнѣнію, прежде IX вѣка населяли, или переходили россійскія, особенно южныя земли.“ 7) Programma de antiquissimis delineationibus Geographicis adhuc notis terrarum Russicarum 1809 in 4; 8) Prolusio ad lect. Univer. Mosq. de auctoribus suppellectilis litterariae, historiam Russicam proxime spectantibus, an. 1811. in 4. Но сочиненіе сіе тогда напечатанное не вышло въ свѣтъ; 10) Litteratur der allgemeinen nordischen Geschichte, zur Anleitung in den Studien der russischen Geschichte: оно собственно составляетъ только 1 часть огромнаго сочиненія: Wahrheit

einer kritischen Litteratur der russisschen Geschichte. Mosqua, 1809, in 8. Сверхъ того сей профессоръ издалъ въ Москвѣ: 1) московскія ученыя вѣдомости, 1805, 1806 и 1807 годовъ, въ 4. 2) *журналъ изящныхъ искусствъ* на 1807 г. въ 4 кн. 1, 2, 3, въ коихъ помѣщены многія его статьи, переведенныя на русской Сохацкимъ, Цвѣтаевымъ, Тимковскимъ, Н. Кошанскимъ и, подъ ихъ руководствомъ, студентами. Предъ самою смертію на родинѣ своей онъ издалъ достопримѣчательное сочиненіе: Ueber den Ursprung u. Leben des Menschengeschlechts u das künftige Loos nach dem Tode. Brauschw. 1821. 8. Кромѣ публичныхъ лекцій въ московскомъ университетѣ, Буле давалъ у себя на дому частные уроки любителямъ, которые цѣнили глубокомысленныя и краснорѣчивыя наставленія сего эклектическаго философа и филолога, распространявшаго между ими любовь къ классической словесности, археологіи и философіи. Карамзинъ, писавшій тогда исторію россійскаго государства, пользовался его совѣтами. Многія ученыя общества приняли Буле въ свои сочлены. По представленію принца ольденбургскаго Георга въ 1812 г. онъ произведенъ былъ въ коллежскіе совѣтники.

§ 160. Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ кіевскій и галицкій родился 1767 декабря 18 дня въ Воронежѣ, умеръ 1837 г. февраля 23, философскимъ наукамъ онъ обучался сперва въ воронежской семинаріи, въ бывшей московской славяно-греко-латинской академіи и въ московскомъ университетѣ у профессора Шадена. Въ послѣдствіи времени самъ былъ профессоромъ и учителемъ философіи въ воронежской семинаріи и потомъ въ александровской академіи. 1827 года декабря 12, онъ признанъ почетнымъ докторомъ философіи въ деритскомъ университетѣ. Послѣ сего святителя остались слѣдующія неизданныя философскія рукописи: Дополненіе къ философскимъ лекціямъ, для студентовъ философіи, на латинскомъ языкѣ сочиненные въ 1800 г. О сокровенныхъ въ природѣ вещахъ 1788 г. О свойствахъ и дѣйствіяхъ воздуха 1790 г. О трудности естественнаго богопознанія 1791 г. О причинахъ несогласій въ христіанской вѣрѣ, 1792 г. О предразсудкахъ 1800 г. De ideis innatis perperam admissis 1800 г. О совершенствѣ и добротѣ міра 1801 г. De existentia spirituum ex ratione facile demonstranda 1801 г. Фенелоново краткое описаніе жизней древнихъ философовъ съ ихъ системами и нравоученіями, переведенное вмѣстѣ съ однимъ соученикомъ и напечатанное въ Москвѣ 1788 г. 8. Волтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомъ Нонотомъ. 2. ч. М. 1793 г. 8. Опытъ о человѣкѣ Попе, съ присовокупленіемъ отъ переводчика историческаго, философическаго предисловія и примѣчаній къ сей поэмѣ, М. 1806 г. 8.

§ 161. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій, родился въ Коломнѣ 1782 г. По окончаніи курса наукъ въ святотроицкой сергіевой семинаріи, былъ тамъ учителемъ, греческаго и еврейскаго языковъ, поэзіи, ре-

торики и проповѣдникомъ, а потомъ переведенъ баккалавромъ церковной исторіи въ санктпетербургскую духовную академію, въ коей постепенно произведенъ архимандритомъ, профессоромъ богослофскихъ наукъ, ректоромъ, докторомъ богословія. 1817 г. іюля 23 опредѣленъ викарнымъ епископомъ санктпетербугской епархіи; 1819 г. марта 15 произведенъ архіепископомъ тверскимъ и членомъ святѣйшаго Сvнода; 1820 сентября 26 переведенъ въ Ярославль; 1821 г. іюля 3 перемѣщенъ въ Москву; 1826 г. августа 22 произведенъ митрополитомъ московскимъ. Онъ сочинилъ разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ, о православіи греко-россійской церкви; Начертаніе церковно-библейской исторіи; Записки на книгу бытія; Поучительныя слова; Пространный катихизисъ и Начатки христіанскаго ученія. Изъ философскихъ статей сего святителя достойна особеннаго замѣчанія слѣдующая:

Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ французами 1812 года.

Вѣрнѣйшіе успѣхи брани предуготовляются прежде брани; мечъ пожинаетъ большею частію тѣ лавры, которые посѣяны миромъ. Казалось, ни кто лучше врага не зналъ сей опытной истины. Предъ настоящею войною мы имѣли пять лѣтъ искренняго мира съ нимъ, а онъ столько же, если не болѣе, времени приготовленія къ войнѣ съ нами.

Покрываясь личиною нашего союзника, не простиралъ ли онъ тайную руку на расторженіе другихъ нашихъ союзниковъ? Не онъ ли наипаче раздувалъ попеременно на той, или другой границѣ обширной имперіи пламя войны, которая хотя не изнуряла ея, но развлекала; хотя пріобрѣла ей новую славу и новыя области, но не дала насладиться отрадою и плодами желаннаго мира? Когда желаніе всеобщаго мира убѣдило насъ оказать холодность непреклонной морской державѣ, не питалъ ли онъ тогда сокровеннаго желанія отяготить дѣйствіе сей мѣры надъ нами самими? Не старался ли онъ устроять себѣ въ собственныхъ нашихъ предѣлахъ невидимое передовое ополченіе, посылая слѣдами сиротствующихъ сыновъ царства французскаго, которые бѣгутъ къ намъ отъ пожравшей ихъ отечество заразы, — толпы извергов мятежа, которые несутъ свою язву съ собою; и сынами сѣвера, столь же чуждыми низости подозрѣнія, какъ и слабости ухищренія, пріемлются иногда въ ихъ безопасныя жилища, какъ змѣи въ нѣдро? Я не буду отвѣтствовать на сіи вопросы: ибо не желаю проникать въ дѣла тьмы, которыхъ прозорливое правительство не желало, можетъ быть, обважать по великодушію, или совсѣмъ не хотѣло примѣчать изъ презрѣнія.

Но когда среди мира, долженствовавшаго сохранить Европѣ остатокъ ея свободы, Франція рвзрушала престолы, поглощала города, подавляла слабыхъ союзниковъ; когда войска, толико нужныя на югѣ, не оставляли сѣвера, но еще часъ отъ часу въ большемъ числѣ, подобно тучамъ, неслись туда же изъ порабощенныхъ царствъ: для кого могли быть загадкою намѣренія властолюбивой державы? Чѣмъ огромнѣе были ея приготовленія, тѣмъ яснѣе показывали, противъ кого напрягаетъ она свои силы.

Что же мы дѣлали въ сіе время? О! что мы тогда дѣлали, то, можетъ быть, не только врагамъ, но и доброжелателямъ нашимъ казалось недальновиднымъ или недостойнымъ сыновъ силы; но послѣдствія даютъ намъ право говорить, что то было премудро и велико. Мы свято сохранили миръ, терпѣливо напоминали о его законахъ вѣроломному союзнику, и наконецъ весьма тихо приблизились къ своимъ границамъ токмо для того, что бы съ миромъ итти во срѣтеніе самой брани.

Если превосходное число войска, бодрость воиновъ, ободренныхъ симъ превосходствомъ, благовременныя и обильныя къ войнѣ приготовленія, свобода избрать образъ, время и мѣсто военныхъ дѣйствій, суть начатки военныхъ успѣховъ: то, взирая съ одной стороны на цѣлую почти Европу, прельщеніемъ и угрозами вовлеченную въ предпріятія одного властолюбца, съ другой на Россію, оставленную союзниками, похищенными великимъ вихремъ, или устрашенными, — занятую войною со многочисленнымъ народомъ, и, подъ маніями кроткаго монарха, въ тишинѣ ожидающую приближенія новой и опаснѣйшей бури, — не могъ ли бы кто сказать, что Наполеонъ, еще неначиная войны, уже побѣждаетъ? Такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ самъ; и должно признаться, что его предсказанія о завоеваніи Россіи, толико нынѣ смѣшныя, могли казаться тогда нестолько неимовѣрными, какъ то, если бы кто сталъ предсказывать конечное истребленіе безчисленныхъ союзныхъ полчищъ. Но не порфирородный Царь, возжелавшій быть еще не помазаннымъ Пророкомъ, не провидѣлъ того, что кромѣ физическихъ и политическихъ, государства одушевляются и дѣйствуютъ высшими нравственными силами; что насиліе возбуждаетъ противъ себя тѣ самыя силы, которыя ему покоряются, что ухищренія могутъ быть перехищрены или разрушены нечаянностію; что правота всегда могу-

щественнѣе коварства и злобы своею твердостію и провидѣніемъ. Высокоумный повелитель надменнаго мнимою образованностію народа не зналъ, и, къ продолженію бѣдъ Европы, не изучилъ сего простаго языка нравственности.

Не обыкновеннымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій врагъ довершилъ чертежъ вѣроломства, и по видимому, пріобрѣлъ новый залогъ чаемыхъ успѣховъ. Онъ началъ брань не такъ, какъ государь, который, не могши убѣжденіемъ расположить другаго монарха или народъ къ справедливымъ, но его мнѣнію, пользамъ своей державы, торжественно возвѣщаетъ ему и другимъ, что употребитъ данную ему провидѣніемъ силу для достиженія своей цѣли: онъ началъ брань, или какъ нѣкій богъ браней, который никому необязанъ открывать своихъ предопредѣленій, или какъ нѣкій крамольникъ, внезапнымъ возстаніемъ поспѣшающій предупредить казнь, которой чувствуетъ себя достойнымъ. Симъ наглымъ попраніемъ народныхъ правъ онъ открылъ себѣ путь не наказанно попирать нашу землю, между тѣмъ какъ мы принуждены были въ одно время и отражать его нападенія, и только еще приводить къ единству движенія распространеннаго по пространнымъ областямъ войска, коего число и въ соединеніи не могло быть страшно для сліянныхъ силъ шестнадцати народовъ.

Дано кровопролитнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ въ наши времена сраженіе, въ которомъ чѣмъ болѣе побѣда колебалась между превосходствомъ силъ и совершенствомъ искуства, между дерзостію и неустрашимостію, между отчаяніемъ и мужествомъ между алчбою грабежа и любовію къ отечеству, тѣмъ торжественнѣе увѣнчана правая сторона. Но какой опять мракъ послѣ столь свѣтлой для насъ зари! Многочисленная

потеря закрыта неисчислимыми остатками; побѣдители утомлены побѣдою, и дерзость врага столицъ въ свою чреду могла величаться, если не покореніемъ столицы, то по крайней мѣрѣ вступленіемъ въ ея священныя стѣны, обнаженіемъ ея славнаго имени въ поруганіе.

Если взаимно сообразить нетерпѣливое стремленіе Наполеона въ Москву и его упорное въ ней медленіе вопреки самымъ страстямъ его: то могутъ открыться мысли, которые имѣлъ онъ вошедъ въ сію столицу: теперь, думалъ онъ, я наступилъ на сердце Россіи. Кто принудитъ меня обратить вспять ногу? Бывъ отнюдь не такъ силенъ, какъ нынѣ, я вступилъ въ Вѣну и раздавилъ Германію. Москва по крайней мѣрѣ должна вмѣстѣ съ собою смирить предо мною всю Россію. Вообразимъ же что въ сію самую минуту, когда гордость и удача вдыхали утѣснителю Европы толь высокомѣрную надежду, явилась бы истина, и произнесла бы надъ нимъ судъ: ты ненаступилъ на сердце Россіи, но, преткнувшись оперся на грудь ея, и вскорѣ будешь отраженъ и низверженъ. Россія небудетъ унижена, но вознесется въ славѣ, доселѣ невидѣнной. Война, расположенная по чертежу коварства и злобы, достигла своего предѣла: начинается брань Господня. Ты расхитилъ преданную въ руки твои судьбою столицу, но и будешь стрегомъ въ ней, какъ уловленный хищникъ въ темницѣ, а сіе возбудитъ враговъ твоей великой темницы къ покушенію сокрушить свои оковы. «Поражаемый отвсюду, ты прибѣгнешь къ обыкновенному твоему орудію лживаго языка; но принужденъ будешь дать твоей имперіи повелѣніе, что бы она тебѣ вѣрила, то есть, признаться предъ цѣлымъ свѣтомъ, что твоя имперія тебѣ не вѣритъ. Ты побѣжишь какъ тать изъ той земли, въ которую вторгся какъ розбойникъ; и въ толь же краткое время, какъ ты пришелъ сюда, тебя

увидятъ въ заточеніи собственнаго твоего дома, — твои татьбины — въ рукахъ законныхъ владѣтелей, твою великую армію — въ плѣну, въ снѣгахъ и холмахъ могильныхъ. Кто могъ бы тогда отличить сіи вѣрныя прорицанія отъ суетныхъ прещеній? Кто узналъ бы голосъ истины!

Наконецъ истина оправдана отъ сыновъ своихъ, и судьба Россіи отъ глубокаго мрака изведена, какъ полдень, путями провидѣнія. Да возвѣстится истина! Да благословится провидѣніе.

Участь государствъ опредѣляется вѣчнымъ закономъ истины, который положенъ въ основаніе ихъ бытія, и который, по мѣрѣ ихъ утвержденія на немъ, или уклоненія отъ него, изрекаетъ на нихъ судъ, приводимый потомъ въ исполненіе подъ всеобъемлющимъ судоблюстительствомъ провидѣнія.

Что есть государство? нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властію сопряженный съ единствомъ всецѣлаго. И такъ, чѣмъ постояннѣе оно удерживаетъ себя въ союзѣ Верховнаго правителя міра соблюденіемъ его закона, благочестіемъ и добродѣтелію, тѣмъ точнѣе входитъ во всеобщій порядокъ Его правленія, тѣмъ несомнѣннѣе покровительствуется Имъ, тѣмъ обильнѣе пріемлетъ отъ него силы къ своему сохраненію и совершенствованію. Оставивъ Бога, оно можетъ быть на нѣкоторое время оставлено самому себѣ, по закону долготерпѣнія, или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе наказанія для другихъ, или до исполненія мѣры его беззаконій; но вскорѣ поражается правосудіемъ, какъ возмутительная область Божіей державы.

Что есть государство? Великое семейство человѣковъ, которое, по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могши быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ государя. И такъ чѣмъ искреннѣе подданные предаются отеческому о нихъ попеченію государя, и съ сыновнею довѣренностію и послушаніемъ исполняютъ его волю; чѣмъ естественнѣе государь и поставляемые имъ подъ собою правители народа; по образу его, представляютъ собою отцевъ великаго, и, въ великомъ, меньшихъ, семействъ, украшая власть благотвореніемъ, растворяя правду милосердіемъ, простирая призрѣнія мудрости и благости отъ чертоговъ до хижинъ и темницъ: тѣмъ соединяющія правленіе съ подчиненіемъ узы — неразрывнѣе, ревность ко благу общему — живѣе, дѣятельность — неутомимѣе, единодушіе — неразлучнѣе, крѣпость — необоримѣе. Но когда члены общества связуются токмо страхомъ, и одушевляются токмо корыстію собственною; когда глава народа, презирая его, употребляетъ орудіемъ своего честолюбія и злобы: тогда есть покорные невольники, доколѣ есть крѣпкіе оковы; есть служители кровопролитія, доколѣ есть надежда добычи; а при наступленіи общей опасности всѣ связи общества ослабѣваютъ, народъ безъ бодрости, престолъ безъ подпоры, отечество сиротствуетъ.

Что есть государство? Союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей свободы, для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть не что иное, какъ примѣненныя къ особеннымъ случаямъ истолкованія сего закона, и ограды, поставленныя противъ его нарушенія.

И такъ, гдѣ священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ въ сердцахъ воспитаніемъ, вѣрою, здравымъ, неискаженнымъ ученіемъ и уважаемыми примѣрами предковъ: тамъ сохраняютъ вѣрность къ отечеству и тогда, когда никто не стережетъ ея; жертвуютъ ему собственностію и собою безъ побужденій воздаянія или славы; тамъ умираютъ за законы тогда, какъ неопасаются умереть отъ законовъ, и когда могли бы сохранить жизнь — ихъ нарушеніемъ. Если же законъ, живущій въ сердцахъ, изгоняется ложнымъ просвѣщеніемъ и необузданною чувствительностію: нѣтъ жизни въ законахъ писанныхъ; повелѣнія не имѣютъ уваженія, исполненіе довѣрія; своеволіе идетъ рядомъ съ угнѣтеніемъ, и оба приближаютъ общество къ паденію.

Приложимъ сіи всеобщія истины къ настоящему положенію отечества: онѣ покажутъ составъ и мѣру его величія.

Вѣруетъ россійское царство, что владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ; и, неотступно держась вѣрою и упованіемъ Всемогущаго сего Владыки, отъ него пріяло мощь, дабы не колеблясь, удержать на раменахъ своихъ всю тяжесть своего бѣдствія, когда всѣми земными силами было — или боримо, или оставляемо. Когда правота и великодушіе упражнены были въ мѣрахъ безопасности вѣроломствомъ и нарушеніемъ народныхъ правъ, благочестивѣйшій монархъ непоколебался, но поручилъ свое дѣло Богу, и неусумнился въ народѣ своемъ. Вѣрный народъ непоколебался, но ввѣрилъ судьбу свою Богу и монарху. Продолженіе и возрастаніе общей опасности нигдѣ не могло быть примѣчено, развѣ при олтарахъ, гдѣ моленія становились продолжительнѣе, возрастало число притекающихъ, отверзающіяся Господу сердца, уже не гаясь собратій, изливались въ слезахъ умиленія, и гдѣ отхо-

дящіе на брань принимали послѣднее напутствіе. Когда противу чрезмѣрнаго числа вражескихъ полчищъ правительство принуждено было поставить не искушенныхъ въ брани гражданъ: вѣра запечатлѣла ихъ собственнымъ своимъ знаменіемъ, утвердила своимъ благословеніемъ, и сіи неопытные ратники подкрѣпили, обрадовали, удивили старыхъ воиновъ. А когда неистовыя скопища нечестивцевъ не оставили въ мирѣ и безоружную вѣру; когда, наипаче въ богатой древнимъ благочестіемъ столицѣ, исполняли свои руки святотатствами, оскверняли храмы живаго Бога и ругались его святынѣ: усердіе къ вѣрѣ превращалось въ пламенную, неутомимую рѣвность наказать хулителей, и даже въ ободряющую надежду, что врагъ Божій не долго будетъ счастливымъ врагомъ нашимъ. Наконецъ съ того времени, какъ, по исполненіи дней тяжкаго искушенія, Господь силъ увѣнчалъ насъ оружіемъ своего благоволенія на необозримомъ поприщѣ колико знаменитыхъ, толико же трудныхъ подвиговъ, не тѣмъ ли наипаче высокимъ чувствованіемъ одушевляется и украшается побѣдоносное воинство, что идетъ подъ невидимымъ предводительствомъ Бога отмщенія?

Крѣпкій союзъ любви между подданными и Государемъ, котораго пріобыкли они видѣть нѣжнымъ отцемъ своимъ и мудрымъ, неусыпнымъ промыслителемъ, есть другой источникъ силы, сохранившій невредимою цѣлость государства противъ напряженнѣйшихъ усилій къ его потрясенію и сообщившій благоустройство и живость его дѣйствіямъ во дни нестроенія. Тогда, какъ уже врагъ нѣкоторыя области его занималъ, а многимъ угрожалъ, оно принуждено было только еще собирать новыя силы и пособія военныя. Какія-жъ необыкновенныя мѣры потребны были для того, что бы сіе исполнено было и съ невозмущенною точностію, и съ неутомимою поспѣшностію, и съ удовлетвореніемъ необъятныхъ нуждъ, и безъ опаснаго стѣсненія народа? Одно слово Государя. Будучи увѣренъ въ чувствованіяхъ своего народа, онъ пригласилъ его ко всеобщему возстанію противу врага, и точно всѣ возстали. Каждый помѣстный владѣлецъ учреждалъ посильное войско для слiянія въ общую силу; множество свободныхъ рукъ оставляли вѣсы, перо и другія мирныя орудія, и простирались къ мечу; свободныя пожертвованія на потребности брани приносимы были не токмо свободными щедро, но и тѣми свободно, которые сами могли быть представлены другими въ пожертвованіе. Тѣ, которыхъ семейства были въ опасности, обращались отъ нихъ къ общей опасности; семейства менѣе, нежели обыкновенно, плакали, провождая новыхъ ратниковъ: забывали родство, помышляя объ отечествѣ. Приверженность народа къ своему правительству не ослабѣвала и тамъ, гдѣ затруднялись или прерывались сношенія съ правительствомъ. Можно сказать, что въ Москвѣ, въ самое время несчастнаго ея превращенія изъ столицы россійской въ ужасный станъ французскій, подданные Александра были вѣрнѣе своему государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю: ибо извѣстно, что своевольство французскаго войска, еще болѣе пагубное для него самаго, ежели для опустошенной имъ столицы, не могло быть укрощено ни присутствіемъ, ни повелѣніями, ни правосудіемъ, ни самою жестокостію Наполеона; между тѣмъ какъ граждане московскіе, сохраняя послушаніе къ единому государю, по многократнымъ и ласковымъ и грознымъ требованіямъ, не хотѣли даже предстать иноплеменному властителю, рѣшась страдать и умирать, но убѣгать съ нимъ сообщенія, и оставляя его съ одними тѣлохранителями носиться по безлюднымъ путямъ округъ Кремля, какъ толпы привидѣній около надгробныхъ памятниковъ.

Простыя, но чистыя и твердыя правила нравственности, преданныя отъ предковъ и неослабленныя иноплеменными нововведеніями, поддерживали сію вѣрность къ своимъ обязанностямъ среди опаснѣйшихъ соблазновъ и величайшихъ трудностей. Когда гласъ законовъ уже почти не слышанъ былъ среди шума браннаго, законъ внутренній говорилъ сердцу Россіянина столь же сильно и повелительно: не смущайся сомнѣніемъ и неизвѣстностію; въ клятвѣ, которую ты далъ въ вѣрности Царю и отечеству, ты найдешъ ключь къ мудрости, разрѣшающей всѣ недоумѣнія. Находясь цѣлую жизнь подъ защитою законовъ и правительства, воспользуйся случаемъ быть хотя единожды защитою законовъ и правительства. Нестрашись опасности, подвизаясь за правду: лучше умереть за нее. Искупи кровію для потомковъ тѣ блага, которыя кровію купили для тебя предки. Уклонясь отъ смерти за честь вѣры, за свободу отечества, ты умрешь преступникомъ или рабомъ: умри за вѣру и отечество, ты пріимешъ жизнь и вѣнецъ на небѣ. Вотъ правила, которыя россійскій народъ, не столько умѣетъ изъяснять, сколько чувствовать, уважать, исполнять! Вотъ чудное искуство быть непобѣдимымъ, собирающее войска безъ военачальниковъ, претворяющее цѣлыя селенія въ ополченія, ополчающее на брань слабыя руки женъ, побѣждающее побѣдителей! Вотъ истинно свободная наука и образованнаго по новѣйшимъ умозрѣніямъ народа, которою онъ обличилъ западныхъ просвѣтителей въ буйномъ и рабскомъ невѣжествѣ, и которою теперь съ толикимъ успѣхомъ освобождаетъ отъ рабства пріемлющихъ его въ ней наставленія!

Но благочестивые, вѣрные и добродѣтельные сыны Россіи не почтутъ похищеніемъ славы своея и то, если она вознесется до престола Царя славы. Да будетъ наша слава въ томъ,

что наша вѣра и правда привлекли на насъ око его благости: да воспишется ему то, что онъ сотворилъ намъ! Свѣтъ видѣлъ, что мудрость, неусыпность и мужество управляли нашимъ дѣломъ; но какъ часто надъ нами видѣнъ былъ собственный перстъ Божій? Не Богъ ли, въ рукѣ котораго сердце Царево, внушилъ Царю въ самомъ началѣ брани сіе рѣшительное, даже порицательное чувствованіе — не полагать оружія, доколѣ ни единаго врага не останется въ предѣлахъ Россіи, — чувствованіе, которое всему народу вдохнуло столь же непоколебимую рѣшимость! Не Богъ ли, непостижимый въ путяхъ своего промысла, даровалъ Александру сіе чудное провидѣніе, что въ началѣ исшелъ вождь, который понесъ на главѣ своей неизбѣжныя непріятности, можно сказать, новой для россійскихъ воиновъ войны оборонительной и отступательной, и тяжесть народнаго мнѣнія; потомъ, какъ надлежало измѣнить лице брани, явился другой, уготованный на спасеніе, прославленный многолѣтними подвигами испрашиваемый желаніями народа — явился мужъ, который на безпокойнаго и недремлющаго врага навелъ долгую дремоту, доколѣ не обновилъ крѣпости утружденнаго нашего воинства, и доколѣ, во исполненіе числа сего воинства, не ополчилась съ нами вся природа? Не Господь ли силъ, въ одномъ и томъ же пути, одну рать истреблялъ болѣзнями, хладомъ и гладомъ, а другой соблюлъ крѣпость, вложилъ огнь и далъ крила? Благословенъ Богъ воинствъ.

§ 162. Школа Шеллинга на русской землѣ имѣла ревностнаго послѣдователя въ профессорѣ санктпетербургской медико-хирургической академіи Данилѣ Велланскомъ. Первое сочиненіе выданное медикомъ философомъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Пролюзія къ медицинѣ*,

какъ основательной наукѣ отъ Данилы Велланскаго, С. П. Б. 1805 8. 79 страницъ. Въ предувѣдомленіи авторъ говоритъ: „уже довольно протекло времени, какъ Шеллингово огненное перо начало жечь бренныя селенія дряхлой учености. И въ отечествѣ моемъ не видно еще ни одной искры отъ полезнаго сего пожара. Прибѣгающіе сюда иноплеменники, съ обгорѣлыми остатками своихъ пожитковъ, стараются, какъ можно утвердить здѣсь свою безопасность. Они разсѣваютъ нелѣпые слухи о новой, счастливой реформѣ ученаго свѣта; и приняты для просвѣщенія, проповѣдуютъ блаженное незнаніе и пр.“ Какъ въ Германіи послѣ Шеллинга процвѣталъ Гегель: такъ въ Россіи послѣ Велланскаго явился Галичь; о изданныхъ въ свѣтъ сочиненіяхъ Галича, мы будемъ говорить въ особомъ мѣстѣ; а здѣсь изъ устныхъ его уроковъ представляемъ слѣдующій отрывокъ:

§ 217. Послѣ художествъ Виртуоза являются другія, составляющія переходъ отъ эстетическихъ къ полезнымъ. Они не изображаютъ чего либо изъ чистаго удовольствія, находимаго въ красотѣ, а держатся полезнаго и эмпирически даннаго, почему и не суть чисто изящныя, а только украшающія искуства. Ихъ четыре рода: *малярство, мозаика, вышиванie и садовое искуство.*

§ 208. Искуство моляра есть замѣна дѣйствительной архитектуры обольщеніемъ картины. Область онаго есть область всей архитектуры, поколику она извнѣ изображаетъ часть эстетической формы. Почему идея сего искуства содержитъ сперва колонну—красу зодчества, потомъ простѣнки или поля, — далѣе *рельефъ*, и наконецъ статую.

§ 209. Понятіе *мозаики* равномѣрно есть живописное, но способъ изображенія въ ней уничтожается чистою идеею живописи, за тѣмъ, что сущность ея есть наборъ многихъ телесно-отдѣльныхъ разноцвѣтныхъ массъ въ цѣлость картины.

§ 210. Изображеніе мозаическое особенно въ составленіи минеральныхъ отрывковъ указываетъ мозаикѣ такую область, которая по своему понятію примыкается къ минеральной природѣ и такія формы, кои неимѣютъ высочайшаго органическаго совершенства. Почему мозаика въ архитектурѣ украшаетъ полъ и потолокъ и живетъ въ вычурахъ и углахъ.

§ 211. Третье изъ искуствъ украшающихъ, и при томъ самое чистѣйшее есть *вышиванье*. Оно есть живопись въ ткани, и либо украшая ткань, сочетавается съ нею, какъ вставка или оторочка (собственное вышиванье), либо же самая ткань бываетъ такая искусная, что ткань переплетая нити вмѣстѣ живописуетъ, Gobelins.

§ 212. Для живописной ткани сего рода открыта вся область живописи. Для вышиванія же изображеніе ограничено идеею вземныхъ линей. Къ чему стебли растѣній сами собою доставляютъ матеріалы, открывая тутъ на цвѣтахъ и листьахъ украшенія вземныхъ линей. Но вземная линія можетъ посредствомъ искуства и возвыситься въ *арабескъ*, гдѣ *гротескъ* бываетъ великолѣпнѣйшимъ его убранствомъ.

§ 213. Четвертое изъ украшающихъ искуствъ есть *садовое*. Его матеріалъ есть усаженное злаками пространство,

коего, отдѣлка бываетъ двоякая; а) прекрасное цѣлое, состоящее изо всѣхъ степеней и родовъ растѣній (голландскій или французскій садъ) и Ѣ) цѣлость страны со всѣми разностями видовъ и мѣстоположеній (китайскій или англійскій паркъ); тотъ и другой садъ никогда не въ состояніи изобразить піитическую идею, а можетъ указывать только на какой либо характеръ онаго.

Прим. 1. Даніилъ Михаиловичь Велланскій род. въ 1773 г., изъ студентовъ кіевской академіи поступилъ въ санктпетербургское медико-хирургическое училище 1797 г., утвержденъ кандидатомъ медицины и хирургіи 1801 г., лекаремъ 1802 г., и тогда же отправленъ для дальнѣйшаго образованія въ чужіе краи, опредѣленъ въ санктпетербургскую медико-хирургическую академію адъюнктомъ физіологіи, патологіи и гигіены 1805 г, удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи 1806 г., признанъ въ этомъ званіи 1808 г., произведенъ о. профессоромъ анатоміи и физіологіи 1809 г., пожалованъ въ статскіе совѣтники 1833 г., утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора 1834 г., по случаю потери зрѣнія уволенъ отъ должности съ пансіономъ по 5500 р. 1838 г., Достопримѣчательно его сочиненіе, написанное имъ въ 1815 г. подъ заглавіемъ: обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго естественнаго познанія. 2. Александръ Ивановичь Галичь род. въ 1793 г. изъ духовнаго званія, кончилъ курсъ ученія въ санктпетербургскомъ педагогическомъ институтѣ 1808 г., и по Высочайшему повелѣнію для усовершенствованія въ философіи отправленъ въ чужіе краи, произведенъ по экзамену докторомъ и адъюнкт-профессоромъ философіи въ 1818 г., возведенъ въ экстраординарные профессоры теоретической и практической философіи санктпетербургскаго университета 1815 г., по предписанію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія уволенъ отъ профессорской должности 1824 г. апрѣля 12, пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ 1825 г. декабря 30.

§ 163. Гавріилъ Ильичь Солнцевъ родился 1785 г.

Орловской губерніи, дмитровскаго уѣзда въ селѣ Радогощахъ, гдѣ отецъ его, дмитровскій соборный священникъ Илья Гавриловъ при князьяхъ Голицыныхъ проходилъ временную должность капельмейстера вокальной и инструментальной музыки. Получивъ первоначальное образованіе въ княжескомъ домѣ подъ надзоромъ родителя, а потомъ въ дмитровскомъ бывшемъ нормальномъ училищѣ и окончивъ курсъ наукъ преподаваемыхъ въ сѣвской семинаріи, юный Гавріилъ былъ опредѣленъ къ дѣламъ орловскаго гражданскаго губернатора и въ губернское правленіе, оттуда въ 1811 г. перемѣщенъ въ канцелярію правительствующаго сената, и въ свободное отъ дѣлъ время слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, а при нашествіи Французовъ въ Москву съ сенатскими дѣлами для храненія ихъ отправленъ въ Казань. По увольненіи изъ сенатской канцеляріи онъ избранъ въ дѣйствительные члены общества любителей отечественной словесности при казанскомъ университетѣ; 1814 г. возведенъ на степень доктора обоихъ правъ, 1815 г. утвержденъ экстраординарнымъ, 1817 г. ординарнымъ профессоромъ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новѣйшихъ народовъ, 1819 г. ректоромъ университета. 1824 г. опредѣленъ казанскимъ губернскимъ прокуроромъ; 1829 г. награжденъ чиномъ статскаго совѣтника. Познаніе языковъ латинскаго, греческаго, нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, польскаго, испанскаго, татарскаго, на которыхъ онъ свободно объясняется, открыло ему свободный путь къ тайнамъ наукъ и политики. Мы прочитали съ рукопи-

сяхъ слѣдующія его сочиненія: 1) историческо-юридическій трактатъ a) о правовѣденіи и законахъ вообще относительно начальнаго оныхъ происхожденія и постепеннаго хода; b) о законодательствѣ какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ, въ особенности знатнѣйшихъ народовъ; c) юридическая энциклопедія и методологія; 2) начальныя основанія римскаго гражданскаго права; 3) основанія общаго уголовнаго германскаго права; 4) объясненная теорія уголовнаго права Грельмана; 5) краткое обозрѣніе россійскаго законодательства; 6) монограммы науки римскаго частнаго гражданскаго права; 7) наставленія римскаго гражданскаго права, древностями объясненнаго; 8) естественное частное, публичное и народное право Фюнке, которое Солнцевъ, по порученію начальства, исправилъ и издалъ въ свѣтъ въ пользу русскихъ инвалидовъ; 9) два тома въ листъ объясненій на систему естественнаго права. Теперь прочитаемъ нѣкоторыя мѣста изъ нашего философа-юриста.

§ 69. Отъ правомѣрнаго равенства людей должно отличать необузданную вольность, ни въ какомъ состояніи человѣка нетерпимую. Были люди, изъ воображенія коихъ породилось ужасное, огнемъ и мечемъ вооруженное чудовище, именуемое: *народная вольность и равенство.* Кто не знаетъ плачевныхъ слѣдствій французскаго революціоннаго сумазбродства, увлекшаго цѣлый народъ превратными и развратными правилами о мнимомъ равенствѣ и вольности людей въ разрушеніе не только общественныхъ, гражданскихъ и семейственныхъ связей, но и въ забвеніе обязанностей къ Бо-

гу и къ себѣ самимъ, устроевающихъ прочное спокойствіе и счастіе каждаго. Развратные мечтатели желали *безначалія и общности* имуществъ, по ихъ умозаключенію съ самою природою человѣка якобы сообразныхъ, и породили во всемъ разрушеніе. Они не помыслили, что и въ естественномъ состояніи люди не могли имѣть ими воображаемаго равенства, по ихъ чувственной и разумной природѣ. Разсматривая людей даже въ ихъ естественномъ состояніи, найдемъ, что одни имѣютъ крѣпчайшія тѣлесныя силы, другіе слабѣйшія; одни имѣютъ здоровое состояніе тѣла, а другіе болѣзненное, слабы и дряхлы; одни одарены большею проницательностію ума, другіе же имѣютъ весьма слабыя душевныя способности; и изъ сего природнаго неравенства душевныхъ и тѣлесныхъ силъ по возрасту, полу и другимъ отношеніямъ, само собою долженствовало родиться право преимущественнаго уваженія одного къ другому и самой подчиненности: слабость женскаго пола подчинила оной полу мужескому въ связяхъ супружескихъ; причина рожденія дѣтей, слабость душевныхъ и тѣлесныхъ ихъ силъ въ юномъ возрастѣ, чувство благодарности за физическое и нравственное воспитаніе подвергло ихъ власти родительской; недостатокъ нѣкоторыхъ въ пропитаніи и средствахъ защищать себя собственною силою отъ обидъ сильнѣйшихъ подалъ поводъ къ господству; крѣпость, благоразуміе и отличные добродѣтели вмѣстѣ соединенныя образовали первоначальную власть старѣйшинъ и правителей народныхъ, столь необходимую — для общественнаго благоденствія; благодарныя чувствованія къ старѣйшинамъ семействъ и правителямъ за ихъ попечительность и съ другой стороны надежды имѣть таковыхъ же защитниковъ и благодѣтелей въ ихъ потомкахъ простерли линію наслѣдственнаго правленія.

---

§ 284. Правителю государства, поколику онъ занимаетъ въ обществѣ высочайшую степень, и есть начало и источникъ всякаго государственнаго порядка, приписывается высочайшее достоинство именуемое величествомъ, права же, какія ему по сему достоинству и по самой государственной цѣли принадлежатъ, именуются правами величества.

§ 285. Права верховному правителю предлежатъ или по отношенію его къ народу, или проистекаютъ оныя изъ собственнаго достоинства правительственнаго лица; въ семъ послѣднемъ смыслѣ оныя именуются правами государскими.

§ 287. Права верховнаго правителя, изъ собственнаго его достоинства проистекающія, главнѣйшія суть: 1) онъ ни мало не зависитъ отъ подчиненныхъ ему властей и народа: дѣйствія его не могутъ подлежать суду подчиненнаго ему народа, судъ же надъ нимъ Божій есть; 2) Посему лице правителя есть священное, не прикосновенное; если бы кто изъ подданныхъ дерзнулъ нанесть какое либо оскорбленіе достоинству верховнаго правителя государства; то таковое дѣяніе именуется преступленіемъ оскорбленія величества, которое относится къ преступленіямъ перваго разряда, и должно быть наказываемо строжайшимъ образомъ; поколику сверхъ собственнаго оскорбленія величества правителя можетъ произойти изъ сего и опасность для цѣлаго государства.

§ 288. Права же, принадлежащія верховному правителю въ отношеніи къ государству суть: 1) право законодательной власти; 2) право власти судебной и 3) право власти распорядительной и исполнительной.

§ 306. Права и должности правителей народовъ главнѣйщія суть слѣдующія: 1) пещись о томъ, чтобы государственные законы были всѣми подданными равномѣрно наблюдаемы, чтобы законы владычествовали надъ гражданами, но не граждане, въ особенности политическій вѣсъ въ государствѣ имѣющіе, господствовали надъ законами; 2) блюсти за правосудіемъ во всѣхъ случаяхъ есть священный долгъ государей; 3) любовь и милосердіе къ подданнымъ есть сердечное ихъ желаніе; 4) образованіе подданныхъ и въ особенности въ тѣхъ ихъ обязанностяхъ, кои законъ Божій полагаетъ и безъ познанія и исполненія коихъ, не можно достигнуть вѣчнаго блаженства, есть долгъ и желаніе государей благочестивыхъ, объемлющихъ взоромъ своимъ и временное и вѣчное подданныхъ ихъ благополучіе; и 5) вообще попеченіе о счастіи народовъ есть долгъ и власть ихъ правителей.

§ 307. Подданные же съ своей стороны имѣютъ право пользоваться защитою законовъ и правосудіемъ ихъ правителей, не смотря на различныя ихъ состоянія, званія и достатки; а за оказываемое имъ покровительство и неутомимую попечительность о ихъ благоденствіи они обязаны; 1) чтить своихъ верховныхъ правителей; 2) о благоденствіи ихъ возсылать усердныя мольбы къ Богу; 3) повиноваться всѣмъ ихъ законамъ и уставамъ; 4) поставляемымъ отъ нихъ властямъ оказывать правомѣрное послушаніе; 5) налагаемыя на нихъ дани и службы доброхотно и усердно давать и исполнять; и 6) вообще, соединяя воли свои и хотѣнія, они должны, какъ нравственныя, такъ и физическія силы свои употреблять къ тому, что къ общему благоденствію служить можетъ и ничего того не дѣлать, что сей цѣли противно.

---

§ 314. Самый древній, съ природою человѣческою болѣе согласный по составу своему простѣйшій и самимъ Богомъ

предуставленный образъ правленія есть *монархическій*. Древность единоначальнаго правленія доказывается какъ книгами св. писанія, такъ и свѣтскими свидѣтельствами.

§ 315. Преимущество же сего образа правленія предъ всѣми прочими явствуетъ изъ того: 1) что власть законодательная, власть суда и расправы, власть распорядительная и исполнительная съ большею удобностію можетъ быть приводима въ дѣйствіе, и при томъ безпристрастнѣе подъ управленіемъ единаго самодержца, нежели подъ управленіемъ многихъ повелителей, какъ то вельможъ или цѣлаго народа; 2) лучше повиноваться законамъ предъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ державнымъ вельможамъ; 3) самыя заслуги могутъ быть оказываемы съ большею удобностію предъ однимъ державнымъ лицемъ, нежели предъ многими, и увѣренность во внимательномъ принятіи оныхъ въ первомъ случаѣ есть благонадежнѣе, нежели въ послѣднемъ; 4) поелику въ монархическомъ правленіи всѣ подданные устремляютъ свою дѣятельность къ единому средоточію, заключающемуся въ лицѣ монарха ихъ, отъ котораго попечительности единственно зависитъ ихъ благоденствіе: то при такомъ всеобщемъ стремленіи къ овому, каждымъ удобнѣе достигается предположенная цѣль его дѣятельности, чего не такъ легко можно достигнуть въ правленіяхъ многоначальныхъ; 5) самый простой составъ единодержавія также доказываетъ преимущество единоначалія предъ многоначаліями, которыя подобны многосложнымъ машинамъ, въ ихъ движеніи и медленнѣйшій и затруднительнѣйшій ходъ имѣющимъ. Сія-то выгода была въ виду народовъ при основаніи первѣйшихъ древнихъ государствъ монархическихъ. 6) Наконецъ, продолжительнѣйшее существованіе монархій, прочное благоденствіе народовъ, коимъ они подъ единоначальнымъ правленіемъ наслаждались, а съ противной стороны не долговременное бытіе республикъ, и въ особенности новѣйшихъ, служитъ яснымъ доказательствомъ преимуществу правленія монархическаго предъ всѣми прочими.

---

§ 322. Аристократіи, въ коихъ верховная власть состоитъ въ рукахъ многихъ лицъ, вельможами именуемыхъ, составляютъ видъ республиканскаго правленія. Оныя появились гораздо позднѣе монархій — и суть, такъ сказать, выползки изъ подъ развалинъ ихъ.

§ 323. Поводомъ къ образованію аристократій были большею частію: усильная и благонамѣренная власть вельможъ, великое скопленіе ими богатства, и при таковыхъ выгодахъ благопріятствующее имъ вліяніе на низшія и среднія состоянія, также ихъ желаніе господствованія и для сего употребляемыя ими пронырства къ ослабленію разными способами законной власти ихъ государей, народныя тягости и удрученія ими же произведенныя, а между тѣмъ относимыя къ правителю, для возбужденія противъ него народнаго негодованія, и для удобнѣйшаго при благопріятныхъ обстоятельствахъ произведенія чрезъ то всеобщаго переворота и присвоенія себѣ государственной власти. Обыкновенно честолюбцы дѣйствуютъ соединенными силами. Сіе подтверждается многими событіями, изъ исторіи древнихъ и новѣйшихъ временъ усматриваемыми.

§ 324. По самому начальному устроенію аристократій судить можно, что сей образъ правленія есть и не естественъ и не справедливъ, какъ по отношенію къ законной власти государей, такъ и въ отношеніи къ самому народу. О семъ неосновательномъ и насильственномъ образѣ правленія можно за-

мѣтить слѣдующее: 1) не основательно одной части народа присвоивать себѣ власть верховную съ исключеніемъ прочихъ; таковая верховная власть одной части народа будетъ оскорбительнымъ преимуществомъ, когда сограждане превознесутся надъ своими согражданами; въ монархіяхъ народъ можетъ взирать на сіе преимущество единоначальника и на первенство чиновъ знатнаго и прочаго благородства всегда не завистнымъ окомъ; сіе благородство подвластно государю и чрезъ то самое съ прочимъ народомъ содержится въ нѣкоторомъ равенствѣ: 2) аристократическое правленіе есть насильственное и къ собственному поддержанію своему употребляетъ насильственныя средства такъ какъ оно имѣетъ у себя всегда двухъ враговъ, съ одной стороны народъ угнетенный вельможами ищетъ свергнуть съ себя сіе иго и получить участіе въ правленіи, съ другой положеніе самаго правительства возжигаетъ желаніе въ усилившихся вельможахъ и дворянствѣ поработить такимъ образомъ всѣхъ собратій своихъ, какъ отъ него народъ удручается; при каковыхъ обстоятельствахъ многоначальствующіе должны опасаться, чтобы народъ въ благопріятномъ случаѣ не присталъ тотчасъ къ одному изъ вельможъ сильнѣйшихъ, имѣющему способъ сдѣлаться всего общества единоначальствующимъ правителемъ, которому конечно народъ угнетенный державными магнатами лучше одному захочетъ повиноваться, нежели видѣть участь свою зависимою отъ многихъ; а потому 3) многоначальное правленіе подвержено ежечастной опасности, чтобъ не быть превращеннымъ или въ народоначаліе или въ единоначаліе.

§ 325. Да и къ доставленію общаго народнаго благоденствія аристократическій образъ правленія менѣе удобенъ; сіе явствуетъ какъ изъ выше изъясненнаго перевѣса одной части граждан надъ другими согражданами, обоюдныя опасенія и недовѣріе возбуждающаго, такъ и изъ честолюбивыхъ происковъ самихъ многоначальствующихъ, силящихся другъ предъ другомъ большее пріобрѣсть себѣ вліяніе на управленіе дѣлами общественными и на предпочтеніе со стороны народа, а при таковомъ состояніи нѣтъ единственнаго средоточія, къ которому бы народъ устремлялъ свою дѣятельность для общаго блага да и самимъ многоначальствующимъ нѣтъ удобности привлечь народъ къ сему средоточію и производить общими силами въ дѣйствіе съ наилучшимъ порядкомъ законодательную и исполнительную власти. Многоначаліе можно уподобить звѣрю, имѣющему главу многовыйную, а тѣло многоножное; и какъ онъ въ движеніи главы своей находитъ не изчетныя затрудненія, а въ ступаніи ногъ своихъ неисчислимыя препятствія, то и движеніе его ни что иное есть какъ косное ползаніе. Изъ сего сравненія ясно видятся неудобства аристократіи къ доставленію благоденствія народамъ; и если иногда аристократіи блистали въ своемъ составѣ; то сей блескъ былъ мнимый, скоропогружавшій народы, подъ таковымъ управленіемъ состоявшіе, въ вѣчное забвеніе.

---

§ 328. Демократіи, въ коихъ весь народъ безъ исключенія имѣетъ верховную власть, или въ народныхъ собраніяхъ совокупно, или чрезъ довѣренныхъ народа служителей въ дѣйство производимую, составляютъ также видъ республиканскаго правленія.

§ 329. Въ демократическихъ государствахъ все предначинается и рѣшится по большинству голосовъ, въ поданіи коихъ всякому члену демократіи предоставлено равное право.

§ 330. Величество въ демократіяхъ принадлежитъ всему народу и весь народъ между тѣмъ есть подданный демократіи.

§ 331. Чины для приведенія въ дѣйство исполнительной власти народа, какъ напримѣръ, для созыванія народа въ собранія, для предложенія на общее разсужденіе дѣлъ до всего народа касающихся для учиненія сношеній съ другими государствами, въ демократіяхъ или избираются большинствомъ голосовъ народныхъ, или предоставляется имъ таковое порученіе по наслѣдственному праву. Однакожъ всѣ таковые чины наслѣдственные и избирательные во всѣхъ сказанныхъ случаяхъ дѣйствуютъ только какъ народные представители, общимъ согласіемъ демократовъ — уполномоченные, но сами по себѣ не имѣютъ ни какой личной власти.

§ 332. Изъ самаго состава демократій видѣть можно, что сей образъ правленія сопряженъ съ величайшими неудобствами не только въ приведеніи въ дѣйство законодательной, но и исполнительной власти; и въ особенности въ многочисленномъ народѣ, власти сіи иногда требуютъ рѣшительныхъ и скорыхъ мѣръ для обезпеченія внутренняго порядка и для обезпеченія безопасности внѣшней и для приведенія въ дѣйствіе таковыхъ мѣръ. По составу демократіи требуется общее согласіе всѣхъ демократовъ: но весь народъ можетъ ли быть собираемъ иногда въ потребное время для сихъ общихъ соображеній? А потому непрестанная дѣятельность, каковой требуетъ верховная власть, — если не всегда, то по крайней мѣрѣ весьма часто будетъ затрудняема въ демократическомъ правленіи, что препятствуетъ къ достиженію благоденствія гражданъ. Съ другой стороны власти исполнительной и законодательной предлежитъ иногда въ дѣлахъ наблюдать не торопливое теченіе: но въ демократіи по обыкновенному легкомыслію народа торопливость сія весьма легко можетъ быть допускаема; сверхъ того упрямство и корыстолюбивые виды многихъ членовъ демократіи, сколько могутъ производить безпорядковъ въ общемъ государственномъ управленіи? *Монтескю* весьма остроумно объяснилъ свойство демократическаго правленія въ сочиненіи своемъ о разумѣ законовъ, говоря: народъ иногда опровергаетъ все неизчислимымъ множествомъ рукъ, иногда же самъ на подобіе презрѣннѣйшаго червя множайшими тысячами ногъ пресмыкается.

---

§ 342. Иногда цвѣтущія государства подвергаются сильнѣйшимъ потрясеніямъ, такъ что, часто за тѣмъ слѣдуетъ и разрушеніе политическаго быта ихъ. Потрясенія таковыя зависятъ частію отъ внѣшнихъ причинъ, частію отъ причинъ внутреннихъ, а частію отъ обоихъ въ совокупности.

§ 343. Внѣшнія причины государственныхъ потрясеній главнѣйшія суть: 1) веденіе неблагополучныхъ войнъ съ сильнѣйшими сосѣдственными народами; 2) добровольная потеря независимости и подчиненіе вліянію, или совершенному господству иностранной державы; 3) заключеніе неосторожныхъ и вредныхъ договоровъ съ другими державами, изъ коихъ единственная проистекаетъ польза только для чужестранныхъ государствъ, а весь вредъ для отечественной державы.

§ 344. Внутреннія причины, способствующія къ потрясенію государствъ, главнѣйшія суть: 1) недостатокъ въ мудромъ законодательствѣ; 2) медленное и худое отправленіе правосудія въ мѣстахъ судебныхъ; 3) недостатокъ государ-

ственныхъ доходовъ, и неумѣренное употребленіе оныхъ, всѣ границы превышающее; 4) недобросовѣстность высшихъ государственныхъ чиновниковъ при отправленіи ими государственныхъ дѣлъ, общее благо не предпочитающихъ благу частному, которое однакожъ безъ соблюденія блага общаго существовать не можетъ; 5) недостатокъ любви и уваженія къ правителю, къ поставленнымъ отъ него властямъ и недостатокъ любви къ своимъ согражданамъ; 6) всеобщая порча нравовъ, не имѣющія благочестія тайныя общества, или безбожіемъ или революціонными затѣями основываемыя и распространяемыя ко вреду вѣры и связей общественныхъ; 7) стремленіе какой либо господствующей партіи къ низложенію законовъ, самими вѣками освященныхъ, отъ чего проистекаютъ не только внутреннія, но и внѣшнія бѣдствія, если не самое паденіе государствъ ускоряющія, то по крайней мѣрѣ на долгое время разстроивающія ихъ благоденствіе.

§ 345. Мудрыя правительства предпріемлютъ заблаговременныя мѣры къ отвращенію безпорядковъ, способствующихъ къ потрясенію государства. Благонамѣренные граждане стараются убѣгать всего того, что можетъ быть предосудительно верховному правительству, съ благоговѣніемъ повинуются отечественнымъ законамъ и законнымъ властямъ, нещадятъ ни нравственныхъ, ни физическихъ силъ и способностей своихъ, ни имуществъ, ни самой жизни для вспомоществованія государственному благополучію и таковые граждане именуются истинными сынами отечества. Всевышній Царь Царей призираетъ на таковыя земныя царства, укрѣпляетъ оныя противъ враговъ внѣшнихъ и хранитъ внутреннее ихъ благоденствіе; народы же строптивые наказуетъ Онъ сильнѣйшими потрясеніями и самымъ разрушеніемъ политическаго бытія ихъ. Исторія Іудеевъ, игу Вавилонскому и другихъ

иноплеменниковъ владычеству подпадавшихъ, также исторія гордыхъ Римлянъ, кои потеряли не только свое бытіе политическое но и самый языкъ ихъ учинился мертвымъ, оправдываетъ выше изложенныя истины и служитъ поучительнымъ урокомъ для народовъ.

---

§ 413. Война есть состояніе продолжительныхъ насилій, однимъ государствомъ противъ другаго употребляемыхъ для защиты правъ своихъ.

§ 414. Война бываетъ обыкновенно или наступательная, или оборонительная. Оборонительною именуется та война, которая предпріемлется какимъ либо народомъ въ случаѣ крайней необходимости для защищенія правъ своихъ и для отклоненія угрожающей опасности политическому бытію его; наступательною же войною называется та, которую какой либо народъ начинаетъ не для защиты правъ своихъ, но для нанесенія вреда другому народу, никакой обиды ему не сдѣлавшему.

§ 417. Причины, по коимъ можно заключить о справедливости войны, суть слѣдующія: 1) когда другое государство противъ котораго открывается война, уже прежде дѣлало военныя пріуготовленія; 2) когда народъ или правитель его обнаруживаетъ воинственный духъ и неограниченное господство, отъ котораго должно другому государству опасаться своего потрясенія.

§ 418. Цѣль военныхъ дѣйствій есть: 1) предупрежденіе обидъ; 2) правомѣрная оборона и защита нарушаемыхъ правъ

3) правомѣрное возмездіе и вознагражденіе за причиненныя обиды; 4) возстановленіе мирныхъ отношеній, если только оныя возможны.

§ 420. Правила, опредѣляющія границы насиліямъ военнымъ, въ особенности должно замѣтить слѣдующія: 1) поелику война есть слѣдствіе только самой необходимости къ защищенію правъ народныхъ и къ возстановленію правомѣрныхъ отношеній побуждающей; то при достиженіи сихъ цѣлей, не должно уже болѣе продолжать военныхъ насилій къ большему ослабленію непріятеля; 2) поелику война почитается дѣломъ государственнымъ: то она не долженствуетъ быть ведена частными лицами противъ частныхъ лицъ, но цѣлымъ государствомъ противъ цѣлагожъ государства; 3) малолѣтные, женщины, престарѣлые и граждане не вооруженные, если не пріемлютъ никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, должны быть щадимы отъ меча непріятельскаго; ибо нѣтъ надобности лишать ихъ жизни, поколику отъ нихъ не видится никакой опасности для воюющаго народа; 4) поелику во время непріязненныхъ дѣйствій уваженіе къ человѣчеству не теряетъ совершенно своей силы: то нѣтъ правомѣрнаго повода употреблять во время войны такія оружія, кои болѣе служатъ орудіемъ безчеловѣчія, нежели средствомъ къ достиженію цѣли военныхъ дѣйствій; 5) святыня во всякомъ случаѣ должна быть чествуема; а по сему правиламъ вѣры было бы противно разрушать у непріятеля Господни храмы, и наносить какое либо оскорбленіе онымъ, равно и служителямъ оныхъ, если сіи только не пріемлютъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; 6) безчеловѣчно было бы такъ же разрушать убѣжища нищеты, дряхлости и безпомощнаго сиротства; 7) поелику порокъ и беззаконіе ни въ чёмъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть оправдываемы: то по сему не дозво-

лительно непріятелямъ чинить насиліе женскому полу; 8) безчеловѣчные съ плѣнными поступки и умерщвленіе ихъ, противны также народному праву; только сохраненіе собственной безопасности, или возмездіе непріятелю за подобные насильственные поступки могутъ извинять умерщвленіе обезоруженныхъ непріятелей; 9) военныя хитрости или стратагемы противъ непріятелей суть дозволительны: но предательства противны народному праву; ибо дѣйствія войны суть открытыя, и при томъ прямодушіе даетъ цѣну самымъ непріятелямъ; 10) отравы противъ полководцевъ и честныхъ граждан употребляемыя суть орудія означающія слабость непріятеля и въ народномъ правѣ не терпимы.

§ 421. Права же, кои по закону справедливости воюющимъ народамъ принадлежатъ, суть: 1) право воспретить всякое сообщеніе и переписку подданныхъ воюющей державы съ своими подданными; 2) право содержать подъ особеннымъ надзоромъ непріятельскихъ гражданъ жительствующихъ въ ея предѣлахъ; 3) право прекратить всѣ торговыя сношенія съ воюющимъ государствомъ, и овладѣть всею собственностію торгующаго его купечества на сушѣ и на морѣ; 4) право составлять союзы съ прочими державами противъ державы воюющей, также заключать неутральные договоры во вредъ непріятелю; 5) право не только вооруженныхъ воиновъ, но и гражданъ принимающихъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и инымъ какимъ либо образомъ вспомогающихъ умерщвлять или брать въ плѣнъ, щадя жизнь ихъ; 6) въ случаѣ завоеванія какой либо провинціи право овладѣвать всѣми непріятельскими потребностями, всѣмъ казеннымъ имуществомъ; 7) право требовать услугъ и контрибуцій съ побѣжденныхъ гражданъ; 8) право соглашаться и не соглашаться на перемиріе, на размѣнъ и выкупъ плѣнныхъ во время военныхъ дѣйствій;

9) въ завоеванныхъ областяхъ право учреждать муниципальное правленіе и 10) право принуждать ихъ не вспомоществовать военной силѣ своего отечества, и ихъ удерживать отъ всякаго сообщенія съ онымъ; но къ поднятію оружія противъ отечества своего, ни кто принужденъ быть не можетъ.

§ 164. Сергій Семеновичь Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, президентъ академіи наукъ и пр., членъ французскаго института (академіи надписей и изящной словесности), членъ королевскаго общества ученыхъ, общества геттингенскаго, королевскаго общества исторіи въ Мадритѣ, королевскаго общества въ Неаполѣ и пр., родился въ С. Петербургѣ, 25 августа 1786 года. Отецъ его былъ подполковникомъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка и адъютантомъ Императрицы Екатерины 2-й. Воспріемницей отъ купели была сама Императрица и крещеніе происходило въ собственной Ея Величества домашней церкви. Въ 1801 году, Уваровъ вступилъ въ службу чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ; въ 1804, былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1806 году, причисленъ къ посольству въ Вѣнѣ: а чрезъ три года послѣ того назначенъ секретаремъ посольства въ Парижѣ. Въ 1811 году, онъ оставилъ дипломатическое поприще, и посвятилъ себя народному просвѣщенію: назначенъ былъ попечителемъ С. Петербургскаго учебнаго

округа, а въ 1818 избранъ президентомъ академіи наукъ. Управляя съ неутомимымъ рвеніемъ и глубокою прозорливостію ввѣренною ему важною частію, Уваровъ способствовалъ равномѣрно и учеными трудами своими успѣхамъ русской словесности. Будучи соединенъ узами дружбы съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Дашковымъ и Блудовымъ, онъ часто раздѣлялъ труды сихъ знаменитыхъ мужей. Учрежденіе въ 1817 году педагогическаго института, который въ послѣдствіи преобразованъ въ С. Петербургскій университетъ, было первою важною заслугою, оказанною имъ народному просвѣщенію. Съ величайшею ревностію онъ старался ввести въ этомъ заведеніи основательное и классическое изученіе наукъ, которое лишь одно можетъ способствовать развитію ума человѣческаго; онъ основалъ въ 1818 году двѣ каѳедры восточныхъ языковъ, для занятія коихъ, вызваны были изъ Парижа два знаменитые оріенталиста, Манжъ и Шармоа. Преподаваніе правовѣдѣнія и исторіи, въ обширнѣйшемъ объемѣ, составляло всегда предметъ особеннаго его попеченія. Рѣчь, которую онъ произнесъ объ этомъ въ торжественномъ собраніи института, даетъ понятіе о глубокомысленныхъ видахъ сего государственнаго мужа на счетъ преподаванія исторіи. Ему Россія обязана первыми опытами перевода Иліады гексаметрами: Гнѣдичь, предпринявъ и окончивъ этотъ прекрасный переводъ, помѣстилъ въ предисловіи письмо къ нему Уварова, по этому предмету. Въ 1816, Уваровъ былъ избранъ иностраннымъ членомъ Французскаго института. Въ 1821, онъ

та и всѣхъ діалектовъ Индіи, средняя сфера азіатскихъ языковъ, безъ сомнѣнія изъ всѣхъ важнѣшая, каждый день болѣе и болѣе привлекаетъ любопытство и вниманіе. Если къ симъ кореннымъ языкамъ мы прибавимъ, съ одной стороны еврейскій, а съ другой нарѣчія племенъ татарскихъ, и наконецъ языки Японіи и Китая, то однимъ взглядомъ обнимемъ всю систему древнихъ, по истинѣ коренныхъ языковъ Азіи.

§ 165. Иннокентій Борисовъ, епископъ чигиринскій и кіевской митрополіи викарій, 47 лѣтъ, изъ студентовъ орловской семинаріи, кончилъ курсъ въ кіевской академіи 1823 г. и по утвержденію коммиссіи въ то же время опредѣленъ инспекторомъ санктпетербургской семинаріи, профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка. Того жъ года опредѣленъ ректоромъ александроневскихъ духовныхъ училищъ, а декабря 20 постриженъ въ монашество. 1824 г. перемѣщенъ въ санктпетербургскую академію баккалавромъ богословскихъ наукъ. 1825 г. утвержденъ инспекторомъ академіи; 1826 г. возведенъ въ санъ архимандрита, 1837 г. утвержденъ докторомъ богословія; 1836 г. рукоположенъ во епископа, викарія кіевской митрополіи. Изъ сочиненій его достойны замѣчанія слѣдующія: черты жизни І. Христа на земли; жизнь священномученика Кипріана епископа карѳагенскаго; жизнь апостола Павла: поучительныхъ словъ три книги; страстная седмица; свѣтлая седмица: Богословіе обличительное; первая седмица великаго поста;

многія сочиненія сего витіи помѣщены въ журналѣ воскреснаго чтенія. Изъ философскихъ статей сего писателя мы представляемъ слѣдующую.

О НЕОЛОГИЗМѢ ИЛИ РАЦІОНАЛИЗМѢ.

Раціоналистами называются тѣ изъ новѣйшихъ иностранныхъ богослововъ, которые въ религіи христіанской недопускаютъ ничего сверхъ естественнаго, — и называются въ томъ предположеніи, будто они одни въ дѣлѣ религіи поступаютъ сообразно съ достоинствомъ разума: другіе гораздо справедливѣе и приличнѣе называютъ ихъ *неологами*, новомодными богословами, новѣйшими Соціанами и христіанскими деистами. Раціонализму обыкновенно, хотя и несправедливо, противуполагаютъ суперпатурализмъ или такой образъ мыслей о религіи, по коему допускается существованіе сверхъ естественнаго откровенія. Поелику сей образъ мыслей исповѣдывалъ въ богословіи отъ начала христіанства до нашихъ временъ, то раціоналисты послѣдователей его называютъ *палеологами* или старыми богословами.

Происхожденіе неологизма. Неологизмъ возникъ въ Германіи, въ началѣ послѣдней половины прошедшаго столѣтія. Ближайшимъ поводомъ къ распространенію онаго послужило усилившееся между тогдашними богословами мнѣніе, что система церковнаго ученія у католиковъ и протестантовъ не во всемъ согласна съ ученіемъ библейскимъ, и потому ихъ догматика, въ прежнемъ ея видѣ, совершенно негодится для новѣйшихъ временъ. Въ слѣдствіе сего предубѣжденія,

многіе догматы подверглись критикѣ, которая не умѣдлила объявить нѣкоторые изъ нихъ не доказанными и противными разуму. Умѣреннѣйшіе изъ германскихъ неологовъ думали удовлетвориться преобразованіемъ церковнаго ученія, въ духѣ Социніанъ; но большая часть подъ руководствомъ тайнаго общества иллюминатовъ пошла далѣе. Одни, напр. Эйхгорнъ, приводили въ подозрѣніе подлинность и богодухновенность св. книгъ и пріискивали способы изъяснять естественно все, что въ нихъ есть сверхъ естественнаго. Другіе; какъ Аммонъ, клеветали на исторію догматовъ, представляя образованіе ихъ въ настоящемъ видѣ слѣдствіемъ вліянія восточной и неоплатонической философіи, какъ на учителей церкви, такъ и на самыхъ св. писателей; иные защищали достоинство естественной религіи, яко бы несправедливо униженной предъ христіанскою; нѣкоторые напр. Бардъ и Едельманъ старались усвоить самымъ основателямъ христіанства раціоналистическій образъ мыслей, признавая ихъ за учителей естественной религіи непонятныхъ и обезображенныхъ послѣдователями. Не имѣя общаго начала, каждый неологъ принималъ и отвергалъ, что хотѣлъ; доколѣ Кантъ не заключилъ религію въ предѣлы, такъ называемаго, чистаго разума.

Главная цѣль неологіи. Держась главнаго положенія Кантовой религіи, что *христіанство есть ничто иное, какъ символическое представленіе идей естественной религіи*, неологи устремили всѣ свои усилія на то, чтобы при помощи философіи, открыть въ историческихъ христіанскихъ символахъ чистую религію разума, или что то же, ввести естественную религію подъ именемъ христіанской.

Ученіе неологовъ и опроверженіе онаго. Для достиженія сей цѣли неологи:

I. *Недопускаютъ сверхъ естественнаго откровенія.* Ибо говорятъ они а) въ древнія времена по недостатку психологическихъ свѣдѣній всѣ необыкновенныя перемѣны въ душѣ человѣка производимы были изъ вліянія существъ высшихъ.

Отв. 1. Это недоказанное предположеніе могло бы имѣть нѣкоторое приложеніе къ св. писателямъ, если бы они требовали себѣ вѣры безъ доказательствъ; но они, говоря, о необыкновенномъ своемъ отношеніи къ духу Божію, приводили, въ доказательство сего, такія дѣла, кои неопровержимо свидѣтельствовали о необыкновенномъ присутствіи въ нихъ силы Божіей. Ужели и чудеса производимы были потому, что они не знали новѣйшей психологіи?

Отв. 2. Свящ. писатели умѣли отличать и отличали въ дѣлѣ религіи произведенія собственнаго ума отъ внушеній духа Божія (1 кор. 7, 10—12. 2 кор. 11, 17), и сами предостерегали отъ такихъ людей, которые выдаютъ за откровеніе произволы собственнаго ума и сердца (Іер. 23, 25—40. 27,16—18).

б) Въ св. книгахъ, говорятъ неологи, нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было изъяснить изъ естественныхъ способностей и свѣдѣній ихъ писателей.

Но если бы и дѣйствительно можно было все изъяснять такимъ образомъ, и тогда никто не имѣлъ бы права посягать на то.—Ибо сами св. писатели многократно и рѣшительно утверждаютъ, что они не сами изобрѣли свое ученіе, а получили оное отъ Бога, чрезъ непосредственное откровеніе (напр. 2. петр. 1, 21), такъ, что иногда они сами невполнѣ понимали то, что должны были говорить по внушенію Духа

Божія, для будущихъ поколѣній, напр. Дан. 12, 6—9. Іер. 23, 20). Сверхъ того, невозможно всего ученія, содержащагося въ св. книгахъ, изъяснить изъ естественныхъ способностей и свѣдѣній ихъ писателей. Ибо сіи писатели были люди простые и неученые: слѣд. не могли изобрѣсть ни какого высокаго ученія, какое видимъ въ св. книгахъ.

в) Вдохновеніе, говорятъ неологи, несовмѣстно съ нравственною самостоятельностію существа разумнаго.

Отв. 1. Происхожденіе въ душѣ понятій отъ впечатлѣнія чувственныхъ предметовъ, не уничтожаетъ нравственной самостоятельности человѣка, тѣмъ менѣе оно можетъ быть уничтожаемо отъ дѣйствія на душу человѣка силы духовной.

Отв. 2. Ежедневный опытъ научаетъ, что теченіе мыслей въ умѣ нашемъ не всегда бываетъ произвольно, и что часто безъ нашего желанія, даже противъ воли, приходятъ мысли, посредствомъ коихъ открываются иногда высокія истины. Кто вѣритъ въ провидѣніе, тотъ небудетъ отвергать, что не произвольное теченіе ихъ подчинено законамъ состоящимъ въ распоряженіи промысла, а потому неможетъ сомнѣваться въ совмѣстности вдохновенія съ свободою человѣка.

г) Если откровеніе необходимо для блага рода человѣческаго; то непонятно, говорятъ неологи, почему промыслъ не сообщилъ его всѣмъ людямъ.

Отв. 1. Первоначально откровеніе сообщено было, въ лицѣ Адама и Ноя, всѣмъ людямъ. Исторія религіи показываетъ, что народы, произшедшіе отъ семейства Ноева по столпотвореніи вавилонскомъ, сами, постепенно искажали и

теряли правильныя понятія о немъ, предаваясь вымысламъ и страстямъ. Христіанская религія также предназначена для всего рода человѣческаго (Мар. 16, 15), и чрезъ Апостоловъ возвѣщена была всему, тогда извѣстному, міру (Рим. 10, 18).

Отв 2. Приложеніе спасительныхъ истинъ христіанской религіи къ народамъ, остающимся въ невѣдѣніи о ней, нельзя ограничивать краткими предѣлами сей жизни; потому что само св. писаніе представляетъ примѣръ противнаго (1 Петр. 3, 19—20).

Отв. 3. Таковое же возраженіе долженъ рѣшить и неологъ. По его мнѣнію, для познанія и исполненія нравственныхъ обязанностей потребенъ умъ, образованный философіею. Итакъ непонятно, почему промыслъ оставлялъ и оставляетъ столько народовъ безъ философіи? Подобнымъ образомъ неологъ долженъ отвѣчать и на то, почему естественная религія не всѣмъ народамъ извѣстна въ чистомъ ея видѣ? —

д) Получившій откровеніе, говорятъ еще неологи, не можетъ имѣть разумной увѣренности въ томъ, что ему сообщено Божественное откровеніе; для сего потребно новое откровеніе и т. д.

Но самый образъ и содержаніе откровенія могутъ уже заключать въ себѣ многіе рѣшительные признаки его непосредственнаго происхожденія отъ Бога. Если же къ симъ признакамъ, присоединится еще внѣшнее свидѣтельство, состоящее въ какихъ-либо чудесныхъ явленіяхъ; то Божественность откровенія превышаетъ всякое сомнѣніе.

II. Неологи отвергаютъ таинства; ибо в) говорятъ, таин-

ства противны цѣли откровенія, которая состоитъ въ наученіи людей.

Отв. Таинства не только не противны этой цѣли, но еще болѣе другихъ предметовъ поучительны, потому что онѣ содержатъ въ себѣ высочайшія истины. Таинственность ихъ состоитъ не въ томъ, чтобы мы не имѣли ни какого представленія о вещи, въ которую вѣримъ, но въ томъ, что не понимаемъ внутренней возможности представляемаго.

б) Нельзя, говорятъ неологи, имѣть разумнаго убѣжденія въ истинѣ таинствъ; ибо разсудокъ не можетъ видѣть ихъ согласіе съ законами ума.

Отв. Къ убѣжденію себя въ истинѣ чего-нибудь два пути: путь собственнаго размышленія (философіи), и путь свидѣтельства другихъ (исторіи). Къ убѣжденію въ истинѣ таинствъ мы доходимъ послѣднимъ путемъ, который столько же согласенъ съ разумомъ, какъ и первый.

в) Таинства, говорятъ еще неологи, если и возможны, то безполезны.

Отв. Напротивъ а) въ теоретическомъ отношеніи онѣ дополняютъ недостатки естественной религіи и воскриляютъ разумъ; б) въ практическомъ-служатъ основаніемъ самыхъ утѣшительныхъ и назидательныхъ истинъ, и укрѣпляютъ волю въ твореніи добра; в) вообще онѣ возвышаютъ духъ человѣка, возносятъ его выше тѣснаго круга ограниченнаго бытія и приближаютъ къ безпредѣльному.

III. Чудесъ неологи недопускаютъ потому, какъ они говорятъ, что чудеса превращаютъ законы природы.

Отв. 1. Чудеса не предполагаютъ совершеннаго превращенія законовъ природы, но только произведеніе такихъ явленій, которыя немогутъ быть изъясняемы изъ оныхъ.

Отв. 2. Если и человѣкъ, по своей свободѣ, можетъ производить нѣкоторыя перемѣны въ обыкновенномъ теченіи вещей, безъ нарушенія ихъ коренныхъ законовъ; тѣмъ паче это возможно для Творца вселенныя:

Отв. 3. Законы природы суть самые лучшіе для достиженія обыкновенныхъ, всеобщихъ цѣлей, но симъ еще не исключаются чудеса, какъ средства къ достиженію цѣлей высшихъ.

Нравственное царство, какъ царство свободы не могло быть заключено въ необходимыхъ законахъ царства природы. Если отношеніе разумныхъ тварей къ Творцу своему основано на свободѣ, то и отношеніе Творца къ нимъ не можетъ быть подчинено не премѣннымъ, физическимъ законамъ естественной необходимости.

б) Для того, чтобы признать какое нибудь явленіе за чудо, говорятъ неологи, т. е. за непосредственное выраженіе творческаго могущества, надлежитъ быть увѣрену, что въ неизмѣримомъ ряду естественныхъ причинъ нѣтъ такой, которая могла бы произвести подобное явленіе, а для сего потребно знать весь составъ міра,—что невозможно.

Отв. 1. Требованіе несправедливое! Для сей цѣли довольно знать; что та причина, которая произвела чудесное явленіе, нетакова, чтобы могла произвести оное; напр. воскресеніе мертваго однимъ словомъ, и что всѣ, извѣстныя намъ, причины такъ же не способны произвести оное.

Отв. 2. Предложеніе, что въ семъ случаѣ воздѣйствовала какая либо неизвѣстная причина естественная, неосновательно; ибо 1) въ семъ случаѣ неизвѣстное будетъ изъясняемо также неизвѣстнымъ; 2) раждается неразрѣшимый вопросъ: почему неизвѣстная причина явилась для произведенія чуда именно тогда, когда хотѣлъ чудотворецъ и въ томъ видѣ, въ какомъ ему угодно? и 3) допускается клевета на провидѣніе, будто бы оно дозволяетъ нѣкоторымъ естественнымъ причинамъ дѣйствовать совершенно вопреки нравственнымъ цѣлямъ.

в) Вѣра въ чудеса, говорятъ еще неологи, основывается на свидѣтельствѣ людей; но люди не могутъ свидѣтельствовать *о сверхъестественности* какого либо событія, потому, что сверхъестественное не подлежитъ опыту, на коемъ основывается всякое свидѣтельство.

Но при каждомъ чудѣ подлежатъ разсмотрѣнію двѣ вещи: 1) дѣйствительно ли случилось то происшествіе, которое выдается за чудо? и 2) дѣйствительно ли сіе происшествіе есть чудо, котораго основаніе находится внѣвидимаго міра? Въ первомъ мы убѣждаемся свидѣтельствомъ другихъ людей; но въ послѣднемъ должно убѣждать насъ собственное размышленіе о свойствѣ самаго происшествія и объ отношеніи его къ законамъ природы.

г) Большая часть чудесъ, описываемыхъ въ Новомъ завѣтѣ суть не болѣе, говорятъ неологи, какъ странные случаи (чудесность), которые почтены чудесами по недостатку просвѣщенія.

Но 1) сіе предложеніе страннѣе предполагаемыхъ странностей. Извѣстно, что такое необыкновенное стеченіе обстоятельствъ, какое могло быть почтено за чудо, бываетъ весьма рѣдко: какимъ же чудомъ таковое стеченіе почти непрестанно повторялось въ короткое время служенія І. Христа на земли? Кто заставилъ природу отверсть въ это время всѣ источники чудеснаго?

2) Еслибъ это было дѣломъ одного случая, то дѣйствующія лица никакъ не могли бы обѣщать чудесъ съ такою увѣренностію, съ какою они обѣщали.

3) Извѣстная правота ихъ характера требовала, чтобы они вывели изъ заблужденія тѣхъ, кои дѣйствія ихъ почитали чудесами.

д) Вѣра, которой постоянно требовали Іисусъ Христосъ и Его апостолы, и безъ которой они не могли совершать чудесъ (Мар. 6, 5),—показываетъ, что чудеса были дѣйствія психологическія, говорятъ неологи.

Отв. Правда, что вѣра была необходимымъ условіемъ совершенія чудесъ, хотя онѣ совершались и силою Божіею; ибо сія сила производила ихъ для нравственнаго усовершенствованія людей,—а таковая цѣль не могла быть достигаема безъ вѣры съ ихъ стороны. Впрочемъ многія чудеса совершены были безъ вѣры въ тѣхъ подлежащихъ, надъ коими онѣ совершались; напр. смоковница не могла имѣть вѣры, однакожъ изсохла; буря также не могла имѣть вѣры, однакожъ чудодѣйственно не разъ утихала, и проч.

е) Если І. Христосъ и апостолы творили дѣйствительныя чудеса: то непонятно, говорятъ неологи, почему имъ не вѣрила большая часть Іудеевъ.

Но если не творили, то еще непонятнѣе, какъ имъ повѣрила большая часть рода человѣческаго? Какъ сами они могли столь сильно убѣдиться въ божественности преподаваемой ими религіи, что всѣ почти претерпѣли за нее мучительную смерть?—Разумъ, ослѣпленный страстями, всегда найдетъ причину усомниться въ истинѣ чудесъ. — Что чудеснѣе видимѣе міра? Однакожъ атеистъ не вѣритъ въ Бога.

ж) Всѣ народы, находящіеся въ грубомъ состояніи, разсказываютъ о чудесахъ и пророчествахъ, говорятъ неологи.

Но подложныя чудеса нетолько не опровергаютъ дѣйствительныхъ, но еще необходимо предполагаютъ существованіе оныхъ, подобно тому, какъ существованіе поддѣльной монеты необходимо предполагатъ существованіе подлинной.

Касательно усовершимости христіанской религіи.

Усовершимость христіанской религіи можетъ быть или предлежательная или подлежательная.—Подлежательная усовершимость религіи состоитъ въ томъ, когда исповѣдающіе оную стараются болѣе и болѣе пріобрѣтать о ней познаній, постигнуть идеалъ совершенства, въ ней содержащійся.— Предлежательно усовершимою религія бываетъ когда сумма истинъ, ее составляющихъ, можетъ быть или увеличена, или однѣ истины замѣнены другими или переиначены. Въ первомъ отношеніи усовершимости христіанской религіи никто не отвергаетъ. Неологи почитаютъ и усовершимою и въ послѣднемъ знаменованіи, по слѣдующимъ причинамъ:

1. Не льзя думать, говорятъ они, чтобы родъ человѣческій

во время появленія христіанства стоялъ на такой степени раскрытія умственныхъ и нравственныхъ силъ, что ему могла быть сообщена совершеннѣйшая религія, къ какой только человѣкъ нѣсколько способенъ на землѣ.

Но а) родъ человѣческій дѣйствительно стоялъ тогда на высокой степени развитія душевныхъ силъ. Греки и Римляне показали такіе опыты своей умственной дѣятельности, коимъ удивляются и подражаютъ даже и въ новѣйшія времена.

б) Человѣкъ въ юныхъ лѣтахъ можетъ узнать всѣ главные задачи какой либо науки и главный способъ разрѣшенія ихъ, чтобъ обнять весь кругъ науки.

в) Премудрость Божія могла дать такую религію, которая, удовлетворяя потребностямъ людей, стоящихъ на низшей степени образованія, въ то же время была способна удовлетворять потребностямъ людей высшаго образованія.

г) Религія не должна заключать въ себѣ сложности всѣхъ познаній о Богѣ; она должна содержать только сущность сихъ познаній; но сія сущность всегда одна и та же.

2. Самое свойство христіанской религіи показываетъ, что она усовершима, говорятъ неологи, ибо а) въ ней есть различные образы представленія вещей, высшіе—чисто-разумные, и низшіе—символическіе, и б) нѣкоторые предметы недостаточно освѣщены, напр. будущая жизнь.

Но а) часто неологи почитаютъ низшими символическими образами простыя человѣческія представленія, и часто составляютъ высшіе предметы, непостигаемые умомъ, но созер-

цаемые вѣрою, напр. таинство искупленія. Въ ученіи истинной церкви сіи образы представляются въ совершенномъ согласіи со всей экономіей спасенія; б) что жъ касается до темноты, въ которой представляется будущая жизнь; то существенные вопросы оной, коихъ рѣшеніе необходимо для спокойствія рода человѣческаго, разрѣшены въ христіанской религіи весьма достаточно, а неполное освѣщеніе сего предмета нужно для того, дабы добродѣтель человѣка имѣла болѣе чистоты и безкорыстія.

3. Патріархальная и Моисеева религія съ продолженіемъ времени усовершенствованы, почему же, говорятъ неологи, недумать, что и христіанская религія со временемъ должна быть усовершенствована.

Отв. Примѣръ тѣхъ религій доказываетъ только то, что религія откровенная можетъ быть усовершаема, если то угодно ея виновнику. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы она всегда была таковою. Усовершимость патріархальной и Моисеевой религіи предсказана въ самомъ ветхозавѣтномъ отправленіи; напр. Агг. 2, 7—9 сн. Евр. 12, 2—27. Напротивъ религія новозавѣтная должна быть неизмѣняема, Евр. 12, 27—28, такъ что всякое измѣненіе ея влечетъ за собою проклятіе, по слову апостола, Гал. 1, 8—9.

Касательно теоріи приспособленія.

Приспособленіе можетъ касаться или формы или матеріи. Перваго рода приспособленіе господствуетъ во всемъ св. писаніи, ибо оно писано въ формѣ простой и удобопонятной для всѣхъ и каждаго. Приспособленіе по матеріи можетъ быть или отрицательное,—когда нѣкоторыя истины умалчиваются, и положительное, когда преподаются или одобряются заблужденія. Отрицательное положеніе не чуждо св. писателямъ, Іоан. 16, 12. 1. кор. 12, 22. Гал. III, 15. Неологи приписываютъ имъ приспособленіе и положительное, умствуя такъ: если допустить, что апостолы и самъ І. Христосъ не употребляли приспособленія положительнаго, то надобно согласиться, что они имѣли тѣ же предразсудки, которые господствовали между тогдашними Іудеями. Напр. о явленіи ангеловъ, о дѣйствіи злыхъ духовъ и проч.

Отв. Надлежитъ еще доказать, что мнѣнія, почитаемыя отъ неологовъ предразсудками суть дѣйствительно предразсудки. Но сего никто изъ неологовъ не доказалъ и доказать не можетъ. Въ этомъ случаѣ всѣ причины ихъ заключаются въ одной, что разумъ не понимаетъ внутренней возможности какого-либо ученія, напр. о явленіи ангеловъ, о дѣйствіи злыхъ духовъ и т. п. Но по сему правилу, можно обратить въ предразсудокъ, напр. и связь души съ тѣломъ, отношеніе міра къ Богу и т. п.; въ ученіи о сихъ предметахъ разумъ такъ же не понимаетъ внутренней возможности онаго.

Теорія приспособленія кромѣ того, что не имѣетъ прочнаго основанія, негодна и потому, что

1) предполагаемое приспособленіе совершенно недостойно св. писателей, какъ посланниковъ Божіихъ, которые многократно и торжественно увѣряли, что они говорятъ одну истину, Іоан. 18, 37. 8, 46.

2.) Совершенно ненужно. Проповѣдью о крестѣ потрясаемы были всѣ предразсудки, даже весь образъ мыслей о рели-

гіи, какъ Іудея, такъ и язычника. Успѣвъ въ этомъ труднѣйшемъ дѣлѣ, св. писатели не имѣли уже нужды щадить другіе какіе либо предразсудки въ людяхъ, тѣмъ паче, что послѣдніе слушали ихъ, какъ самого Бога. Если гдѣ, по видимому, нужно было приспособленіе, то въ преподаваніи нравственныхъ правилъ, ибо сердце всегда упорнѣе ума: однакожъ самые раціоналисты признаются, что нравственность, излагаемая въ новомъ завѣтѣ, весьма чиста и строга для чувственности.

3) Теорія приспособленія ведетъ къ искаженію и уничтоженію христіанства. На основаніи теоріи приспособленія, каждый можетъ принимать или отвергать въ св. писаніи то, что ему угодно; какъ это и случилось съ неологами, которые, посягаютъ на отверженіе самыхъ основныхъ истинъ христіанства, каковы напр. божественность І. Христа, личность св. Духа, паденіе человѣка, распространеніе первороднаго грѣха, искупленіе и проч.

§ 166. Руководственными книгами для изученія философскихъ наукъ, при критическомъ разборѣ, могутъ служить: *полные курсы философіи*: философскія лекціи, Паиса Лигарида для кіевскихъ студентовъ, сохраненныя въ бумагахъ покойнаго Барсова 1676. Философія аристотелева по умствованію перипатетиковъ Михаила Козачинскаго, архимандрита, кіевской академіи префекта, Кіевъ, 1745. Systema philosophiae in seminario kazanensi a praefecto hieromonacho Gennadio, 1753—1760 traditum, 4, рукопись. Системы философіи архимандрита тверскаго желтикова монастыря и префекта семинаріи Макарія Петровича 1761—1763, рукопись. Основанія умственной и нравоучительной философіи съ исторіею философическою Гейнекція, переводъ, М. 1766, 8. Дѣтская философія Болотова 2 ч. М. 1776, 12. Грамматика философическихъ наукъ Мартини, переводъ Бланка, 4 ч. Владиміръ, 1798, 8. Начальный курсъ философіи Снелля, переводъ [1] Лубкина и Кондырева [2], Казань 1813, 8. Курсъ философіи для гимназіи русской имперіи Якоба 8 ч. Спб. 1815, 8. Новый курсъ философіи Жерюзе, переводъ студентовъ санктпетербургской духовной академіи, Спб. 1836, 8. Опытъ науки философіи, Надеждина [3], Спб. 1840, 8. Эта книжка въ Россіи есть такая же энциклопедія философскихъ наукъ, каковою нѣкогда была система Вольфа въ Германіи. Записки по классамъ философскихъ наукъ въ казанскомъ университетѣ Сергѣева, въ санктпетербургскомъ Фишера [4], въ кіевскомъ Новицкаго, въ духовныхъ академіяхъ московской Кутневича и Голубинскаго, кіевской Скворцова, санктпетербургской Карпова [5], въ рукописяхъ. *Общее понятіе о философіи*: О пользѣ грамматики, риторики и философіи Максима Грека въ концѣ славянской грамматики, напечатанной при Іосифѣ патріархѣ, М. 1648, 4. Введеніе въ философію Евгенія Булгара, М. 1805, 8. Вступительная лекція о возможности философіи какъ науки, Давыдова, М. 1826, 8. О философіи и религіи Грамматина въ его сочиненіяхъ, переводъ изъ Фререта. О философіи, телескопъ 1833 № 12, Максимовича. Введеніе въ науку философіи Сидонскаго [6], Спб. 1833, 8. Философія относительно къ жизни цѣлыхъ народовъ

и каждаго человѣка, Голуховскаго, переводъ Велланскаго, Спб. 1834, 8. О ходѣ образованія въ Россіи и объ участіи какое должна принимать въ немъ философія, Фишера ж. м. н. п. генв. 1835. О связи философіи съ исторіею ж. м. н. п. сент. 1837. Объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи, Новицкаго ж. м. н. п. фев. 1838. О достоинствѣ философіи, ея дѣйствительномъ бытіи, содержаніи и частяхъ, Михневича ж. м. н. п. фев. 1840. Общій чертежъ наукъ Павлова, тамъ же о философіи, Бакунина О. З. № 4, 1840. Введеніе въ философію Карпова, С. 1840, 8. Исторія философіи: статьи о философическихъ толкахъ, переводъ изъ энциклопедіи Костенскаго, С. 1774, 8. Исторія философическая или о философіи Гейнекція, переводъ Быстрицкаго, С. 1781, 8. Сокращенная философія отъ начала міра до нынѣшнихъ временъ, переводъ съ фр. Колокольникова, М. 1785, 8. Зерцало древней учености или описаніе древнихъ философовъ, М. 1787, 8. Французская нынѣшняго времени философія, М. 1787, 8. Бруккера критическая исторія философіи, переводъ Гаврилова, М. 1788, 8. Опытъ о древней философіи Китайцевъ, переводъ съ лат., С. 1794, 8. Насмѣшка Ермія надъ языческими писателями, переводъ протоіерея Красовскаго, С. 1795, 8. Зерцало древней женской учености, переводъ съ французскаго, М. 1800, 8. Исторія разума человѣческаго отъ первыхъ успѣховъ просвѣщенія до Эпикура, Глинки, М. 1804, 8. Кантова философія, перевелъ съ фран. Петровъ, С. 1807, 8. Яснѣйшее изложеніе въ чемъ состоитъ существенная сила

новѣйшей философіи, Фихта, Харьковъ 1813, 8. Исторія философскихъ системъ Галича, 2 ч., Спб. 1818, 8. О философіи Англичанъ, переводъ съ фр. Воровкова, Спб. 1819, 8. Опытъ руководства къ исторіи философіи Давидова М. 1820, 8. О философіи Французовъ, перевелъ Воровковъ Спб. 1820, 8. О причинахъ заблужденій Комина, М. 1821, 8. Изложеніе главнѣйшихъ системъ нравственныхъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ философовъ, Савицкаго, Харьковъ 1825, 8. Мысли, относящіяся къ философической исторіи человѣчества, Гердера, С. 1829, 8. О системѣ Галля и опроверженіе Кантовой системы въ Вѣстникѣ Европы. Елейская метафизическая школа Одоевскаго и Кантъ изъ записокъ Шталь въ Мнемозинѣ. О системѣ Галля въ психологическомъ отношеніи въ Сынѣ отечества. Хронологическая таблица древней исторіи философіи Рожественскаго, Спб. 1830, въ одинъ листъ. Аста обозрѣніе исторіи философіи, переводъ Вершинскаго, Спб. 1831, 8. Исторія пиѳагорейской школы Риттера, перевелъ Вершинскій, Спб. 1832, 8. Ботень Краевскаго ж. м. н. п. мар. 1234. Гегель, Кантъ по Вильмешю и Сковорода въ телескопѣ. О философіи Плотина ж. м. н. п. окт. 1835. О жизни и твореніяхъ Платона ж. м. н. п. іюн. 1836. Очеркъ исторіи философіи по Рейнгольду, сдѣланный Надеждинымъ, С. 1837, 8. Выбросимъ отраву Канта изъ учебника Теннемана и русская книжка Надеждина окажется лучшей и полнѣйшею, нежели нѣмецкая. Но многимъ нравится отрава! Взглядъ Платона на науку философіи ж. м. н. п. фев. 1837. Ксенофанъ колофонскій ж. м. н. п. апр 1837. Гно-

сисъ и гностики Сбоева, Казань, 1839, 8. Идеализмъ Лисицына ж. м. н. п. юл. 1839. О философіи Губера О. З. № 1 и 3, 1839. Учащійся много встрѣтитъ въ сей статьѣ любопытнаго и подробнаго. Шелингъ Мельгунова ж. м. н. п. авг. 1839. Эта статья не заключаетъ въ себѣ умозрительныхъ изслѣдованій объ основныхъ началахъ мимо новой системы Шеллинга, но преимущественно знакомитъ насъ съ несправедливыми нападками, воздвигнутыми представителями юной Германіи на автора системы тождества. О успѣхахъ греческихъ философовъ (*)

(*) Достопримѣчательныя слова Михневича: настоящее состояніе ума нельзя назвать чисто естественнымъ. Послѣ того, какъ ученіе божественнаго откровенія распространилось въ человѣческомъ родѣ, естественный свѣтъ умовъ конечныхъ, слился съ сверхъестественнымъ свѣтомъ ума безконечнаго, и намъ трудно теперь съ точностію знать, гдѣ дѣйствуетъ въ насъ Богъ и гдѣ человѣкъ самъ собою. Были и есть философы, которые устраняютъ умъ свой отъ всякой зависимости откровеннаго ученія и думаютъ, что это ученіе не имѣетъ на нихъ никакого вліянія, и что они по этому дѣйствуютъ одни. Но сами же они признаютъ себя живыми органами и истолкователями господствующихъ въ человѣкѣ идей, и эти идеи скрыты въ нравахъ, обычаяхъ, поступкахъ и вообще въ жизни людей. Слѣд. по ихъ же признанію, они состоятъ и дѣйствуютъ, сами не сознавая того, подъ вліяніемъ сверхъестественнаго элемента, такъ какъ онъ проникаетъ и скрѣпляетъ всю настоящую дѣятельность и жизнь народовъ. Какъ бы мы ни заграждали храмину нашей души, все будутъ проникать въ нее лучи того свѣта, который въ такомъ обиліи разливается теперь по лицу земли. При настоящемъ положеніи дѣлъ, трудно отдѣлить естественное отъ сверхъестественнаго; а слѣд. трудно теперь обозначить предѣлы и показать степень естественной дѣятельности ума.

Михневича, ж. м. н. п. 1839, декабрь. Исторія философіи Риттера, переводъ Карпова, Спб. 1839, 8. Егоже переводъ творенія Платона, рукопись. Кантъ и его философія, С. О., 1839, N 11. *Логика*: Діалектика и логика на греческомъ и латинскомъ языкахъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ, рукопись 1700. Логика изъ древнихъ и новѣйшихъ собранная, Евгенія Булгара архіепископа славянскаго и херсонскаго, на еллино-греческомъ языкѣ, Лейпцигъ, 1766, 8. Краткая логика или умословіе, перевелъ съ нѣм. Адріановскій, М. 1788, 8. Общенародная логика, переводъ съ нѣм. М. 1789, 8. Логика и риторика для дворянъ Мочульскаго, М. 1789, 8. Факціолата логика, М. 1794, 8. Чертежъ классической логики, протоіерея Красовскаго, Спб, 1795, 8. Вѣрное лекарство отъ предубѣжденія умовъ съ нѣм. перевелъ Антоновскій, Спб. 1798, 8. Вилліома практическая логика, переводъ съ нѣм. Спб. 1802, 8. Краткая логика Богданова, М. 1806, 8. Буле въ ученыхъ вѣдомостяхъ за тотъ годъ помѣстилъ рецензію о сей книгѣ. Логика Лубкина, Спб. 1807, 8. Schad Logica pura et applicata, Charcowiae, 1812, 8. Логическія наставленія Лодія Спб. 1815, 8. Логика Любачинскаго, Харьковъ 1817, 8. Начальныя основанія логики Давидова, М. 1821, 8; въ Вѣстникѣ Европы помѣщена рецензія на эту книгу. Краткое руководство къ логикѣ Борзецковскаго, Спб. 1821, 8. Бавмейстера логика, переводъ Толмачева, Спб. 1825, 8. Начало

логики Ивашковскаго, М. 1824, 8. Кизиветтера логика, переводъ Толмачева, Спб. 1825, 8. Логика Талызина, 1827, 8, занятая изъ Шада. Логика Додаева Магарскаго С. 1822 8. Логика выбранная изъ Клейна Галичемъ, С. 1831, 12. Система логики Бахмана, переводъ Вершинскаго, 3. ч. С. 1833, 8. Руководство къ логикѣ Рожественскаго, С. 1836, 8. Руководство къ изученiю логики по системѣ Бахмана Пащенко, М. 1840, 8. *Опытное душесловiе*: Краткая психологiя или ученiе о душѣ для дѣтей, Кампе, перевелъ Подшиваловъ, М. 1789, 8. Начальныя философическiя статьи, касающiяся до существа и свойствъ души человѣческой съ лат. перевелъ Родiоновъ, Спб. 1791, 8. Физiологiя Блумембаха, переводъ Барсука Моисеева, 2 ч. М. 1796, 8. О единствѣ рода человѣческаго и разнообразностяхъ Блумембаха, переводъ Барсука Моисеева, М. 1804, 8. Руководство къ опытному душесловiю Любовскаго, Харьковъ 1815, 8. Статьи о смыслѣ животныхъ; о воображенiи; о памяти въ вѣстникѣ Европы: психологiя женщинъ и замѣчанiя на оную въ Сынѣ отечества; о психическомъ происхожденiи слова; о влiянiи воображенiя на всѣ науки въ телескопѣ. Картина человѣка Галича, С. 1834, 8. Шульца психическая антропологiя, переводъ Сидонскаго 2 выпуска, Спб. 1836, 8. Введенiе въ опытную психологiю Фишера, ж. м. н. п. мар. 1839. Основныя начала антропологiи Берви: ученыя записки каз. унив. 1839, N 1. Психологiя сновидѣнiй С. О. 31, 1839. Вступленiе темно, а изложенiе въ ученомъ отношенiи весьма неудовлетворяетъ своему названiю. О способностяхъ безсловесныхъ животныхъ, ж. м. н. п. нояб. 1839. *Метафизика*: Метафизика Евгенiя Булгара на еллино греческомъ, Вѣна, 1805, 8. Бавмейстера метафизика, переводъ Толмачева, М. 1808, 8. Начертанiе метафизики Лубкина, Казань, 1818, 8. Institutiones Metaphysicae, conscripsit Wetrinski, Petropoli, 1821, 8. Краткое начертанiе метафизики Юрьевича, 2 ч. Спб. 1824 8. Черты умозрительной философiи Галича, Спб. 1829, 8. Iерусалема размышленiя о важнѣйшихъ истинахъ религiи, переводъ Крылова, 5 ч. С. 1831, 12. Фенелона избранныя сочиненiя различныхъ изданiй и переводовъ. *Умственное душесловiе*: краткая пневматика, перевелъ съ фр. Муратовъ, М. 1791, 8. Наука о душѣ или ясное изображенiе ея совершенствъ, способностей и безсмертiя, Михайлова, М. 1796, 8. Разсужденiе о духовномъ свойствѣ души человѣческой Мендельсона, перевелъ Толмачевъ, М. 1806, 8. Федонъ или о безсмертiи души Мендельсона, переводъ М. 1811, 8. *Умственное мiрословiе*: о мнѣнiяхъ философовъ касательно природы вещей Евгенiя Булгара, Вѣна, 1805, 4. Разсужденiе о предѣльности мiра протоiерея Красовскаго, рукопись. Опытъ философiи природы Кедрова [8], Спб. 1838, 8. *Естественное Богоученiе* Разсужденiе о терпимости въ религiи на еллиногреческомъ Евгенiя Булгара, Польша, 1768, 8. Гроцiево разсужденiе противъ атеистовъ и натуралистовъ, переводъ Амвросiя Зертисъ Каменскаго, архiепископа московскаго, М. 1781, 4. Евгеонитъ или созерцанiе въ натурѣ видимыхъ дѣлъ Божiихъ Апполоса Байбакова епископа орловскаго, М. 1782,

1823, 8, извлеченный изъ лекцій профессора Каченовскаго. Опытъ науки изящнаго, начертанный Галичемъ, Спб. 1825, 12. О высокомъ Лонгина, переводъ Мартынова, Спб. 1826, 8. Главное начертаніе теоріи и исторіи изящныхъ наукъ, Мейшерса, переводъ Сахацкаго, М. 1826, 8. О различныхъ мнѣніяхъ объ изящномъ Камашева, М. 1829, 8. Краткое руководство къ эстетикѣ изъ Эшенбурга, М. 1829, 12. Общая теорія изящной словесности Сѣденцова, М. 1831, 8. Извѣстны имена сильныхъ Русскихъ самомыслителей Ивана Ивановича Ястребцева, Николая Ивановича Надеждина, Николая Алексѣевича Полеваго. Но изложенію Русской и вообще всѣхъ народовъ философіи въ обширнѣйшемъ размѣрѣ и сокращеніи, мы посвящаемъ и посвятимъ всѣ наши досуги [*]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Александръ Степановичь Лубкинъ изъ духовнаго званія, обучался въ костромской семинаріи и потомъ въ Санктпетербургской александро-невской академіи: 1801 г. былъ опредѣленъ ректоромъ и преподавателемъ философіи въ армейской семинаріи; 1815 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ умозрительной и практической философіи въ Казанскомъ университетѣ.

2. Петръ Сергѣевичь Кондыревъ 1807 г. окончилъ курсъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ; 1809 г. получилъ степень магистра словесныхъ наукъ, 1814 г. опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ историческихъ наукъ и политической экономіи.

3. Ѳедоръ Алексѣевичь Надежинъ въ 1819 г. поступилъ въ нижегородское духовное училище; въ 1829 г. изъ высшаго отдѣленія семинаріи посланъ въ санктпетербургскую академію, гдѣ по окончаніи курса въ 1833 г. возведенъ на степень кандидата, съ правомъ производства въ степень магистра, если съ одобреніемъ мѣстнаго начальства совершитъ двухлѣтнюю службу по духовнымъ училищамъ, и если вновь представитъ сочиненіе о предметѣ, относящемся къ духовной учености. Въ томъ же году 12 октября опредѣленъ учителемъ философіи въ нижегородскую семинарію, гдѣ и до сего времени учительствуетъ. Обладая рукописями Надежина, представимъ его введеніе въ ученіе о религіи.

Высшая степень всей дѣятельности человѣческой, и преимущественно нравственной есть дѣятельность благочестивая *или* религіозная, *потому что здѣсь умъ, сердце и воля, весь духъ человѣческій стремится отъ земнаго къ небесному, отъ чувственнаго къ выше чувственному, отъ человѣческаго къ Божественному. Такимъ направленіемъ вся природа человѣка возвышается, человѣкъ дѣлается нравственно совершеннѣйшимъ, принадлежитъ къ выше чувственному царству умныхъ существъ, какъ бы самое небо носитъ въ себѣ и предвкушаетъ небесное блаженство. Философское изслѣдованіе того, что такое религія, или какъ религіозное направленіе, стремящееся къ истинному благочестію, раскрывается изъ первообразныхъ законовъ духа, достаточно ли оно къ истинному облаженствованію человѣка, или нужно высшее пособіе къ тому,* называется философскимъ ученіемъ о религіи.

Обязанъ ли человѣкъ быть благочестивымъ, или обязанъ ли имѣть религію? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ самаго понятія

религіозной дѣятельности и изъ назначенія человѣка. Благочестивая
дѣятельность состоитъ въ стремленіи къ вѣчному и Божественному,
соединенномъ съ твердою увѣренностію достигнуть конечной цѣли
человѣка — святости и блаженства; а назначеніе человѣка и есть
стремленіе къ жизни вѣчной и блаженной, къ соединенію съ Богомъ
посредствомъ постояннаго возвышенія въ нравственномъ совершенствѣ
или святости; слѣд. имѣть религію, быть благочестивымъ есть
самая существенная и самая высшая обязанность человѣка.

Отсюда уже видно отношеніе религіи къ нравственности, или
точнѣе — благочестивой дѣятельности къ нравственной. Собственно
онѣ имѣютъ одинъ источникъ — стремленіе человѣка достигнуть ко-
нечнаго своего назначенія, одну цѣль — доброту души, возвышен-
ность характера. Но если умъ для точнѣйшаго познанія предме-
товъ, раздѣляетъ ихъ, хотя бы они и находились въ тѣсномъ
между собою соединеніи, то нравственность можно назвать сред-
ствомъ къ религіи, и гораздо болѣе плодомъ послѣдней. Нравствен-
ность конечно должна вести и ведетъ къ благочестію: но религія
возводитъ нравственность на высшую степень. Человѣкъ признавая
себя твореніемъ Божества и нравственный законъ почитаетъ даннымъ
отъ Творца: такимъ образомъ самозаконность ума превращается
въ законъ Божій, а уваженіе къ закону — въ благоговѣніе предъ зако-
нодателемъ. Впрочемъ это не то, чтобы законъ дѣлался чуждымъ для
человѣка; напротивъ при религіозномъ направленіи умъ научая, что
должно дѣлать, вмѣстѣ научаетъ видѣть въ нравственномъ законѣ
волю Божію и требуетъ непремѣннаго исполненія ея. По чему ре-
лигіозный человѣкъ дѣйствуетъ уже какъ исполнитель святѣйшей
воли, господствующей въ природѣ и въ царствѣ нравственномъ. Въ
жизни религія дѣлаетъ человѣка нравственнымъ героемъ, даетъ
внутренній миръ и утверждаетъ въ надеждѣ.

Не столь важно въ религіи умозрѣніе: потому что религія
есть принадлежность болѣе чувства, сердца, чѣмъ умствованія;

и не образованный бываетъ самымъ благочестивымъ человѣкомъ, да-
же скептикъ, сомнѣвающійся въ бытіи вещей внѣшнихъ. можетъ
быть религіознымъ по чувствованіямъ и дѣйствіямъ, находя успо-
коеніе въ вѣрѣ. Только безбожіе искореняетъ религіозность. Чело-
вѣкъ религіозный какъ бы непосредственно созерцаетъ предметы ре-
лигіи, онъ съ твердою увѣренностію говоритъ: есть Богъ, есть
жизнь вѣчная, неизбѣжно воздаяніе за дѣятельность въ жизни
временной. Однакожъ и въ области религіи есть дѣло для ума,
умозрѣніе должно предохранять отъ суевѣрія: слѣд. и въ дѣлѣ ре-
лигіи необходима извѣстная степень образованія умственнаго.

Послѣ сего очевидно, по чему мы не помѣщаемъ, согласно съ
древними, ученія о религіи въ метафизикѣ, и, согласно съ нѣ-
которыми новѣйшими, въ метафизическомъ богословіи. Древніе раз-
дѣляя философію на ученіе о вещахъ Божескихъ и на ученіе о ве-
щахъ человѣческихъ, естественно въ первомъ говорили о Богѣ и обо
всемъ, что необходимо связывается съ ученіемъ о Богѣ. Новѣйшіе
не справедливо смѣшиваютъ Богословіе съ ученіемъ о религіи. Ко-
нечно Богословіе и религія имѣютъ тѣсную связь между собою, по-
колику та и другая имѣютъ предметомъ Божество: но первое
есть изслѣдованіе о Божествѣ, вторая твердо вѣритъ въ его бытіе
и свойства, а потому на этой вѣрѣ основываетъ уже болѣе дѣя-
тельность. Богословіе превращаютъ въ ученіе о религіи особенно тѣ,
которые думаютъ, что бытіе Божіе, жизнь будущая не извѣст-
ны теоретически и основываются только на вѣрѣ религіозной. На-
противъ увѣренные въ бытіи Божества должны видѣть въ религіи
характеръ болѣе дѣятельный, соотвѣтствующій увѣренности. Дѣй-
ствительно религіозная настроенность духа пораждаетъ въ человѣкѣ
воодушевленіе къ дѣятельности для побѣды надъ зломъ, производитъ
скорбь при дѣятельности несовершенной, возбуждаетъ упованіе на
Бога, промыслителя и хранителя царства нравственнаго. Вотъ
по чему ученіе о религіи должно составлять вѣнецъ изслѣдованій
философскихъ.

4) Адамъ Андреевичь Фишеръ, коллежскій совѣтникъ, родился 1797 г. дек. 22 по новому стилю, получилъ образованіе въ Кремс-мюнстерѣ и вѣнскомъ университетѣ; при основаніи главнаго педагогическаго института опредѣленъ профессоромъ въ это званіе и директоромъ гимназіи, произведенъ о. профессоромъ санктпетербургскаго университета въ 1832 г. О началахъ своего философскаго курса онъ говоритъ такъ: Основанія философіи суть священное уваженіе къ религіи, непоколебимая вѣрность къ Монарху и безусловное повиновеніе существующимъ законамъ. Я не признаю той философіи, которая осуждена жить въ разрывѣ съ христіанскою вѣрою; знаю только одну философію, заставляющую меня признать очевидность той власти, которую дѣйствительно имѣетъ надъ нами христіанская вѣра; подтверждающую высокія истины откровенія, и внушающую мнѣ смиренное воздержаніе не отвергать ея догматовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они не подходятъ подъ мѣрку слабаго моего разумѣнія. Я не знаю также философіи, которая бы призвана была повѣрять и разбирать дѣйствія правительства, раздражать и возмущать умы, возбуждать звѣрскую страсть къ разрушеніямъ; но знаю только одну философію, коей существенный характеръ, умѣренность, и которая, шествуя законнымъ путемъ познаній, старается улучшить общественное устройство подъ покровомъ самаго правительства.

5) Василій Николаевичь Карповъ, извѣстный по статьямъ въ энциклопедическомъ лексиконѣ помѣщеннымъ, сынъ священника, родился 1800 г.; слушалъ философію въ воронежской семинаріи у протоіерея Іоанна Зацѣпина, человѣка ученнѣйшаго, отличнаго математика, физика, ботаника и философа. Любя болѣе всѣхъ другихъ литературъ германскую, и болѣе всѣхъ другихъ идей—идеи Шеллинга, Зацѣпинъ старался передать юнымъ своимъ слушателямъ, хотя часть своихъ философскихъ познаній. Ученики дѣйствительно принимали ихъ по частямъ, безъ системы, безъ связи, не органически, не могли отдать себѣ отчета въ единствѣ тѣхъ идей, которыя учитель раскрывалъ имъ. Окончивъ курсъ семинарскій, Карповъ, по предписанію начальства, отправился для слушанія курсовъ академическихъ въ Кіевъ. Это было въ 1821 г. Здѣсь Карповъ болѣе всего занимался философіею. Къ счастію, любимую свою науку онъ слушалъ у протоіерея Іоанна Скворцова, который своею строгою, систематическою методою образовалъ его мышленіе именно съ той стороны, съ которой оно было особенно слабо. Въ головѣ Карпова носилось много высокихъ истинъ; но онъ не зналъ что съ ними дѣлать, какъ управиться, какъ оцѣнить свое богатство, что почесть балластомъ, и что драгоцѣннымъ камнемъ. Иванъ Михайловичь Скворцовъ научилъ Карпова дать имъ форму, подвергнуть ихъ критикѣ, утвердить ихъ на началахъ. Для достиженія этой цѣли не менѣе способствовало чтеніе Канта, хотя нѣкоторыя части его ученія, а особенно теоріи о пространствѣ и времени и законодательствѣ ума практическаго Карпову и тогда еще не привились. Слушая лекцію о свойствѣ человѣческой свободы и объ отношеніи ея къ такъ называвшейся тогда волѣ низшей, онъ вдругъ пришелъ къ мысли о возможности изъяснить всѣ какъ нравственныя такъ и умственныя антиноміи изъ взаимнаго отношенія духовной и животной жизни человѣка. Эта мысль сильно занимала Карпова. Онъ старался развить ее съ помощію Кантовой критики чистаго разума; но Кантъ ему противорѣчилъ; и Карповъ обратился къ Платону, который съ того времени сдѣлался любимымъ его философомъ и воспитывалъ въ немъ любимую его идею. Эта идея доселѣ не

оставляетъ Карпова и составляетъ душу его системы. Вотъ она: изслѣдывая человѣка синтетически—со стороны его жизни феноменальной, мы не примѣтно придемъ къ результату, что ни въ бытіи, ни въ дѣятельности его нѣтъ ничего однороднаго. Все, входящее въ область его сознанія и подъ условіемъ сознанія дѣлающееся тождественнымъ, имѣетъ форму и содержаніе, а форма и содержаніе, приходя въ единство, соединяютъ въ человѣкѣ два міра, духовный и чувствующій или животный. Существенныя свойства этихъ двухъ міровъ, поколику онѣ приходятъ въ тожество,—становятся условіями не только дѣятельности, но и бытія человѣческаго. Духъ безконеченъ; органическая природа, развитая въ человѣкѣ до высочайшей степени, конечна. Первому свойственно абсолютное вѣдѣніе; последней—безотчетная инстинктуальная жизнь. Тотъ есть чистая свобода, эта-слѣпая необходимость. Духъ есть Богъ; природа—Его твореніе. Недостаетъ средняго звѣна, которое бы соединяло конечное съ безконечнымъ и съ одной стороны служило проводникомъ Божіей благости къ творенію, съ другой—твореніе вело къ цѣлямъ, предуставленнымъ вѣчною премудростію. Это среднее звѣно есть и должно быть такимъ существомъ, въ которомъ бы положили залогъ своего бытія и дѣятельности безконечное и конечное, Богъ и природа. Отсюда является рядъ существъ разумно-свободныхъ, которыя, по существу своихъ элементовъ, не могутъ быть ни конечными, ни безконечными, но *неопредѣленными*, ни вѣдущими, ни невѣдущими, но *познающими*, ни чисто свободными, ни необходимыми, но *имѣющими волю* поступать такъ, или иначе. Соединившіеся въ бытіи человѣка элементы его жизни и чрезъ свое соединеніе давшіе бытіе самому сознанію, внесли въ его природу и соотвѣтствующіе себѣ законы, которые пришедши во внутреннюю связь, составили *законъ нравственный*. По сему

совершенство нравственнаго закона должно предполагать гармонію двухъ природъ, соединенныхъ въ сознаніи человѣка. Если же опытъ показываетъ, что такой гармоніи нѣтъ; то необходимо должно заключить, что нравственный законъ распался на свои элементы и произвелъ борьбу законовъ духовнаго и душевнаго. Такимъ же образомъ находитъ Карповъ и происхожденіе *законовъ умственныхъ* или *логическихъ*, и отъ существа ихъ заключаетъ къ существу человѣческой природы со стороны познавательной. Что касается до чувствъ религіознаго и эстетическаго, то источникъ ихъ, по его мнѣнію, скрывается глубже—въ самомъ бытіи человѣческой природы, поколику въ существо ея входятъ съ одной стороны начало Божественное (образъ Божій), съ другой — высочайшее развитіе органической жизни—чувствованіе. Отсюда видно, что характеръ его системы—*синтетизмъ*. Служба Карпова началась въ кіевской семинаріи, но преподаваніе философіи поручено ему спустя 3 года по окончаніи курса, когда онъ переведенъ былъ въ кіевскую академію. Въ 1833 г. онъ вызванъ въ Санктпетер. на тотъ же предметъ, и въ 1835 получилъ каѳедру профессора.

6) Ѳедоръ Ѳедоровичь Сидонскій, магистръ, священникъ санктпетербургскаго казанскаго собора, окончилъ курсъ наукъ въ тверской семинаріи и въ августѣ 1825 г. поступилъ въ санктпет. дух. академію. 1830 г. марта 20 дня определенъ баккалавромъ философскихъ наукъ и англійскаго языка, а въ 1833 г. по опредѣленію коммисіи, перемѣщенъ на классъ французскаго языка. Служба его въ академіи кончилась 1835 г. окт. 13 дня. Предметъ философіи, по мнѣнію Сидонскаго, состоитъ въ рѣшеніи задачь: главной, о жизни вселенной, подчиненной о законахъ дѣятельности и свойствъ познавія.

Показавъ пріемы рѣшенія сихъ задачъ характеръ философскихъ изслѣдованій, ихъ отношеніе къ другимъ наукамъ; источникомъ рѣшенія онъ поставляетъ разумъ, вспомоществуемый опытомъ, концемъ изслѣдованія—разумѣніе жизни вселенной, исходнымъ пунктомъ—опытное постиженіе міра видимаго, точкою обзора абсолютное въ опытѣ, наше *я*, въ которомъ сосредоточиваются ощущенія происходящаго внѣ и внутри. Лучшимъ методомъ Сидонскій почитаетъ математическій или сличительный; философію онъ раздѣляетъ на логику, метафизику и иѳику.

7) Къ числу ученыхъ, занимающихся разработкою отдѣльныхъ частей философіи и ея исторіи, долженъ быть причисленъ Василій Афанасьевичъ Сбоевъ, родившійся 15 марта 1810 года въ казанской епархіи, нынѣ титулярный совѣтникъ, учитель церковной исторіи и греческаго языка въ казанской семинаріи. Помѣщенная въ ученыхъ запискахъ казанскаго университета статья его подъ заглавіемъ: *Гносисъ* и *Гностики* есть отрывокъ изъ его критико-философскаго сочиненія, въ которомъ подробно излагается философія іудейско-александрійская во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Въ Сбоевѣ видно направленіе религіозно-философское. Онъ крѣпко стоитъ на мысли, что философія должна быть основана на идеѣ Безусловнаго, но самое построеніе ея не должно входить въ составъ наукъ философскихъ: она должна быть заимствована извнѣ—именно, изъ откровенія. Мысль эта составляетъ для него основную нить, которую онъ проводитъ чрезъ всѣ свои изслѣдованія. Въ исторіи іудейскихъ сектантовъ, теософовъ, каббалистовъ, александрійскихъ эклектиковъ и въ особенности неоплатониковъ онъ неуклонно руководствуется этою мыслію и не

удачными попытками философовъ постигнуть безконечное старается доказать безполезность и пагубныя слѣдствія самыхъ попытокъ. Въ извѣстномъ намъ рукописномъ сочиненіи Сбоева: *О нравственно-духовной жизни человѣка*—еще яснѣе обнаруживается направленіе религіозно-философское. Все наше мышленіе,—говоритъ онъ, есть движеніе отъ существенно свойственнаго душѣ нашей предчувствія до просвѣтленія умственнаго и полнаго освоенія и проникновенія души истиною. Душа каждаго человѣка есть запасное хранилище всѣхъ истинъ, доступныхъ человѣческому мышленію. Въ видѣ предощущеній онѣ всегда живутъ въ душѣ его. Развивать эти предощущенія, переводить ихъ въ понятія и уяснять до просвѣтленія ихъ въ чувствѣ религіозномъ, которое питается, крѣпится и совершенствуется только нравственною жизнію—вотъ задача всего умственнаго бытія нашего. Одна христіанская любовь возторгаетъ вѣдѣніе человѣческое до воодушевленія и помазанія; потому что она одна въ состояніи довести до высочайшей степени развитія религіозное чувство. Мышленіе обыкновенное, мышленіе человѣка, непроникнутаго чистою христіанскою любовію, не можетъ итти далеко. Оно только переводитъ темныя и туманныя для него дѣйствія этого чувства въ понятія и въ нихъ полагаетъ найти свѣтъ и истину. Но нѣтъ полной истины ни въ понятіяхъ, на которыя разложена одна изъ идей, хранившихся дотолѣ въ чувствѣ,—ни въ понятіяхъ, которыя суть слѣдствія совокупленія многихъ эмпирическихъ данныхъ въ одно идеальное цѣлое. Въ первомъ случаѣ нѣтъ истины полной по тому, что всякая идея во всемъ своемъ объемѣ, какъ нѣчто безконечное, не развиваема, не осуществляема и не отражаема въ конечномъ. Довольно и того, если разсудокъ и воображеніе умѣютъ схватить одну изъ сторонъ ея и достойнымъ образомъ заклю-

чить въ тѣсные предѣлы конечнаго. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ истины полной по тому, что самое первое дѣйствіе составленія понятій, т. е. наблюденіе, всегда можетъ оставить и всегда оставляетъ въ единичныхъ вещахъ тысячу признаковъ, незамѣченныхъ и недосмотрѣнныхъ. Отъ того-то и говорится, что имѣть понятіе о вещи и знать ее надлежащимъ образомъ, вполнѣ—суть двѣ совершенно различныя вещи. Итакъ гдѣ же полная совершенная истина? Только въ религіозномъ чувствѣ, раскрываемомъ вѣрою и любовію христіанскою, только въ непосредственномъ умственномъ созерцаніи заключенныхъ въ немъ идей. Какъ наша настоящая жизнь, которую мы начинаемъ въ семъ мірѣ, не есть жизнь дѣйствительная, жизнь, въ собственномъ смыслѣ, но только стремленіе къ жизни, т. е., къ дѣйствительному и всецѣлому возсоединенію съ Божествомъ: такъ и мышленіе,—это развитіе идей въ понятія, этотъ переводъ безконечнаго на конечное,—не есть мышленіе настоящее, полное, совершенное, но только приготовленіе къ погруженію всѣхъ нашихъ понятій въ нѣдра того же самаго чувства, изъ котораго онѣ произошли, только переходъ въ блескъ свѣтлѣйшаго всеозаряющаго солнца умственнаго. Душа, дѣйствіемъ вѣры и любви христіанской совершившая этотъ переходъ, видитъ уже истину, не какъ нѣчто предлежательное, отдѣльное отъ нея, но самою сущностію своею, такъ сказать, сливается съ истиною, какъ съ чѣмъ-то тождественнымъ съ нею; потому что сознаніе самой себя тогда для нея тоже, что и сознаніе истины и на оборотъ. И это проникновеніе духа истиною, это созерцаніе и постиженіе чрезъ внутреннее чувство самыхъ сокровенныхъ тайнъ бытія, для выраженія которыхъ весьма часто недостаетъ словъ въ языкѣ человѣческомъ, всегда бѣдномъ и слишкомъ ограниченномъ въ сравненіи съ богатствомъ міра

идеальнаго—однимъ словомъ, это, такъ сказать, *объистинотвореніе* духа не можетъ не выражаться въ дѣлахъ въ высокой степени нравственно добрыхъ; потому что дѣло есть нравственно—необходимое выраженіе мысли и качество перваго всегда опредѣляется степенью и свойствомъ дѣятельности послѣдней.

8) Иванъ Андреевичь Кедровъ, сынъ бѣднаго сельскаго причетника, родился 1811 года. Отецъ Кедрова, необучавшійся ни въ какой школѣ, наставилъ его въ чтеніи и пѣніи, отправилъ въ угличское духовное училище и, при каждомъ свиданіи слезно просилъ своего сына учиться, выставляя самого себя въ примѣръ жалкихъ послѣдствій необразованности. Слезы родителя не были напрасны: Кедровъ учился прилежно. Но чѣмъ болѣе онъ приходилъ въ возрастъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость своего положенія. Добрая хозяйка Кедрова, старушка, приходя съ милостыней изъ города, надѣляла его хлѣбомъ. Кедровъ уже рѣшился итти въ монастырь, чтобы быть тамъ чтецемъ. Однакожъ, обстоятельства его скоро поправились: его приняли въ число казенныхъ воспитанниковъ ярославской семинаріи и снабдили по крайней мѣрѣ необходимымъ. Послѣ сего начала развиваться въ немъ ревность къ ученію. Онъ полюбилъ философію за то, что умъ его возвышался съ великими мыслителями до совершенно новыхъ для юнаго философа мыслей, которыя онъ имѣлъ удовольствіе обсуживать и иногда находить невѣрными. 1833 года онъ отправленъ былъ начальствомъ въ санктпетербургскую духовную академію; гдѣ открылся для него случай быть слушателемъ опытныхъ наставниковъ по философіи и читать въ подлинникѣ системы нѣкоторыхъ знаменитыхъ мыслителей. Желая, чтобы со-

отечественники не пугались философіи, какъ науки не общепонятной, онъ съ помощію товарищей перевелъ и издалъ: *курсъ философіи Жерюзе.* По окончаніи академическаго курса, начальству угодно было послать его въ родную семинарію, на классъ словесности. Здѣсь, первое его стараніе было—отпечатать свой: *опытъ философіи природы.* Такимъ образомъ Кедровъ находится доселѣ профессоромъ ярославской семинаріи и библіотекаремъ. Занятія его по философіи теперь медленны; потому что долгъ требуетъ отъ него болѣе упражненій по классу словесности. Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ его разсужденія подъ заглавіемъ: *критическій взглядъ на науку философіи.* Кедровъ старается отличить философію отъ Богословія, исторіи и естественныхъ наукъ слѣдующимъ образомъ. Всего труднѣе обозначить предѣлы между философіею и естественными науками, съ которыми она находится въ самомъ тѣснѣйшемъ союзѣ. Однакожъ нельзя не замѣтить, что отличительный характеръ философіи есть выспренность, что она возвышается надъ всемъ пространственнымъ и временнымъ. Чтобы не быть непонятными, разовьемъ свои мысли болѣе. Обыкновенно говорятъ, что міръ существуетъ въ пространствѣ и времени. Эта мысль справедлива, но не совершенно. По нашему мнѣнію, должно смотрѣть на природу съ двухъ сторонъ, какъ на нѣчто ограниченное или планетное и метафизическое. Безъ перваго послѣднее не моглобы существовать, потому что ни чѣмъ не былобы ограничено, какъ существо конечное и само себя уничтожило бы. Безъ послѣдняго первое былобы непрерывною смѣною явленій, не имѣющихъ конкретнаго бытія,—хаосомъ. Если этотъ взглядъ на природу можетъ быть допущенъ, то она существуетъ въ пространствѣ и времени, какъ существо только органическое или планетное. Правда, въ метафизическомъ бытіи

міра содержатся какъ возможныя, не только всѣ настоящія, но и будущія обнаруженія вещей; однакожъ это бытіе само въ себѣ не имѣетъ никакой формы, которая моглабы подлежать условіямъ вещественнаго міра. По сему природа существуетъ сколько въ пространствѣ и во времени, столько же и внѣ этихъ формъ чувственнаго. Въ первомъ отношеніи, она составляетъ предметъ естественныхъ наукъ, а во второмъ предметъ философіи. Разсмотрите въ самомъ дѣлѣ, выходятъ ли естествоиспытатели въ своихъ изысканіяхъ за предѣлы пространства? Не оградили ли они себя органическимъ существованіемъ міра? Ни ноуменальное, ни духовное въ немъ не подлежитъ ихъ изслѣдованіямъ. Но философъ и не можетъ и не долженъ ограничивать себя въ изысканіяхъ никакими размѣрами пространства. Гдѣ оканчивается область наукъ естественныхъ, тамъ т. е. внѣ пространства, область философіи только еще начинается. Какъ жизнь души, находясь въ тѣлѣ, обнаруживаетъ только планетную, а не метафизическую дѣятельность, такъ и жизнь всего міра. Уму пытливому и жаждущему истины предлежитъ трудъ обнять міръ въ единствѣ цѣлаго, вникнуть въ жизнь его и рѣшить, въ чѣмъ состоитъ основа какъ психическаго, такъ и матеріальнаго бытія существъ. Тоже самое должно сказать и о времени. Науки естественныя изслѣдуютъ природу, какою она имъ является: онѣ не хотятъ знать, отъ вѣчности ли она существуетъ, или получила начало свое во времени. Разсматривая законы вещей, онѣ не занимаются изысканіемъ того, съ котораго времени начались эти законы, или всегда имѣли приложеніе къ природѣ. Не спрашивайте физика о происхожденіи зла въ мірѣ; онъ покажетъ вамъ только физическія причины, отъ которыхъ происходитъ громъ, буря, безплодіе или землетрясеніе и изверженіе огнедышущихъ горъ. Но философъ возвышается надъ всѣми

подобными причинами и ищетъ достаточнѣйшихъ въ нравственномъ существованіи человѣка. На немъ лежитъ обязанность воспроизвесть природу подъ различными условіями ея бытія. Онъ долженъ обозрѣть каждый моментъ космическаго существованія въ отношеніи къ прошедшему и будущему, все время въ отношеніи къ вѣчности. Съ этой точки зрѣнія философу представляются такіе вопросы, въ общности коихъ всѣ естественныя науки какъ бы изчезаютъ. Сюда на пр. относятся задачи о происхожденіи и цѣли міра, о будущей судьбѣ нашей планеты, о предназначеніи человѣка, о состояніи душъ по смерти и такъ далѣе. Итакъ собственная область философіи находится внѣ пространства и времени: мыслителю необходимъ міръ явленій также, какъ необходимъ художнику матеріалъ для построеній.

9) Торжественно просимъ всѣхъ любезнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ русскихъ самомыслителей, доставить намъ ихъ біографіи и очерки, или по крайней мѣрѣ лучшія мѣста изъ ихъ сочиненій, дабы издаваемая нами исторія русской философіи была вмѣстѣ и хрестоматіею наукъ философскихъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ 1-й ЧАСТИ.

Стр.	Строк.	ОШИБКИ.	ПОПРАВКИ.
8 —	7	употребленіе	употребленія
— —	27	метода	методы и пр.

ВО 2-й ЧАСТИ.

9 —	14	какой только они могли и пр.	какой только философія могла заимствовать отъ ораторскаго искуства и приспособить греческое любомудріе къ главнымъ нуждамъ общества и пр.
137 —	21	1215	1275

ВЪ 3-й ЧАСТИ.

60 —	26	задержавъ	задержать его и возвратить
83 —	13	1560 года	опустить
107 —	14	извлекаются	изъясняются
113 —	17	осинь	какъ
117 —	5	софизмовъ	софизмовъ противъ
133 —	10	1764	1704
175 —	22	приходить	переходить

ВЪ 4-й ЧАСТИ.

65 —	21	квадрату	квадратамъ
111 —	16	послѣ Фихте	опустить
138 —	26	національная	національную

ВЪ 5-й ЧАСТИ.

48 —	17	вдругъ ихъ	другихъ

ВЪ 6-й ЧАСТИ.

95 —	5	въ ризѣ	въ руцѣ,

Прочія типографскія ошибки, да исправитъ самъ благосклонный читатель.